

Вл. Крымовъ

О РУЛЕТКѢ МОНТЕ-КАРЛО,
ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ,
ГАСТРОНОМИИ,
МОДАХЪ И

О ПРОЧЕМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОНТЕ-КАРЛО.

Въ царствѣ азарта.

I.

Здѣсь хорошо даже и тогда, когда сезонъ считается совсѣмъ мертвымъ — июль, августъ. Едва ли есть болѣе очаровательный уголокъ на земномъ шарѣ, — круглый годъ тепло, тихо, дожди теплые, освѣжающіе. Рѣдко-рѣдко вѣтеръ и то не сильный, безъ пыли, съ мѣря. Пальмы чувствуютъ себя здѣсь превосходно. Латаніи есть до аршина въ диаметрѣ. Почти рядомъ, въ Итальянской Бордигерѣ, разводятъ ихъ и разсылаютъ по всей Европѣ.

Сейчасъ цвѣтутъ цѣлыми аллеями олеандры, и цѣлѣте и розоватыя цвѣты ихъ дышутъ, на прохожаго жготическимъ ароматомъ. Это дивный запахъ. Его до сихъ поръ не сумѣли воспроизвести въ парфюмеріи, а уже дѣлаютъ изъ каменнаго угля и бѣлую розу, и даже жасминъ, о которыхъ писано въ старыхъ руководствахъ по парфюмеріи, что этотъ запахъ не поддается поддѣлкѣ. Такъ думать о немъ и помѣшанный на духахъ Дезессэнтъ у Гюисманса.

Съ моря не пахнетъ запахомъ порта. Здѣсь нѣтъ судовъ, кромѣ лодокъ для катанья. Море голубое, чистое, ни одного парохода, ни одной чайки. Сезонъ мертвый, мертвая тишина. Среди этой тишины звукъ трубы и пушечные выстрѣлы *). Но пушекъ здѣсь нѣтъ, какъ нѣтъ и войска. Зимой, въ сезонъ, стрѣляютъ голубей въ *time aux pigeons*. Теперь и этого нѣтъ. А выстрѣлы раздаются одинъ за другимъ,—глухие, раскатыстыя Труба, и за ней—выстрѣлъ.

Игорный домъ, *Cercle des Etrangers*, клубъ иностранцевъ. Это не только названіе, здѣсь дѣйствительно строгаѣше запрещенъ входъ въ этотъ клубъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, какъ въ проклятое мѣсто, своихъ туда не пускаютъ Ихъ берегутъ, нельзя разорять своего.

Писано много о Монте-Карло. Кто не знаетъ его, разъ побывавши за границей? Обширное, дивное зданіе, богато декорированное внутри. Кисти извѣстныхъ художниковъ, мраморъ, полированные твердые цвѣтныя породы. Масса воздуха, свѣтъ разсѣянный всюду, цвѣтныя занавѣски, маркизы или стекла. Громадныя люстры и ихъ отраженія въ зеркалахъ во всю стѣну, газовыя и электрическія. Но надъ игорными столами почему-то, какъ десятки лѣтъ назадъ, остались масляныя лампы. Я долго ломалъ надъ этимъ голову—почему? Спрашивалъ крупье, инспекторовъ — улыбаются, но не отвѣчаютъ. Входъ въ ка-

*) Июль 1909 г.

зино бесплатный. Прекрасный симфонический оркестр и тоже бесплатно. Одна знакомая дама говорила мнѣ, что отдала бы годъ жизни за такую уборную, какъ здѣсь дамская. И тоже даромъ.

Все даромъ.

Журналы всего міра, телеграммы на стѣнѣ прямо съ телеграфной ленты. Роскошные сады, террасы надъ моремъ. Ярко-бѣлая баллюстрада среди темной зелени пальмъ и все на голубомъ фонѣ моря. Но тянуть сюда не только это, совсѣмъ не это. Игра. Игра дома, въ клубѣ, это не то. Нельзя выиграть съ Ивана Петровича 1000 рублей, если у Ивана Петровича въ карманѣ всего семь съ половиной. А если даже и много у банкометовъ въ клубѣ, станешь удваивать ставки, а онъ какъ разъ въ нужный моментъ сниметъ банкъ. Здѣсь въ банкѣ сотни миллионовъ, и не снимутъ никогда. Можно выиграть сколько угодно и по какой угодно системѣ. А потомъ этогъ звонъ золота. Особенно стофранковскыя золотыя plaques, медалей, величиной больше нашего серебрянаго рубля. Видишь, какъ платять сосѣду 700 франковъ за одинъ поставленный лун. Долго ли угадать! А можетъ быть! Авось!.. Когда улетѣли изъ урны всѣ блага, подаренныя людямъ богами, осталось случайно одно—надежда, такъ рассказываютъ мифы, эта надежда, это «авось» заставляетъ ставить послѣдніе пятифранковики, мѣнять послѣдніе сто русскихъ рублей. Авось, «надо дать судьбѣ высказаться», какъ говорилъ одинъ мой знакомый. Вотъ, можетъ быть,

на этомъ послѣднемъ пятифранковикѣ и думала осчастливить судьба. Здѣсь потомъ часто стрѣляются, вѣшаются, бросаются въ море. Послѣдующие думаютъ: «Это ему не повезло, а мнѣ, можетъ быть, суждено». А когда эти вѣшаются, новый опять думаетъ «А можетъ быть мнѣ»... Сюда ѣздить только играть, а нужно было бы еще ѣздить изучать людей, ихъ души, изучать психологию. Вчера рядомъ со мной сидѣла эффектно одѣтая дама, руки у нея были грязны и дрожали, волосы растрепались, лицо потное. Многие, сидя съ 10 утра до 11 ночи за столомъ рулетки или *trente-et-quarante*, еле-еле успѣваютъ наскоро повѣсть, такъ некогда. Прѣвзжаютъ, мѣняютъ деньги, откладываютъ часть, чтобы этой не трогать, проигрываютъ остальное, уходятъ, снова у дверей возвращаются, ставятъ отложенное. Или ѣдутъ домой, привозятъ еще и тоже проигрываютъ.

Недавно рассказывалъ одинъ русскій, что онъ жилъ въ Ниццѣ и, ѣдучи утромъ въ Монте-Карло, бралъ всегда только сто рублей. Днемъ возвращался, бралъ еще сто. Вечеромъ снова сто. Приходилось иногда два-три раза ѣздить въ Ниццу. Потомъ рѣшили лучше сразу брать все.

Надо самому поиграть, чтобы понять ихъ. Я видѣлъ людей серьезнѣхъ, богатѣхъ, принципиально ни во что не играющихъ, и они проигрывали потомъ большія суммы. Здѣсь много достойнаго наблюденія, только никто, къ сожалѣнью, не наблюдаетъ, всѣ играютъ...

II.

Около казино минами взрывают и убирают большую скалу, чтобы еще расширить залы. Лѣтъ пять назадъ пристроили къ казино большой залъ справа на море, потомъ большой стѣва. Теперь расширяютъ почти вдвое въ длину—не хватаетъ мѣста для новыхъ и новыхъ игроковъ. Сейчасъ мертвый сезонъ, а около столовъ все-таки полно.

Никакой американскій трестъ, никакое ростовничество не можетъ идти въ сравненіе съ этимъ учрежденіемъ.

Какія странныя формы создаетъ экономическая жизнь народовъ. Прочтите бюллетени парижской биржи «Русская рента» — столько-то, «Суэзскій каналъ» — столько-то... «Газъ Парижа», «Фонографъ Патэ», «Телеграфное Агенство Гаваса»—столько-то. «Клубъ Монако»—5010. Этотъ «Клубъ Монако»—это самое жульническое, самое абсурдное учрежденіе міра, воплотилось въ акцію, какъ газъ, Суэзскій каналъ или рента...

Нельзя вообразить болѣе доходное дѣло, чѣмъ этотъ игорный домъ. На немъ уже многіе составили миллионныя состоянія. Сейчасъ оплачивается цѣлое государство. Маленькое, но все-таки государство. Принцъ Монако, что занимается океанографіей, получаетъ 2.000.000 франковъ въ годъ «скалованья». Онъ получаетъ «скалованья» за позволеніе играть у

него въ государствѣ. Здѣсь, въ казино, онъ, понятно, никогда не бываетъ. У него океанографическій музей и научные кабинеты. Онъ точно не знаетъ объ игрѣ. Всѣ роскошные отели вокругъ, вся эта масса служащихъ, инспекторовъ, крупье, лакеевъ, стражниковъ, всѣ эти газоны, террасы, дивныя зданія, концерты, паркъ, электричество,—все на счетъ игорнаго дома. А акции его все растутъ и растутъ...

Расчетъ простой. Въ рулеткѣ тридцать семь номеровъ. 36 цифръ отъ единицы до 36 и ноль, а платится за выигранный номеръ въ 36 разъ, или по тому же расчету при всякихъ комбинацияхъ ставокъ. Это значить, что одна тридцать седьмая всякой монеты, брошенной однажды на игорный столъ, становится неминуемой собственностью банка, игорнаго дома. Если каждый играющій бросить свои монеты на столъ въ теченіе игры только 10 разъ (на дѣлѣ всегда гораздо больше), то уже треть его денегъ у банка. Кто только вошелъ въ казино и началъ играть (а только одинъ изъ 1,000 не играетъ), уже отдаетъ навѣрняка $\frac{1}{3}$ своихъ денегъ «клубу иностранцевъ». Здѣсь для банка нѣтъ случайностей, нѣтъ неурожая, забастовки, какой-либо катастрофы. Это не логика даже, это чистая математика.

Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ.

Рядомъ съ Монте-Карло, въ Ниццѣ, продается cartes postales, гдѣ изображено казино и стадо барановъ, вѣчно идущее туда. Но идти не бараны,

идеть всё, и умные потому что кроме разума есть «авось», «может быть», есть вѣра въ случай, въ судьбу, есть надежда. Злой, уо умный человекъ создалъ это учреждение. Хорошо онъ зналъ людей. Я слышала не разъ, какъ люди, дошедшіе, что называется, до стѣны, не видящіе выхода въ жизнь, говорятъ:

«А, можетъ быть, выиграю въ Монте-Карло побѣду».

Вѣдь 200 тысячъ можно выиграть на билетъ, стоящій 300—400 рублей и два раза только въ годъ, и главное нельзя вовсе видѣть этихъ 200 т., нельзя зарисоваться ихъ видомъ, а здѣсь не 200 000, а миллионы лежатъ на столахъ во всякое время. Приди и возьми. И можно играть хоть съ пятью франками!

Такъ говоритъ каждый игрокъ въ отдѣльности, а всё вмѣстѣ даютъ такой результатъ. Каждый, входящій въ казино, оставляетъ сегодня треть своихъ денегъ, на завтра треть тѣхъ, какія будутъ у него завтра, и т. д. Иначе говоря, всё деньги, однажды переступившія въ карманахъ игроковъ порогъ казино, даютъ 30% чистаго дохода клубу. Неправда ли, недурненькое предпріятіе, гдѣ чужія деньги, находящіяся еще въ чужомъ карманѣ, неукоснительно откладываютъ въ вашъ карманъ 30% каждый день... Повторяю, тутъ чистая математика. Въ эти проценты не посчитала психика человека, она увеличиваетъ еще сильно этотъ доходъ. Рѣдко кто уходитъ выигравши столько, сколько у него самого было въ

карманъ въ началѣ игры: хочется больше. За то, проигравши все, что было, уходить поневолю. На мѣлочь здѣсь не играютъ.

III.

Что «клубъ иностранцевъ» чистѣйшей грабёжъ, хитрѣйшая ставка на человѣческую неуравновѣшенность, это понимаютъ здѣсь, видимо, прекрасно. Прочтите «Газету Монако». Пишутъ о чемъ угодно, но только не объ игорномъ домѣ, хотя онъ все здѣсь и все для него. Посмотрите въ альманахахъ государства Монако. Тамъ есть все до имени послѣдняго лакея принца Альберта, но о казино не упоминается. Точно его нѣтъ.

Боятся всякаго скандала, огласки. Стоитъ проигравшемуся пригрозить самоубійствомъ, дають деньги на дорогу, вѣрнѣе не деньги, а желѣзнодорожный билетъ. Я видѣлъ какъ-то, когда англичанину, у котораго выгащили будто бы изъ кармана 2.500 франковъ и который объ этомъ на ухо сказалъ инспектору, тотчасъ заплатили всѣ 2.500 фр. изъ кассы клуба. Но такъ заплатить не всякому, для этого нуженъ такой же рѣшительный видъ, какой былъ у этого сына Альбиона...

Вотъ если бы была возможность предвидѣть будущее и недалекое будущее, всего черезъ три, четыре секунды, даже меньше—секунды довольно. Кажется, такъ не трудно! Шарикъ скачетъ по диску рулетки,

момент—и упадетъ въ ячейку Чего бы проще предвидѣть хотя то, что будетъ черезъ моментъ Не нашлось до сихъ поръ такого гадателя А если бы нашлся, не существовало бы больше казино Монте-Карло. Основатель его былъ, видъ человекъ не вбрыщій въ предсказанія, и не ошибся Нѣтъ предсказаній?! А кто вбрыть въ нихъ, пусть понграеть въ рулетку, наживетъ въ одинъ часъ миллионъ и разоритъ въ день «клубъ иностранцевъ»

Разсказываютъ о разныхъ злоупотребленіяхъ со стороны игорнаго дома при игрѣ Говорятъ, что крупье такъ навострились, что могутъ бросить шарикъ если не на любой номеръ, то во всякомъ случаѣ на желаемую часть круга Ничего подобнаго нѣтъ Выигрышъ казино основанъ на чисто математическомъ расчетѣ, и весь секретъ игры именно въ томъ, чтобы шарикъ падалъ безъ всякой системы Если бы шарикъ стали пускать съ какимъ-либо расчетомъ, если бы онъ сталъ падать на одніи цифры чаще, чѣмъ на другія, игроки моментально ушли бы это. Вѣдь сотни людей, какъ хищныя птицы, сидятъ за столами съ утра до вечера и записываютъ на бумажкѣхъ выходящія цифры и дѣлаютъ изъ нихъ всякія выкладки Явись хоть малѣйшая преднамѣренность, малѣйшій расчетъ со стороны крупье, это тотчасъ бы подмѣтили, и клубъ сталъ бы проигрывать Наоборотъ, здѣсь сдѣлано все, чтобы нельзя было появиться какой-либо системѣ Крупье мѣняются черезъ каждыя полчаса, шарикъ пускаютъ то влѣво, то направо, то

один крупье, то другой. Рулетки каждый день провѣряютъ, какъ самые точные часовые механизмы. Да зачѣмъ бы все это дѣлать «клубу иностранцевъ»? Зачѣмъ какія-либо злоупотребленія или передерпыванія, когда самая «честная» правильная игра даетъ неизбѣжный громадный доходъ?

Мошенничаютъ иногда играющіе и случается надувають банкъ. Но всѣ эти мошенничества выражаются сотнями, ну тысячами франковъ, а тутъ привезли считать на миллионы. И на мошенничества эти администрація смотритъ какъ на дѣтскую забаву — деньги все равно не уйдутъ изъ казино...

Когда приходите въ казино, спрашиваютъ, кто вы? откуда? гдѣ живете? сколько вамъ лѣтъ? Потомъ даютъ входной билетъ за номеромъ, подписями, печатью... Въ дверяхъ билетъ прощелкиваютъ, на оборотѣ билета заставляютъ расписываться, а въ душѣ смѣются: «Гѣшите комедией, мнѣлые! Сколько у тебя въ карманѣ, вотъ что намъ интересно, потому что изъ этой суммы мы сегодня получимъ 30%, а завтра еще 30%»

Впрочемъ, эти вопросы имѣютъ и нѣкоторую цѣль— скажу дальше какую

На столахъ груды денегъ. Когда играетъ 32 стола— это миллионы. И удивляешься, какъ это наши русскіе экспроприаторы не додумались въ свое время обратить благосклонное вниманіе на Монте-Карло. Войска нѣтъ, пулеметовъ нѣтъ, денегъ миллионы и шума не будетъ. Вотъ тутъ, между прочимъ, я понялъ, почему надъ

игорными столами масляные лампы. Даже без экспроприаторов, если перефазать электрический провод или газовую трубу, и в залах вдруг станет темно,—какая катастрофа произойдет, на игорных столах! Тот, кто ставил пятифранковик, заявить, что у него стояла тысяча. И нужно будет платить. Поэтому здесь до сих пор остаются масляные лампы. По восьми над каждым столом. Их не скоро потушишь!... Здесь прогресс прикладных наук остановился. Масло лучше электричества.

IV.

Игорный дом, казино открыто каждый день, круглый год. Нить дней неприсутственных. Только один день в году нить игры—это 15 сентября, день рождения принца Альберта.

В этот день подданные принца и жители соседних французских провинций, Alpes Maritimes, могут осматривать казино, но только осматривать, играть им запрещено навсегда, равно как и войти в казино в обыкновенные дни. Своих нельзя разорять.

15 сентября в игорных залах устраиваются танцы, народный праздник.

Запрещено еще играть офицерам французской армии, недавно запретили и итальянским, после того как несколько застрѣлилось, проиграв казенные деньги.

Недавно одинъ Русский купилъ въ Монте-Карло виллу только для того, чтобы считаться жителемъ государства Монако и чтобы его поэтому не пускали въ игорныя залы! Монте-Карло ему очень нравится, а силы воли не хватаетъ. Уже нѣсколько вилль проигралъ.

Подданные Монако не имѣютъ налоговъ, у нихъ нѣтъ военной службы, поэтому много желающихъ перейти въ монакское подданство. Пришлось создать законъ, уничтожающій это стремление. По закону долженъ заявить о желаніи дѣдъ, — тогда, если его сынъ и внукъ будутъ постоянно жить въ Монако, внукъ можетъ сдѣлаться «монегаскомъ». Живется имъ монегаскамъ недурно, хотя и жалуются они постоянно на притѣсненія администраціи игорнаго дома. Все-таки отъ шальныхъ иностранныхъ денегъ и имъ перепадаетъ не мало. Климатъ и гигиеническія условія жизни хороши, какъ видѣть, смертность самая маленькая въ мірѣ, если не считать приѣзжихъ. Сюда ѣдетъ много и чахоточныхъ, особенно любятъ Монако богатые англичане и американцы. На мѣстномъ кладбищѣ всѣ лучшія мѣста заняты англичанами.

Игорный домъ принадлежитъ акціонерному предпріятію, но официально общества такого не существуетъ. Есть «Общество морскихъ купаній Монако», а казино, игра, какъ бы между прочимъ, при морскихъ купаньяхъ. Громадный роскошный отель возлѣ казино, кафе, музей изящныхъ искусствъ, спортивный клубъ, автомобили, даже извозчики—все это въ рукахъ

тѣхъ же акціонеровъ, что и игорный домъ съ морскими купаньями.

Въ 1909 году отель (Hotel de Paris) и кафе дали акціонерамъ 93%.... Земля стоитъ сейчасъ въ Монте-Карло больше 1.000 рублей квадратная сажень, а Бланъ*) покупать по 20

Администраторы игорнаго дома лучше всѣхъ другихъ чувствуютъ, позорность своего дѣла, антиобщественность его—и молчать, просить молчать и другихъ, отдавать за это часть своихъ барышей.

Стоитъ появиться какой-либо книжкѣ или брошюркѣ, посвященной казино, даже самой невинной,—ее тотчасъ скупаютъ. Скупаютъ не потому, что тамъ изложены какія-нибудь разоблаченія, а просто, чтобы было помельше разговоровъ. На этомъ иные издатели хорошо зарабатываютъ.

Только послѣ долгихъ поисковъ мнѣ удалось найти нѣсколько такихъ книжекъ у буддистовъ въ Ниццѣ, за двойную цѣну.

Карты-постали съ изображеніемъ гусей, играющихъ за столами, повѣсившихся и стрѣляющихся игроковъ запрещены въ Монако, но ими бойко торгуютъ въ Ниццѣ. Покупаютъ, смѣются, показываютъ другъ другу—и ѣдутъ опять играть...

Почти всѣ, уѣзжая за границу, стыдятся признаться, что ѣдутъ въ Монте-Карло.

«Едемъ въ Ниццу»...

*) основатель игорнаго дома

Ницца рядомъ, 30 минутъ ѣзды, и каждый день паломничаютъ въ Монте-Карло

Трудно представить себѣ болѣе роскошный уголокъ, чѣмъ Монте-Карло: нѣтъ мѣста съ болѣе шальными тратами денегъ. Выигранныя деньги куда дешевле обыкновенныхъ и ими здѣсь устанавливается режимъ. Самыя шикарныя женщины ѣдутъ сюда, самыя дорогія бездѣлушки везутъ сюда, вина лучшихъ годовъ скупаются здѣшними отелями... У отеля de Paris, напримѣръ, свой винный погребъ въ 650 000 бутылокъ лучшихъ марокъ, и въ сезонъ изъ этого погреба одного шампанскаго расходуется ежедневно около 4.000 бутылокъ!...

И живутъ тутъ въ атмосферѣ игры и шампанскаго.

«Cercle des Etrangers», это не только клубъ, въ которомъ выигрываютъ всегда его акционеры, это еще и цѣлый иезуитскій орденъ.

О каждомъ входящемъ въ казино, несмотря на громадное количество посѣтителей, собираются самыя точныя справки Кто? откуда? богатъ ли? какое социальное положеніе? . Хотя при входѣ выдается именная карточка, многіе не называютъ своей фамилии почему-либо, не говорятъ вѣрнаго адреса, все тотчасъ узнается. Что извѣстно мѣстнымъ отелямъ, извѣстно и казино, но, кромѣ того, оно имѣетъ большой штатъ сыщиковъ или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «monchards», затѣмъ есть сыщики изъ посѣтителей, чаще проигравшихся игроковъ, застрявшихъ

навсегда въ Монте-Карло и ѣздящихъ только лѣтомъ на гастроли въ Виши, Спа, Биарриць, и, наконецъ, большая армія демимондонокъ. Все это состоитъ на изживеніи казино, одни за определенное жалованье, другіе за позволеніе такъ или иначе дурачить новичковъ.

Случайно сказанная фраза, визитная карточка, мѣтка на чемоданѣ или даже на бѣльѣ—все это принимается къ свѣдѣнію. Если пожить въ Монте-Карло мѣсяць и умереть, то администрація казино сумѣетъ написать вполне точный некрологъ.

Боятся, какъ бы не задѣть кого-либо изъ сильныхъ міра сего, очень боятся ограбленія... Какъ людямъ, у которыхъ неладно на совѣсти, администраторамъ мерещится это ограбленіе всюду. Доходить до смѣшного. Напримѣръ, строжайше запрещено мужчинамъ, входя въ казино, держать въ рукахъ шляпу

Въ восьмидесятыхъ годахъ какой-то господинъ положилъ на каминь, въ залѣ, гдѣ играли въ trente-et-quarante, свой котелокъ. Черезъ нѣсколько минутъ страшнымъ взрывомъ разнесло каминь, залъ наполнился дымомъ и пылью, нѣсколькихъ ранило, но крупье успѣли схватить кассы и ничего ограблено не было. Все-таки переполохъ былъ большой, акціи сразу упали на нѣкоторое время. Теперь, если положить на диванъ шляпу, къ ней бросаются touchards, и моментально шляпа уносится...

Всѣ украшения внизу стѣнъ и колонны сдѣланы такъ, чтобы всякій закоулочекъ былъ виденъ. Подъ

диванами все заделано наглухо, под столами тоже, только чтобы поместились ноги. И то постоянно туда поглядывают, какъ бы ища упавшія монеты.

V.

Ограбить казино, вѣроятно, трудно, но пустить въ него бомбу съ моря очень легко. Пушки тутъ есть только декоративныя, у дворца принца.

Давно уже здѣсь рассказываютъ, какъ какой-то капитанъ американскаго военнаго судна проигралъ 1.1/2 милліона франковъ казенныхъ денегъ, потомъ подѣхалъ на своемъ броненосцѣ на разстояніе выстрѣла и предложилъ немедленно вернуть ему 1.1/2 милліона или иначе грозилъ взять прицѣлъ на середину казино и выстрѣлить. «У меня хорошия пушки и имъ выпадеть почетное дѣло разрушить это разбойничье гнѣздо, а мнѣ и такъ, и иначе придется застрѣлиться»...—писалъ американецъ администраціи казино. Деньги ему вернули, а какая-то частная американская компанія взяла на службу рѣшительнаго капитана на большой окладъ.

Это легенда, понятно, а дѣйствительность то, что милліоны текутъ и текутъ въ кассы банка, но обратно уже не возвращаются. Вотъ наступитъ сезонъ и ежедневно, въ часъ ночи, закрывая казино, банкъ будетъ забирать 300 — 400 тысячъ дневнаго заработка.

Раньше закрывали казино в 10 часов, потом стали в 11, потом в 12, теперь закрывают в час. Если бы открыть на всю ночь, тоже было бы полно, но нужно натирать полы и наливать масло в лампы.

Окончательно проигравшимся дают, опасаясь скандала, франков 200 — 300 на выезд, но для такой подачки нужно проиграть много, несколько десятков тысяч. Выдачу эту окрестили остроумно *viatique* (так называется у католиков последнее причастие умирающего), и после *viatique* уже навсегда вход в игорные залы запрещен.

Цылая армия людей живет около казино и не играя. В большинстве случаев это бывшие игроки. У них десятки специальностей — советчики, продавцы систем, заинтересованные мисты, сводники, покупатели и продавцы драгоценностей, «святые Винценты» и проч. Святые Винценты — это специалисты по забиранию чужих ставок и тасканю денег, оставленных кѣм-либо на столѣ, «сироты» и «вдовы», на мѣстномъ языкѣ, а св. Винцентъ, какъ извѣстно, быть покровителемъ вдовъ и сиротъ...

Въ сезонъ при большой игрѣ, когда вокругъ стола, кромѣ сидящихъ, игроки стоятъ въ 3—4 ряда, путаница со ставками постоянно. Споры, недоразумѣнія. На одну ставку является часто нѣсколько хозяевъ, иные не знаютъ, какъ ставить, не понимая правилъ игры, думаютъ, что ставка проиграна, когда она только попала «въ тюрьму», послѣ вышедшаго

нудя, и т. д. Вот тут-то и живятся всякаго рода «специалисты».

Доходя до удивительных ужасней, есть десятки способов заработать за день несколько золотых. Например, господин в очень широких брюках, завернутых снизу, высматривает игрока покрупнее, играющего золотом, и садится с ним рядом. Когда игроку платят за выигрыш и он заберет в руку кучку золота побольше, сосед с завернутыми брюками резким движением толкает его под руку, извиняется понятно, но монеты сыплются на пол. Падая, несколько золотых попадают в складку брюк, а если удобно, то и еще, как бы помогая поднимать с пола, прикарманивает двѣ-три монеты.

Таким или иным способом, но фактъ тотъ, что люди живутъ изо дня въ день ровно ничего не имѣя и только дежуря постоянно то у одного стола, то у другого. Выигранныя деньги никто не считаетъ и часть ихъ перепадаетъ «специалистамъ».

Французы, привыкши къ этому, говорятъ добродушно

— Ну что же, надо и этимъ бѣднымъ дьяволамъ жить... Богъ съ ними.

— И *rautes diables*—живутъ

Бываютъ и неумышленныя недоразумѣнія и курьезы. Рассказываютъ хотя бы такой случай

За столомъ «30 — 40» играетъ известный французскій писатель. Ставить понемногу и то проигры-

ваетъ, то выигрываетъ. Ставить на «красное» луи и, отлепшись разговоромъ, черезъ нѣсколько минутъ видить, что на мѣстѣ его луи цѣлая кучка. Обрадовавшись, онъ беретъ изъ кучки одинъ золотой, а кучку оставляетъ на томъ же «красномъ». Выходить опять красное Кучка удваивается, онъ беретъ еще золотой, а кучку оставляетъ. Опять выигрываетъ и такимъ образомъ съ одного луи у него больше тысячи франковъ Онъ беретъ лопаточку и тянетъ къ себѣ всю кучку, не желая дальше испытывать судьбу, но въ это время съ другой стороны стола раздается по-англійски:

— O no, no, sir, it is very much! я позволилъ вамъ взять нѣсколько золотыхъ, потому что вы извѣстный писатель, но не все

Оказывается, что это ставка англичанина, а золотой писателя давно проигранъ...

VI.

Когда попозже вечеромъ тихое море освѣщено луною, когда въ садахъ около казино, въ искусственныхъ болотцахъ, начнутъ состязаться лягушки-турлушки съ лягушками-квакушками, а въ кафе играютъ Ave Maria — здѣсь удивительно поэтично и ничто не напоминаетъ о грабежѣ въ казино. Не то богатая вилла, не то санаторій...

И долго еще, вѣроятно, здѣсь будутъ грабить публику, такъ какъ акціи «предпріятія» находятся

въ «хорошихъ рукахъ» Кроме принца Альберта, одного изъ крупнѣйшихъ акціонеровъ, еще называютъ много громкихъ титулованныхъ именъ, которыя поддерживаютъ свой бюджетъ доходами игорнаго дома въ Монте-Карло

Казино все растетъ и растетъ. Съ октября открываютъ еще новую роскошную пристройку Это уже, кажется, шестая пристройка Каждая изъ нихъ все портитъ понемногу первоначальную архитектуру здания, удивительно красивую, созданіе строителя Парижской оперы Гарнье. Но зато каждая даетъ возможность поставить еще три-четыре стола, а каждый столъ приносить въ годъ въ среднемъ миллионъ франковъ

Теперь въ сезонъ будутъ играть уже не 32 стола, а 40, и люди свѣдущіе говорятъ, что все-таки играть можно будетъ только избраннымъ, заранее отмѣчая мѣста за столомъ черезъ кругіе или капель-динеры.

Такой наплывъ желающихъ!

Въ 1910 году «Cercle des Etrangers» далъ 37 миллионъ франковъ чистыхъ, за вычетомъ всѣхъ расходовъ. А изъ тоже не мало платятъ служащія въ 3 000 человекъ, аренда принцу Альберту 2 000 000, налоги за все государство Монако, водопроводы, канализация, освѣщеніе всего государства, полиція, сады, постройки — однимъ словомъ весь государственный бюджетъ

Принцъ Альбертъ построилъ роскошный океанографическій музей, подарилъ его своему народу, затѣмъ

дать своимъ 1.100 подданнымъ конституцію и чувствуетъ себя вполне гуманнымъ и просвѣщеннымъ человекомъ.

Принцъ только изрѣдка бываетъ въ театрѣ, но совсѣмъ съ другого подъзда, который для декорации охраняется постоянно карауломъ. Ничего общаго съ казино принцъ не имѣетъ, кромѣ доходовъ...

Одинъ изъ послѣднихъ номеровъ французскаго юмористическаго журнала «L'assiette au beurre» названъ «Rauvtes gois»... На одной карикатурѣ короли собрались на совѣщаніе для организаціи «профессіональнаго союза» по случаю «плохого, тяжелаго времени». Всѣ голосуютъ за профессиональный союзъ, кромѣ Альберта Монаккаго, который всѣмъ доволенъ и никакихъ измѣненій не желаетъ... Номеръ сильно разошелся въ Парижѣ, а въ Монако его не пускаютъ, какъ не пускаютъ газетъ, открыткы писемъ, книжекъ, гдѣ писано что-нибудь противъ рулетки...

Своя государственная цензура у игорнаго стола...

Чѣмъ больше знакомишься съ казино, тѣмъ больше находишь въ немъ достопримѣчательнаго. Покойный Бланъ (ихъ было два брата, но главный одинъ), создатель казино, былъ недюжинный человекъ.

Все предусмотрѣно, все предвидѣлось далеко впередъ...

Чего, въ рѣдкомъ случаѣ, не уловить само казино непосредственно, то улавливается женщинами, ресторанами, автомобилями, ювелирами, театромъ, — все это тутъ же, рядомъ и такъ или иначе зависитъ отъ того же казино.

Но все непременно останется здѣсь, здѣсь... И все это предвидѣть Блань.

Доходы игорнаго дома все растут и растут и трудно даже предвидѣть, до чего они вырастутъ, если кто-либо не положитъ предѣлъ этому поганому учрежденію.

А какъ тянетъ сюда людей! Посмотрите. Молоденькія женщины, которымъ не хватило на шляпку съ марабу, и такія же женщины, которыя совсѣмъ живутъ отъ игорнаго дома, старья старухи, совсѣмъ сѣдые, съ черными наколками, и параличные старики на костыляхъ, у которыхъ кровь движется только за игрою, всякія темныя личности и просто люди, у которыхъ нарушилось равновѣсіе жизни, и самые обыкновенные, простые, нормальные, — всѣ, абсолютно всѣ, играютъ. Нѣкоторые сначала, прѣхашн сюда, ходятъ мимо столовъ, иронически улыбаются, критикуютъ, но потомъ, черезъ нѣкоторое время шутя бросаютъ на столъ пятифранковикъ, «такъ себѣ, не для игры, ради курьеза...», и потомъ уже не критикуютъ больше. На слѣдующій день видите уже такого господина за столомъ, и оказывается, что онъ выдумалъ безусловно вѣрную, безпроигрышную систему.

Проигрываютъ всѣ, одни мало, другіе—много, но всѣ абсолютно. Не вѣрьте тѣмъ, кто увѣряетъ, что выигралъ. Иначе не можетъ быть или абсурдъ вся математика.

Случайно, какъ рѣдкое исключеніе, можно выиграть сегодня, можно, наконецъ, выиграть завтра, но

на третій день проиграете. Если васъ вызовутъ неожиданно телеграммой и вы уѣдете исключительнѣйшимъ счастливецемъ, выигравши, вы прїѣдете другой разъ и все-таки проиграете...

Можетъ быть, здѣсь какія-нибудь заколдованныя деньги, но возвращаются онѣ обязательно...

Какъ-то въ зимній сезонъ я видѣлъ такой случай. Какая-то старушка выиграла вдругъ за день 80.000 франковъ. Когда поздно вечеромъ она вышла изъ казино, администрація уже знала, что старушка эта живетъ въ Ниццѣ, и чтобы дорогой злые люди не вздумали ограбить старушку, незамѣтно ее провожали два агента игорнаго дома.

Меня поразила такая предупредительность, и я высказала похвалу одному изъ лицъ, причастныхъ къ казино.

« — Вы не такъ это поняли...—сказало мнѣ «лицо» откровенно, -мы вовсе не беспокоимся за старушку, мы просто сторожимъ «наши» 80.000... При посредствѣ самой старушки деньги быстро вернутся къ намъ, а если ее ограбятъ, то отъ этихъ господъ обратно не скоро получишь...

VII.

Показываютъ здѣсь англичанина, бывшаго миллионера. Онъ проигралъ все состояніе до копѣйки и получаетъ теперь отъ дирекціи казино по 20 франковъ въ день съ обязательствомъ не играть: входъ

въ казни ему строжайше запрещень, какъ и поддан-
нымъ монакскаго князя.

О самоубійствахъ ходятъ цѣлыя легенды, но
газеты объ нихъ никогда не пишутъ, получая за
молчаніе хорошія субсидіи отъ игорнаго дома.

Тутъ есть свои легенды, свои преданія.

Разсказываютъ о крупье, который будто бы лѣтъ
25 назадъ составилъ себѣ большое состояніе. За столъ,
гдѣ онъ пускалъ шарикъ, приходили играть его
родственники и ставили на №№, расположенные на
извѣстномъ секторѣ рулетки. Крупье умѣлъ пускать
шарикъ, попадая не на извѣстный номеръ, — что
почти невыслнмо, а на любой секторъ, на данную
четверть рулетки. Пока администрація дома поняла
этотъ фокусъ, были уже уплотнены игрокамъ боль-
шія суммы. Но это только рассказы...

Одинъ промотавшійся русскій купецъ признался
какъ-то мнѣ, что онъ живетъ исключительно около
рулетки.

Заводитъ знакомство то съ однимъ, то съ дру-
гимъ русскимъ, подходитъ, разговариваетъ, совѣтуетъ
какъ играть. Потомъ какъ-нибудь слыша, когда
шарикъ уже пущень, говоритъ:

«Ставьте скорѣе на нуль... пополамъ... я слы-
шалъ какъ инспекторъ сказалъ крупье попробовать
попасть на «зеро» здѣсь иногда даютъ такія задачи,
чтобы испытать искусство крупье»...

Понятно, что ничего подобнаго крупье не задаетъ,
это невозможно, но тонъ, не допускающій возраженій,

стѣшность дѣлають свое, и русскій ставитъ на нуль. Если по счастливой случайности нуль выйдетъ, под-сказыватель получить половину, восемнадцатикратную ставку, если же нуль не вышель, то о томъ, что шли пополамъ, какъ бы забыто...

Есть масса вариантовъ такой игры «на арапа».

Тотъ же русскій рассказывалъ, какъ однажды ему удалось увѣрить какого-то остзейскаго барона въ существованіи безпронгрышныхъ системъ игры въ рулетку. Одну изъ такихъ системъ онъ «открылъ» барону. По этой системѣ, для того чтобы выиграть 25.000 франковъ, необходимо быть оборотный капиталъ въ 50.000 и нужно было не пропускать ни одной ставки, ибо иначе вся система падала! Баронъ сталъ играть, но такъ какъ играютъ въ казино съ 10 утра до 1 ночи, а пропускать удары нельзя, баронъ, выходя на минутку изъ зала, оставлялъ дѣлать ставки, согласно системѣ, своего любезнаго совѣтника. Въ эти промежутки совѣтникъ успѣвалъ «нанграть» кое-что себѣ въ карманъ и послѣ недѣли игры у барона отъ 50.000 франковъ осталось одно воспоминаніе, а у русскаго составилъ капиталецъ въ 8.000...

Есть способы и дѣйствительно играть навѣрняка. Напримѣръ такъ.

Играють двое. Обыкновенно одна дама, другой—мужчина. Мужчина беретъ въ руку серебряный пяти-франковникъ и золотой лунъ, сверху держится пяти-франковникъ, подъ нимъ лунъ. Мужчина, какъ бы

слыша, проталкивается къ столу, когда шарикъ рулетки уже пущенъ, и въ тотъ моментъ, когда шарикъ падаетъ на дискъ, онъ быстро ставитъ обѣ монеты, на-какихъ нибудь шесть номеровъ, «transversale-à-cheval». Крупье видитъ эту новую ставку и кричитъ, чтобы ставка была взята обратно—«это не идетъ... уже поздно...». Пока это говорится, шарикъ уже остановился и въяснилось, выиграли ли тѣ шесть номеровъ, на которые была сдѣлана ложная ставка. Если проиграно, забирается все обратно, обѣ монеты, если же выиграно, то берется только верхняя монета—пятифранковая, а нижняя оставляется. Когда за эту монету платятъ, она оказывается принадлежащей дамѣ, столцей совсѣмъ на другомъ концѣ стола, а крупье при массѣ ставокъ не можетъ помнить, была ли эта монета поставлена раньше этой дамой...

VIII.

Шуршать по гравію дорожекъ автомобилей, стрекочуть цикады, спрятавшіяся въ громаднѣхъ фикусахъ, море тихо плещется, на берегу играетъ музыка, но надо всѣмъ царствуетъ звонъ денегъ. Онъ слышенъ и снаружи въ раскрытыя окна.

Громче всего звенятъ большіе и дешевые пятифранковики за рулеткой, это масса, плескъ; лундоры маленькіе, незамѣтные, но дорогіе, съ тихимъ звономъ, и среди нихъ аристократическія «пляски» по 100 франковъ, большія, золотыя, красивыя... Ходятъ

мимо люди, и чѣмъ больше смотреть, какъ лопаткой двигаютъ послѣ каждаго удара цѣлья кучки золота, тѣмъ все легче и проще кажется выиграть. Поставить одинъ золотой, всего 20 франковъ, а дадутъ 720...

Звонъ денегъ навѣваетъ чарующія грезы, и грезы кажутся легко осуществимыми: только поставитъ, а вдругъ да судьба и улыбнется...

Музыка, морскія купанья, быстрая ѣзда на автомобиляхъ, въ промежуткахъ шампанское, и такъ хочется «жить»... А деньги такъ легко можно выиграть! И всѣ проигрываютъ...

Какихъ-какихъ только типовъ тутъ не встрѣтите. Но самые комичные, это «систематисты». Они усаживаются къ игорнымъ столамъ съ утра, ждутъ еще у входа, пока откроютъ казино, приносятъ съ собою нѣсколько тетрадокъ въ переплетахъ изъ черной клеенки, книжекъ, таблицъ и все что-то записываютъ, считаютъ, отмѣчаютъ серіи «постоянныя» и «пере-мѣнчивыя», выжидаютъ часами и потомъ уже дѣлаютъ ставку, — и, понятию, или проигрываютъ или выигрываютъ, такъ же какъ и всѣ иные, съ постояннымъ шансомъ въ пользу банка.

Эти люди со стороны производятъ впечатлѣніе ненормальныхъ, а въ сезонъ такихъ тысячи.

Шарикъ прыгаетъ неразумно, его направляетъ не человекъ-крутье, а случай, внѣ всякой системы, и въ этомъ все дѣло, въ этомъ секретъ постоянного, неизмѣннаго выигрыша банка.

Если бы администрация казино или отдельный крупье вздумали плутовать, тогда тотчас могли бы житья системы игры, и банкъ сталъ бы проигрывать. А здѣсь этого нѣтъ, и потому выиграть невозможно... Если монета брошена на столъ 37 разъ, она по чисто математическому расчету принадлежитъ банку. Одна раньше 37 ставокъ, другая позже, но обязательно. Если игрокъ имѣетъ 20 франковъ, онъ никогда не удовольствуется выиграть еще двадцати, а на выигрѣшь сорока у него $1/4$ вѣроятія, на 80— $1/8$, на 160— $1/16$, на 320— $1/32$ и т. д. Такимъ образомъ получается одинъ шансъ противъ 32, что выиграете, и еще съ каждой ставки $1/37$ въ пользу банка!

Но никто этихъ расчетовъ не дѣлаетъ и всѣ играютъ.

У людей здѣсь отнимается разумъ, послѣдніе остатки силы воли, не говоря о деньгахъ. Не одна тысяча состояній разбита здѣсь. Подумайте только: 37 милліоновъ чистыхъ заработано за одинъ годъ, а казино существуетъ около сорока лѣтъ... Взгляните же откуда-нибудь эти милліоны?!

Несмотря на дивный климатъ, на волшебную-прекрасную природу, люди старятся здѣсь на глазахъ, становятся осунувшимися, какъ послѣ тяжелой болѣзни.

За столами потныя, истомленныя лица, дрожащія руки, обкусанныя до крови губы...

Сейчасъ вотъ, когда я пишу это, сидя на балконѣ «Hotel de paris», плетется въ казино американецъ, молодой еще человекъ лѣтъ сорока. Я его вижу здѣсь

уже третій годъ. Онъ проигрываетъ и выигрываетъ только сотнями тысячъ. Рассказываютъ, что въ прошломъ году ему нечѣмъ было заплатить по счету гостиницы, сейчасъ онъ опять швыряетъ десятками тысячъ. Онъ играетъ почти всегда за однимъ и тѣмъ же столомъ, мѣсто ему оставляютъ заранее. Несмотря на британскую кровь, играя, онъ волнуется, на лицѣ подергиваются жилки, руки нервно перебираютъ золото, обтираетъ потъ. Послѣ игры пьетъ замороженное шампанское и сумасшедшей ѣздой ѣдетъ на автомобилѣ въ горы. Автомобиль всегда ждетъ. Послѣ ѣзды опять шампанское, опять игра и опять сначала...

Еще годъ назадъ это былъ молодой человѣкъ, теперь почти старикъ, еле волочить ноги отъ приступовъ подагры. И подагру лечить шампанскимъ...

Монте-Карло.

Августъ 1910 г.

Еще о Монте-Карло.

Шедевр рекламы.

Внутри кафе полно, столики на террасе расписаны раньше. Играет музыка, подкатывают, мягко шурша по песку, автомобили. Лошади здесь только для маломощных.

Умело суетятся бритые лакеи, лукавой улыбочкой встречают посетителей, разговаривают полушутливо.

«*Cette bouteille est morte, permettez-moi d'en acheter une autre!*» — бросает лакей мимоходом, поднимая бутылку выше головы и глядя на свет, точно боясь ошибиться, действительно ли там пусто. Этот лакей здесь уже 18 лет, опытный уже порядочный капиталец. Не столько чаевыми, как деликатными займами и всякими другими услугами. Нужно платить по счету, посетитель спокойно снимает золотые часы с браслетами и незаметно кладет на тарелку под счет. Не моргнувши глазом, лакей дает сдачи со 100 франков, часы остаются на словесно до завтра, когда будет уплачено за них одним золотым больше. Много просто здесь, что удивительно в другой обстановке.

Слива стоит 20 франков, на счастье в кафе продают маленьких свинок, с цифрами, по 5 франков. Многие покупают, но все пронюхивают...

Входят и выходят посетители. Новых, не своих, ведут влюбленные на террасу только избранные.

Много женщин, одна шаркающей другой. Ато-

офера духовъ, пролитого шампанскаго и гаванской сигары. Хлопають пробки.

За однимъ столикомъ оживленно, громко говорятъ двое мужчинъ и шикарно одѣтая дама лѣтъ тридцати, лица возбужденныя.

Но если послѣ интермитансовъ въ 38 ударахъ выходить четное, четное и четное, могу же я ставить четное, нельзя же упустить серію?!..

— Ничего подобнаго! Интермитансы были въ раіг, а серія вѣрна только послѣ цѣлныхъ... это азбука...

— Но вы вчера проиграли на такой серіи.

— Програла.. мало ли что проиграть. Я не принялъ въ расчетъ, что если при десяти ударахъ ни разу не взято «пароли» на финалахъ, нужно рассчитывать въ такой игрѣ на двойные интермитансы, а не на серію. А затѣмъ я же говорилъ вамъ караулить трансверсали на пятомъ столѣ, а вы чѣмъ занялись? четной серіей? вотъ и кайтесь. Вы видѣли запись, какія тамъ трансверсали были, цѣлое состояніе...

— Третьяго дня я точно дѣлалъ по вашему указанію, ни одного удара не пропустилъ «на сосѣдей», и все-таки 960 франковъ проиграно.

— Вы берете случайность, просто «маленькій» былъ первень и дѣлалъ случайные удары, нужно было это во-время замѣтить и уйти. Въ воскресенье я вамъ далъ игру на финалы зеро и вышло!

— Тоже не вышло, просто потому выигралъ, что Annette поставила два раза луи подъ пяточкомъ на трансверсали-а-шваль, а мнѣ за нихъ заплатили!

Annette, шикарно одѣтая дама, замѣчаетъ

— Оба вы идиоты! Развѣ можно вообще играть съ банкомъ!? Можно играть только съ игроками!

Всѣ смѣются.

— Вчера адски шикарно было! Бросаю двѣ пляхи этого старичишки на шво-зеро и трахъ-зеро, уже шарикъ быть пущень... миленькій шарикъ 3 600 франк., и этотъ нахаль предложилъ мнѣ только половину!

— А сколько ты раньше проиграла его денегъ?

— Глупый вопросъ! — точно я считала

Такимъ языкомъ сумасшедшаго дома говорить тутъ. И кромѣ глупости сколько въ этихъ словахъ, непонятныхъ для свѣжаго человѣка, порока, преступления!

Говорящіе думаютъ, что выиграть, что есть системы игры и нужно только ихъ постигнуть. А не играющимъ они кажутся людьми изъ «желтаго дома».

Математика не ошибается, и потому выиграть нельзя.

Хлопаютъ возбуждающій газъ шампанскаго, лакеи съ манерами знатковъ шокуютъ пробки и бережно кладутъ ихъ рядомъ съ бутылкой на тарелки.

«Elle est bonne, эта бутылка»

Бутылки все больше (demi, половинки, такъ шикарнѣе. Пьютъ четыре полубутылки *vin nature*, но не двѣ бутылки: такъ принято.

25 франковъ порція русской икры d'Astrahan: и всѣ ѣдятъ AzigaBan: коньякъ 1845 года 6 франковъ рюмка, и всѣ пьютъ «1845».

Деньги здесь цѣны не имѣютъ. Совершенно безразлично, сколько что стоитъ, все равно денегъ не будетъ. Попадутъ ли доллары, франки, рубли непосредственно въ кассу казино или черезъ посредство ресторановъ, гостинницъ, автомобилей и женщинъ, — не все ли равно?!

Бланъ говорилъ

— Стрѣлку часовъ можно иногда переставлять обратно, но она все-таки пойдетъ впередъ. Франки уходятъ изъ казино, только чтобы вернуться!

Математика не ошибается...

Я много писалъ на эту тему и скучно было бы повторяться. Но мнѣ ярко нарисовалась сейчасъ эта картина угара, когда я сидѣлъ въ кинематографѣ. И вотъ почему.

Реклама въ наше время сдѣлала громадныя успѣхи. Формы ея многообразны, но есть двѣ характерныя разновидности. Одна — шломбъ, бѣть въ носъ, кричить, поражать.

Въ родѣ хотя бы такой.

Преступникъ присужденъ къ смертной казни. Къ нему являютъся какіе-то агенты, на него его родныхъ кладется въ банкъ 100.000, а въ газетахъ пишутъ, что преступникъ такой-то рѣшилъ раскаться и на эшафотѣ повѣдаетъ міру тайну. Собирается громадная толпа, вездѣ ждутъ срочныхъ телеграммъ съ мѣста казни. А онъ съ эшафота говоритъ

«Нѣтъ брюшниковъ лучше, чѣмъ такіе-то!»

Или такая

Мальчуганъ, очень ловкій, въѣзжаетъ въ толпу на окивленнѣйшей улицѣ Лондона на одномъ колесѣ велосипеда. Вертится по улицѣ, какъ одурѣлый, толкаетъ прохожихъ, шмыгаетъ между omnibusовъ и экипажей, вотъ-вотъ попадетъ подъ автомобиль, чуть не подъ лошадыо увертывается отъ автобуса, что-то кричить толпѣ, замедляетъ движение улицы и, наконецъ, когда вниманіе всѣхъ обращено на него, полисменъ останавливаетъ экипажи и идетъ арестовать сумасшедшаго,—тотъ самъ останавливается, съ ловкостью кошки взбирается вмѣстѣ съ колесомъ на крышу какого-то фургона и кричитъ

— Вы видѣли, джентльмены, что я проѣхалъ на одномъ колесѣ велосипеда фабрики такой-то. Что же можно сдѣлать на двухъ колесахъ!..

Другой видъ рекламы—тонкая, спокойная, сразу и не догадаешься, но засадеть въ голову.

Въ кинематографахъ показываютъ еженедѣльно новый номеръ «Пате-журнала». Въ послѣднемъ есть какихъ-нибудь 10—12 секунды: «Рѣдкій счастливецъ Дольборугъ, выигравшій на дняхъ въ рулетку въ Монте-Карло 2.000.000».

Дѣйствительно ли господинъ, садящійся на экранѣ въ автомобиль, есть Дольборугъ? Дѣйствительно ли онъ выигралъ, 2.000.000?? И если выигралъ, не агентъ ли онъ казино?? Не знаю, но реклама тончайшая...

Харьковъ

Январь 1911 г.

О ЛИТЕРАТУРЪ, ПОРНОГРАФИИ
И ПРОЧЕМЪ.

Какъ меня прогналъ Л. Н. Толстой.

Уже всё писали, позвольте и мнѣ мои воспоминанія о Толстомъ.

Я былъ тогда «зеленымъ» студентомъ, зеленымъ и по формѣ, и по опрометчивости. Помню, сказалъ какъ-то тогда въ Самарѣ одному паку въ красномъ:

— Цвѣта нашихъ формъ обратны нашимъ духовнымъ мірамъ...

И думалъ, что сказалъ что-то глубокое и умное. Паку пропустилъ мимо ушей и спросилъ меня, картавя:

— Quelle marque préférez? (о шампанскомъ).

Въ то время я носился съ ницшеанствомъ и штирнеріанствомъ и поѣхалъ въ Москвѣ въ Хамовники къ Толстому. Меня приняли и провели наверхъ по деревянной лѣстницѣ. Онъ вышелъ въ черной рубахѣ, подпоясанный тонкимъ пояскомъ. Я все за-

поминаль, увѣрень быть, что это очень важно, «когда-нибудь напншу»

— Меня мучать сомнѣнія, Левъ Николаевичъ,— прямо началъ я, — мнѣ искренно, по совѣсти, по моей совѣсти, хочется быть эгоистомъ, я вѣрю Ницше, что любовь къ людямъ опускаеть... Вы писали, что надо жить по своей совѣсти... Я написалъ повѣсть и вывелъ въ ней себя, какимъ я буду, — прочтите, пожалуйста...

— Вы на конькахъ катаеться?... Нѣтъ Кутите? Пьете?!.. Такъ идите кататься и кутить тоже. Да, да, кутить. Это много лучше вашего ницшеизма.

— Но, Левъ Николаевичъ, вѣдь Ницше

Толстой разсердился, всталъ и, въ упоръ глядя на мое розовое лицо и высокой крахмальней воротничокъ, сердито сказалъ:

— Есть одинъ только разумъ и одна только совѣсть, это еще Кантъ доказаль, а остальное бредъ, глупость..

Л. Н. повернулся и вышелъ, не прощаясь. Я тоже разсердился и тоже ушелъ. Вотъ всѣ воспоминанія о томъ, какъ со мною не пожелаль говорить Толстой.

Черезъ 15 лѣтъ я встрѣтилъ въ Петербургѣ его сына. Мы заговорили о великомъ отцѣ.

— Отецъ любить ѣздить на мнѣ верхомъ... Подойдетъ сзади, вскочить на спину и говорить: «Вези три раза кругомъ комнату», а самъ зали-

вается... Я зналъ отца такимъ, какимъ никто его знать не могъ. Я пишу теперь воспоминанія о немъ...

Потомъ говорили о цѣнности Ясной Поляны, находили остроумной поговорку «Мышь копны не бонтса».

— У меня есть моя повѣсть «Трупъ», ничего общаго не имѣющая съ «Живымъ трупомъ», но навѣяна отцомъ, онъ далъ тему.

— Помню время, когда отецъ писалъ «Анну Каренину». Мы были съ нимъ на рѣкѣ, онъ былъ задумчивъ, потомъ вдругъ чему-то обрадовался и сказалъ мнѣ, еще ребенку тогда «Три дня не могла войти, а сейчасъ вотъ вошла, и такъ просто». Отецъ почему-то долго не могъ написать, какъ Анна входитъ въ домъ покинутаго мужа къ сыну. Было видимо громаднымъ удовольствіемъ для него, когда вдругъ содалась эта сцена «какъ Анна должна войти». У меня, ребенка, это осталось въ памяти, настолько сильна была радость отца.

Вспомнили «Невечерною», рѣшили пойти въ кабинетъ слушать цыганъ (это было «за городомъ»), но оказалось, что здѣшніе цыгане не поютъ этой пѣсни—только «модное».

Снова говорили

«У насъ въ домѣ была старая экономка, которая жила съ какимъ-то старичкомъ, тоже нашимъ дворникомъ. Они условились, что кто первый умретъ, непременно придетъ къ другому и скажетъ, хорошо ли умирать. Отецъ очень интересовался условіемъ, часто

говорить о нем. Не помню, как старички умерли, кто раньше, и пришел ли один сказать другому, но зато, помните, последние слова умирающего отца были «Как хорошо... как просто». Может быть, он вспомнил этих старичков и сказал другим».

Волна порнографин.

— Ну, что вы поете голосом.. у вас ведь нет голоса, вы пойте руками, ногами!

Говорил ей, вероятно, режиссер или «учитель шансонетного искусства, грации, мимики, изящества и хореграфических танцев». Она так и делала. Точно в судорог прикладывала к самой себе правую и левую руки попеременно. Про ноги на секунду забывала, но зато в следующую завершала.

- «Ах милая цыпочка

Сыграй на скриночке»...

Она была с проектором. В провинциальных шантанах «артисты» платят все тому же режиссеру «за прожектор» 25 рублей в месяц, — если кто платить не хочет, сцена слабо освещается только закулисными лампочками, полутемная.

Я объяснил это своему спутнику, Пьсна про скрипку привела его в смущение, а после второй шансонетки еще о каком-то инструменте, он совсем сконфузился.

— Неужели у вас это позволяют? В Париж за такие куплеты закрыли бы сад!

— У нас, в провинции, можно Подождите, не то еще услышите!

И мы действительно услышали и «не то еще», когда вышел «известный автор и куплетист». Мой спутник был русский, 20 лет проживший в Париж, не бывший в русской провинции всё 20 лет. Он оглядывался по сторонам, смотрел на лица мужчин и женщин в публик и пожимал плечами. Сзади пронзительно хлопала и кричала «бись».

— Послушайте! Это чорт знает что, это даже не неприличие, это нечто невероятное. Ради Бога не называйте это «парижским жанром», ничего подобного в Париж не услышите... Это гадость...

— Это доморощенное. Мы позаимствовали от вас приподнятый краешек юбки, а затем сняли не только юбку, но и все остальное...

— Это же гадость! Это вовсе не пикантно. Это голое без газа, нога без шелкового чулка, грязная нога. Игривы намеки, остроумна двусмысленность, а у вас нет двусмысленности: у вас просто грубое физиологическое описание.

Он долго бранился и отплевывался.

Наше русское ухо привыкло к грубым словам, к ругани, к неприличию, но и его здесь рвет. Нужно услышать, что поется на сценах провинциальных шантанов. Шансонетизм—игривой, пикант-

ной, дразнящей, какъ ее создали французы,—у насъ нѣтъ. Есть грубое неприличіе.

Гдѣ-то рассказывается, что русскій помѣщикъ, прожившій въ Англии, пріѣхавъ въ имѣніе, первымъ долгомъ обрѣзаль хвосты у лошадей... Это грубовато, какъ анекдотъ, но это похоже на насъ. Надо бы еще добавить, что обрѣзаль короче, чѣмъ въ Англии, непременно короче! Самыя узкія юбки носятъ не въ модномъ Парижѣ, а у насъ. Самыя большія шляпы—тоже. «Даже больше, чѣмъ парижская модель!»

Волна порнографіи прокатилась по Россіи. Французскіе реалисты и декаденты намекнули, а мы сразу поняли и начали стараться. Вульгарный романъ Парижа—дѣтя невинное въ сравненіи съ Каменскимъ или Арцыбашевымъ Тамъ просто «любить», у насъ дѣлають гадости съ идеей, съ философией Польш-де-Кокъ—кошмаръ классныхъ дамъ въ былое время — да это сама невинность въ сравненіи. Да даже Виши со своей «Клодиной» во всѣхъ возрастахъ или Сосей съ «Мемуарами кушетки» не рискнуть написать по-французски то, что мы пишемъ по-русски. по крайней мѣрѣ въ такой формѣ.

На дняхъ конфисковали сборникъ куплетовъ Сарматова и привлекли его по 1001 ст., но вѣдь эти куплеты пѣлись Сарматовымъ вслѣду въ теченіе двухъ лѣтъ, и пѣлись еще съ должными жестами. Только когда попали въ Москву, ихъ арестовали и, вѣроятно, арестовывая, удивились, что можно написать такую гадость. Это нѣчто невѣроятное, и поется сейчасъ

попрежнему въ провинціи. Писать все-таки нельзя—
пѣть можно! Самая искренняя и искушенная любовь
къ пикантному, парижскому жанру запротестуетъ
туть изъ самаго примитивнаго чувства эстетичности,
скрѣпности. Пусть допустимо все, пусть ничему нѣтъ
запрета, но только не въ такой грубо-кабацкой формѣ..

— Вамъ это скоро надоѣсть, это пройдетъ!—го-
ворить мой парижанинъ.—Это надоѣсть даже толпѣ.
Въ литературѣ уже замѣчается поворотъ. Люди не
могутъ все время копаться въ грязи, имъ захочется
вверхъ... Съ аэроплана грязная дорога кажется бар-
хатомъ, шелковистой матеріей. Скоро захочется мистич-
ности, сентиментальности, романтизма... Вы увидите...

— Вашими безъ устамъ да медъ пить.

Харьковъ

Августъ 1911 г.

На выставкѣ печати.

Противъ Михайловскаго театра на Инженер-
ной открыта «Выставка произведеній печати»

Выставка интересна, недостаетъ только одного
очень большого и очень важнаго отдѣла, о которомъ
я скажу въ концѣ.

Выставлены всѣ издания, вышедшія въ Россіи за
годъ, по всѣмъ отраслямъ и на всѣхъ языкахъ, и
но этому «живому» справочнику можно ориентиро-

ваться в любой отрасли лучше, чѣм по всякимъ каталогамъ—можно оцупать, подержать въ рукахъ самую книжку, а иногда внѣшний видъ—печатъ, обложка, скажутъ почти все и о содержаніи.

Интересенъ отдѣлъ художественныхъ изданій: нѣсколько превосходныхъ образцовъ, которые ничуть не отстали отъ послѣдняго слова печатной техники ни въ Лейпцигѣ, ни въ Лондонѣ (въ 1914 г. въ Лейпцигѣ международная выставка «книгопечатанія» — интересно кто скажется впереди).

Въ одной изъ комнатъ на стѣнѣ большая діаграмма, показывающая колебаніе числа изданій въ Россіи по годамъ. Получается очень интересная ломаная линія: 1902 г.—16.486 изданій, нѣкоторое повышеніе до 1904 года и паденіе въ 1905 г.—13.491, затѣмъ быстрый колоссальный ростъ изъ года въ годъ 1908 г. — 23 852, 1909 г — 26 638, 1910 г —29,057 и 1911 г.—32 361

Періодическія изданія нарастаютъ такъ же правильно, хотя и менѣе быстро, чѣмъ книги 1908 г — 2 028, 1909—2.173, 1911—2 543 Въ 1911 году изъ 2 543 періодическихъ изданій журналовъ—1 536 и газетъ—1.007. На русскомъ языкѣ всего—1 905, а на двадцати шести другихъ языкахъ—638, больше всего на польскомъ—261, потомъ на нѣмецкомъ—78

Русскія изданія и повременныя и книги растутъ пропорціонально быстрѣе, чѣмъ на другихъ языкахъ

Характерны діаграммы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей книгоиздательства Изданія по воздухопла-

ванію, напрымр, шлі так за поспдніе четьре года: 2—53—97—53, т.-е. найбільшій інтересъ къ авіаціи проявился въ 1910 году и быстро упаль, какъ быстро и вьрость.

Падаеть за поспднее время число изданій по вопросамъ религіи: 1.276 въ 1909 году и дальше 1.103 и 999. Попутно уменьшается и количество лубочныхъ изданій на религіозныхъ темы: въ 1911 г. «Страшный судъ» уже вовсе не издавался, тогда какъ въ преніе годы онъ печатался во многихъ вариантахъ.

Растуть правильно народныя изданія съ 1.051 въ 1908 г. до 1.898 въ 1911 г., за то отживають свой вѣкъ (къ счастью) Пинкертонъ и Картеры. Сыщицкой литературы издано: въ 1908 г. —624 (рекордная цифра), 1909 г.—506, 1910 г.—уже 90, и въ 1911 г.—только 23!

Всѣ эти цифры крайне интересны, показательны, особенно общая диаграмма всѣхъ книжныхъ изданій, поразителенъ этотъ необычный для всякаго иного государства ростъ съ 1906 года. Я готовъ быть вовсе восхититься и обрадоваться, когда, къ глубокому моему разочарованію, самъ составитель этой диаграммы принужденъ быть сознаться, что вѣрить ей нельзя. Она составлена крайне точно, но матеріалъ главнаго управления по дѣламъ печати весьма неточенъ, случаетъ и колоссальный ростъ съ 1906 г. объясняется «болѣе точной регистраціей всѣхъ книгъ», — неточной тоже, но болѣе точной... А раньше записывалась, можетъ быть, десятая книга...

Тутъ я вернусь къ началу.

Нѣтъ на выставкѣ печати отдѣла изданій, конфискованныхъ за 1911 годъ и ранѣе, а это былъ бы самый интересный отдѣлъ, и, вѣроятно, тутъ цифры главнаго управленія были бы уже совершенно точны. Интересна была бы и диаграмма роста и паденія конфискацій, также причинъ ихъ по разрядамъ.

Есть кіоски петербургскаго телеграфнаго агентства, гдѣ выставляются вчерашнія утреннія телеграммы, и отдѣлъ Освѣдомительнаго Бюро. Последнее совсемъ ново для публики; въ хорошихъ переплеткахъ хранятся «экстракты» изъ газетъ, какіе ежедневно посылаются предсѣдателю Совѣта Министровъ и министру внутреннихъ дѣлъ. Теперь работа Бюро по этимъ «экстрактамъ» сильно уменьшилась, такъ какъ ни **Коконцовъ**, ни **Макаровъ**, оказывается, не любить «экстрактовъ», а читаютъ прямо газеты. «Экстракты» действительно весьма жидки по содержанию, случайны, и дѣлались главнымъ образомъ «по вопросамъ менѣе важнымъ». Конверты и бумага очень хорошіе...

Петербургъ,
февраль 1912 г.

Курьезы „новой“ литературы.

Во вновь народившейся вечерне-еженедельной газеткѣ Анатолий Каменскій написалъ рассказикъ, по обыкновенію порнографическій, и посвятилъ его «другу своему», г. Ельцу. «Другъ» въ той же газеткѣ открещивается отъ этого посвященія и завѣряетъ, что разрѣшенія на таксовое Каменскому не давалъ.. А Каменскій въ томъ же номерѣ настаиваетъ, что, во-первыхъ, на посвященіе разрѣшенія не требуется, а во-вторыхъ, онъ по телефону предупредилъ «друга» и тотъ даже трогательно благодарилъ.. Хорошъ «другъ» (мы «другу» всегда не прочь «написать по первое число»), но еще лучше рассказъ. Наша литература стала такая, что въ «Уложеніе о наказаніяхъ» нужно вносить неотложно статью, карающую «посвященіе кому-либо чего-либо безъ его разрѣшенія на сіе»..

Въ XIV томѣ Свода Законовъ есть статьи удивительныя. Карающія, напримѣръ, тѣхъ, кто толкается въ церкви, кто блудитъ особеннымъ образомъ, указывается до казихъ лѣтъ лица «мужеска пола» могутъ ходить въ общую женскую баню.. Но Анатолия Каменскаго не предусмотрѣно!

И мало ли что можетъ быть отсюда. Живетъ себѣ человекъ мирно, тихо и нравственно—и вдругъ

познакомился случайно съ писателемъ, а черезъ мѣсяць-два скандалъ: къ 1001 статьѣ припилено имя мирнаго отца семейства. Помните у Чехова пару подсвѣчниковъ, отъ которыхъ всѣ отрецивались? А вѣдь это хуже подсвѣчника такая литература.

Какъ-то въ «Маленькомъ фельетонѣ» я выругалъ безсмысленную маленькую брошюрку «Эго-футуризмъ». Это какая-то идиотская шутка или произведение страдающаго маніей величія. Теперь ея авторъ вкупѣ съ другими издаетъ еженедѣльный листокъ, форменное произведение 11-й версты, и аккуратно присылаетъ его мнѣ—«Выругайте еще, намъ этого и нужно»...

На маленькомъ листочкѣ, который названъ «Чрезнедѣльная газета жизни», стоятъ такія прелести:

«О, дай поцѣловать мнѣ темные зрачки твои, усталая ломовая лошадь».

Или:

«О, дай поцѣловать мнѣ сѣрыя ладони твои, печальный негръ».

Потомъ идутъ такія дикія слова, въ родѣ «пѣвъ», «ассонансный», «дерзобезумье», «нѣжное вдыханіе»—сопи полторы такихъ словъ и потомъ объявление редакціи:

«Въ виду огромнаго наплыва посѣтителей, гг аудиторы должны записываться въ предварительную книгу у мажордома издательства отъ 11—11.1/2 час. у. ежедневно».

Форма одежды—фракъ.

Развѣ это не съ 11-й версты?

Какой-то письменный мазохизм, ноный вид извращенности... Проще — это нахальство, но чтобы быть нахальным таким образом, нужно быть еще

Это хорошо, хороший признак. Это последние слабости, но и самая дикая конвульсия умирающего декадентства.

Пахнет весной
Мартъ 1912 г.

Архинахальство и архи- глупость.

**«Не хотите ли увеличить
вашу рость на 7 дюймов?»**

(Изъ объявления)

Проясниваетъ.

По отчетамъ книжныхъ магазиновъ видно, что за последнее время появился усиленный спросъ на книги научныя,—по русской и общей исторіи, по естествознанію, математикѣ, психологіи, философіи, географіи, теософіи. Раскунавшіеся недавно тысячами «сборники» застряли на полкахъ. Наты Пинкертоны, Арсены Люпены, Рулетабилы и даже дѣйствительно талантливо написанный Шерлокъ Холмсъ начинаютъ надѣдать...

Точно послѣ цѣлаго душнаго мѣсяца прошелъ дождикъ и посвѣжѣло.

Литература «нахальства» съ десятию строчками на страницѣ толстой бумаги или литературное кривлянье полупьяныхъ уходить въ вѣчность. Недавние боли развѣнчаны. Еще нѣтъ новаго, но старое отжило свое.

Въ живописи тоже, кажется, дошли до точки въ «кубизмѣ». Лица, тѣла, деревья изъ кубиковъ, что можно выдумать болѣе дикое?! Почему не изъ треугольниковъ, вопросительныхъ знаковъ, наконецъ, кукишей? Были бы кукишисты—это даже оригинальнѣе кубистовъ или общества «ослиного хвоста»...

Чтобы такую дикость встрѣчали всетаки съ нѣкоторымъ интересомъ, чтобы находили возможнымъ говорить объ этомъ, какъ о «новомъ направленнѣ», нужно особое настроеніе въ массѣ, готовая почва, удивительное отсутствіе критицизма, легковѣріе

Я недавно курьеза ради помѣстилъ въ газетѣ объявленіе: «Кто хочетъ быть счастливымъ, пишите предъавителю такой-то трехрублевки, туда-то»—объявленіе странное, дикое. И знаете, сколько я получилъ за десять дней писемъ—около 3.000! И какой только галиматіи тамъ ни написано — умоляють, ругаются, выражаютъ унѣренность, что это «ерунда»—и всетаки пишутъ и даже шлють марки на отвѣтъ...

Нѣкоторыя поняли сразу.

— «Я располагаю хорошими связями, зайдите или назначьте мѣсто, договоримся...»—(?)

— «Мнѣ 22 года, хорошенькая блондинка, интеллигентная, могу уѣхать...» (1).

— «Согласенъ на все, буду крайне сговорчивъ...»—(1?), и т. д.

Неудивительно послѣ этого, что самое абсурдное объявленіе, самое циничное, жульническое, невѣро-
ятное предложеніе находить клиентовъ.

Не угодно ли, напримѣръ.

Одна «фирма» объявляетъ сейчасъ еженедѣльно въ газетахъ, что она продаетъ приборъ «для увеличенія роста». Сообщите адресъ, приложите 2 марки и вамъ «даромъ» вышлютъ цѣлую книгу по этому вопросу...

Я послалъ марки и получилъ «книгу». Въ ней рассказывается, что позвоночный столбъ человѣка состоитъ изъ костистыхъ позвонковъ и хрящей между ними, и вотъ эти хрящи можно особой машинкой растянуть и увеличить такимъ образомъ ростъ дюймовъ на 5!.. «Прокрустово ложе» изъ греческой мифологии для собственнаго употребленія, «при покупке нѣсколькихъ штукъ сядка» Стоитъ всего 40 рублей

И покупатели находятся. Я понимаю еще, когда покупаютъ всякіе юхимбины, орхицетины, спермины, стимулолы авось вѣра въ ихъ чудодѣйственность вернетъ былое, но увеличить на 5 дюймовъ ростъ—это выше всякой мѣры, это больше, чѣмъ легковѣрие. А покупатели находятся!

Года два назадъ какіе-то господа объявляли, что продаютъ «очки съ иксъ-лучами», въ этихъ очкахъ всякій можетъ видѣть сквозь стѣны, въ чужомъ карманѣ, даже внутри человѣка. Пока торговцевъ накрыла полиція, они, говорятъ, продали болѣе 1000 очковъ (по 20 руб.) И это всегдѣ лучше увеличенія роста.

Аржинахаль, продающий эти машинки, прислалъ мнѣ еще два напоминательныхъ письма, увѣряя, что скоро, «въ виду громаднаго спроса», машинки подорожаютъ, «спѣшите», а ростъ можно увеличить даже до 7 дюймовъ.

Въ Лондонѣ теперь звонятъ по ночамъ въ частныя квартиры по телефону и говорятъ:

— «Вы спите? извините, пожалуйста, что беспокоимъ, но не забудьте, что лучшее въ мирѣ мыло такое-то»...

Это еще нахальнѣе и рассчитано уже не на такихъ полныхъ дураковъ, какъ машинки для увеличения роста,—и мыло вы непременно потомъ купите, какъ почти всё въ культурной Англии покупаютъ «пилюли отъ всѣхъ болѣзней» (напримѣръ, англичанка-губернантка и пилюли всегда нераздѣльныя понятя)

Но продать въ Англии машинки для роста уже трудно, можно только у насъ или въ Бразилии, гдѣ всё газеты наполнены удивительнѣйшими по грубости и глупости рекламами. Вѣроятно возможно и въ Центральной Африкѣ, но тамъ нѣтъ газетъ

Во Франции тоже легко продаютъ все, что хотите, самое несуразное, «для красоты», даже «для полноты и крѣпости грудей», «для правильности линий носа», но всетаки не для роста «5—7 дюймовъ»...

У насъ еще можно

Хорошо, что проясниваетъ, кажется, хотя въ литературѣ.

Петербургъ.
Май 1912 г.

**ИЗЪ ПОЕЗКИ В
ЮЖНУЮ АМЕРИКУ.**

Къ чужимъ.

У меня въ карманѣ лежитъ телеграмма:

«Cabin Asturias 342».

Это каюта на пароходѣ, отходящемъ 6 марта н. ст. изъ Лисабона въ Буэпось-Айресъ. Наднякъ ѣхать — въ Аргентину, Бразилію, Чили и т. д... А внизу въ кафе играютъ румыны, масса свѣта, кофеварка, вина, аромат женскаго костюма...

И моментами появляется мысль: за чѣмъ? для чего? изъ домашняго привычнаго уюта, изъ своего кабинета, гдѣ каждая бумажка на своемъ давно привычномъ мѣстѣ, гдѣ каждая книга близка своими небрежными карандашными отмѣтками. За чѣмъ въ суету и сутолоку вагоновъ, вокзаловъ, чужихъ городовъ, качку океановъ? За чѣмъ это стремление туда? Не лучше ли тихій домашній комфортъ, въ привычный часъ кофе съ жирными сливками, своя хорошая постель, старья мягкія, такія удобныя туфли, старый коверъ, еще отъ дѣтства оставшіяся, милѣйшій Павелъ Ивановичъ, что прѣдетъ завтракать, со своими новостями, среда у Надежды Григорьевны...

Теперь уже надо ѣхать, когда билетъ въ карманѣ, теперь рѣшено, но нужно ли было такъ сильно хотѣть, не напрасно ли?

Вотъ всякій разъ, когда огузшіе отъ домашняго уюта и мозгъ и тѣло должны двинуться, подтянуться, говорить изнутри, говорить помимо воли это славянское сомнѣнье и колебанье. Оно быстро замолчить, разумъ заставитъ молчать этотъ раздражающій голосъ, какъ только двинешься, все пройдетъ, но все-таки завидуешь имъ, англосаксамъ. Имъ лучше, спокойнѣе, у нихъ нѣтъ этого голоса. Ехать въ далекия страны, къ чужимъ, неизвѣстнымъ людямъ — это у нихъ въ крови, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Какъ нашимъ необходимо было и привычно ходить по субботамъ въ баню, такъ они привычно и просто ѣзжали на года въ Индію, въ Австралію, въ Америку.

Не только въ свои колоніи они ѣдутъ смѣло, какъ господа, какъ хозяева, куда угодно, къ чужимъ; и, пріѣхавши, дѣйствительно становятся господами и хозяевами. У насъ не меньше ума и энергіи, но мы не дерзаемъ, сомнѣваемся. Мы—славяне, они—англосаксы.

Надняхъ я говорилъ съ однимъ молодымъ шотландцемъ. Онъ только что вернулся изъ Австраліи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пріѣхаль въ Европу, въ родную семью, и уже собирается обратно, ему скучно въ семьѣ. И онъ не потому снова стремится въ Австралію, что тамъ лучше, нѣтъ, просто ему скучно подѣ

крыльшкомъ семьи, на готовомъ, безъ борьбы за жизнь, ему необходимо быть self made man, самому себя сдѣлать!..

А какъ подымаетъ и духъ и тѣло это стремленіе туда, къ чужимъ, какое большое высокое чувство эта смѣлость, сознание своего превосходства и среди новыхъ условій и новыхъ чужихъ людей, умѣнье приспособиться быстро къ новому окружающему.

Они говорятъ:

— «Куда бы мы ни пришли, мы будемъ первыми!»—будемъ, будемъ и есть. Вѣра въ себя великая сила.

Мы не слабѣе, насъ только толкнуть, раскатать, и мы горами будемъ двигать И намъ даже не надо далеко ходить, сколько своей цѣлны непочатой. Если бы только не это славянское сомнѣніе: да такъ ли? Если бы не постоянная увѣренность, что намъ кто-то или что-то мѣшаетъ.

И именно потому, что много своей цѣлны, надо намъ ѣздить къ чужимъ, чтобы у нихъ научиться и любить свое, и пользоваться имъ.

Сколько разъ я ни ѣздила далеко, а привозила домой новую силу, новое знаніе: уже ради этого стоить ѣхать безъ малѣйшаго колебанія, бросать иногда насиженное, готовое, въ погоню за новымъ!

Стоить ѣхать даже на неудачу. Я слышала отъ одного американца:

— О, этотъ человѣкъ далеко пойдетъ... онъ уже три раза терялъ свое состояніе!

Въ Nord - Express'ѣ

Меня провожалъ инженеръ, недавно вернувшійся изъ Южной Америки. Онъ мнѣ сдѣлалъ кучу лобезностей, и мы, познакомившись всего за три—четыре часа до отхода поезда, расстались друзьями. Онъ въ такомъ восхищеніи отъ Южной Америки—Бразиліи, Аргентины и Чили, что одно то, что я туда ѣду, сдѣлало насъ ближе, чѣмъ порсю старыя друзей.

Не говоря о роскошной природѣ Южной Америки, она наполнила его десятками грандіозныхъ экономическихъ проектовъ. Самые поразительныя, колоссальныя торговыя предприятия всегда проектируютъ люди не коммерческіе, что извѣстно давно!

Вотъ увиску, а пока онъ подбавилъ розовыхъ надеждъ въ мое настроеніе

Въ express'ѣ полно

«Все англичанинъ ѣздить», — заявилъ мнѣ старикъ оберъ-кондукторъ. — Положимъ не все «англичанинъ», но они дѣйствительно преобладаютъ, какъ всегда и вездѣ. Даже въ русскомъ экспресѣ. Охотники любятъ мѣста съ непуганой дичью, такъ англичане въ дѣлахъ.

Сразу же начали опаздывать. Сначала потому, что былъ одинъ паровозъ, — а «составъ увеличенный», — а потомъ потому, что прицѣпили второй и двумя воду долго набирать изъ водокачки» На 6 стоянкахъ по 5—7 минутъ, вотъ и прибавилось...

Въ Вержолово прибыли позже на 1 1/2 часа.

Въ вагонъ-ресторанъ сидѣль съ двумя нѣмцами— мужъ и жена Въ купе—съ бельгийцемъ изъ Льежа. За весь обѣдъ нѣмцы сказали пять или шесть фразъ только, и въ четырехъ изъ нихъ было «sehr schön» Schön было освѣщене вагона, schön телячьи котлеты съ гарниромъ и schön булочки въ бумажныхъ мѣшечкахъ Счастливые люди! Умѣшь три часа смаковать одну кружку пива за 10 пфениговъ и булочку въ конвертикѣ только имъ принадлежать.

Съ бельгийцемъ было много хуже Онъ все время говорилъ, быстро, стѣша, какимъ-то крикливо-гортаннымъ голосомъ, какой только у бельгийцевъ, говорилъ съ массой ненужныхъ словъ, что-то все неинтересное. Онъ и въ вагонъ-ресторанъ надобѣль всѣмъ.

Ночью онъ страшно храпѣль и я совсѣмъ обезкуражился, пока не вздумаль пугать его свѣтомъ. Какъ только онъ начиналь храпѣть, я закигаль надъ его головой электрическую лампочку. и онъ просыпался. Впрочемъ я помню одного спутника, съ которымъ это не помогало и я долженъ былъ «нечаянно» что-нибудь бросать на него.

Утромъ, за Кельномъ, мнѣ подали къ кофе 3 яйца à la coque. Что это за яйца! Право, я не о пустякъ пишу. Я вспомнилъ французскаго помѣщика въ одномъ изъ рассказовъ Гюи де Мопассана. Тотъ три странницы говорить о томъ, что такое «настоящее» яйцо.

Въ Западн. Европѣ хорошия яйца стоятъ около

50 коп десятокъ. Почти столько же уже платимъ и мы. Но сравните яйцо нашей цуцленской деревенской курицы, «куретка»: маленькое, съ крохотнымъ, казимъ-то анемичнымъ желточкомъ, къ тому же прилежавшимся, и это большое красивое яйцо какой-нибудь кохинки или плимутъ-рокъ, съ сочнымъ ярко-желтымъ, удивительно вкуснымъ желткомъ. Мало, что мы платимъ много дороже, мы понятия не имѣемъ, что такое «настоящее» яйцо! Шлю мои искреннія симпатіи нашимъ куродамамъ, занятымъ улучшеніемъ породъ нашихъ «куренокъ». Можетъ быть и мелочь яйцо, но жизнь вся изъ мелочей. Къ тому же говорятъ, что кромѣ любви и славы есть еще блага жизни — ѣда и путешествіе («философы» еще добавляють — трудъ.)

Въ Sud - Express'ѣ.

Sud-Express.

35 часовъ изъ Парижа въ Лиссабонъ. Въ роскошныхъ вагонахъ salon - bar преобладаетъ, какъ и полагается, англійскій говоръ. Въ вагонъ-ресторантѣ за соседнимъ столикомъ четыре старья почтенныя лэди чувствуютъ себя какъ дома. Лакей—впрочемъ, онъ зоветъ себя мэтръ-д'отелемъ—съ ловкостью хорошаго эквилибриста разбрасываетъ по столамъ тарелки и на нихъ ѣду. Самая космополитическая об-

становка, какую можно представить во всех странах, где только ходят экспрессы, она одинакова. От Парижа до Бордо на некоторых перегонах мчимся со скоростью 120 километров. Изящная испанка, рискуя пройти по вагону, почти садится на колёни старой леди. Леди смеётся, на такой скорости это не shocking.

Вечеромъ въ Биаррицъ

Пока отъѣзжаютъ вагонъ, пидущій только до Биаррица, всё выходятъ прогуляться послѣ обѣда на платформу. Совсѣмъ пусто, тихо, не сезонъ, почти нѣтъ пассажировъ въ Биаррицъ.

Въ Ирунѣ, на границѣ, пересадка. Въ Испани другая колея, широкая, какъ у насъ. И дальше многое какъ у насъ. Поездъ еле ползеть, стоимъ на станціяхъ подолгу. Послѣ 120 километровъ особенно странна эта черепашая скорость. Рельсы легонькіе, закругленія пути на каждомъ километрѣ и крутыя. Хотя рядомъ же камня сколько угодно, путь забаластированъ пескомъ. На станціяхъ керосинъ; вмѣсто всякихъ затѣй, въ родѣ газосъ и электричествъ, керосиновья копилки... Совсѣмъ какъ наши Бузулуки, Бугульма или еще какая-нибудь станція... Особенно звонки. Три звонка въ большой звонокъ, потомъ звонить еще самъ начальникъ станціи въ маленькій, кто-то свиститъ, потомъ паровозъ и тогда ѣдемъ. Трогаемся не сразу, а паровозъ нѣсколько разъ дергаетъ...

Совсѣмъ какъ у насъ на захолустныхъ линіяхъ.

Въ Мединѣ почти весь составъ отдѣляется, идти на Мадридъ, и дальше до Саламанки весь нашъ поѣздъ состоитъ изъ одного вагона и еще маленькаго багажнаго. Это уже подь силу нашему паровозу, и съ горы «мчимся» со скоростью километровъ 60. На нѣкоторыхъ станціи приѣзжаемъ раньше расписанія, и тогда пассажиры гурьбой высыпають покупать мимозы. Впрочемъ, гурьба небольшая — всѣхъ мѣсть въ поѣздѣ 14.

По сторонамъ пейзажъ непривѣтливый, холодный сухія пастбища съ овцами, блесовато-зеленая оливковыя рощицы, красная земля, вспаханнаго мило и то кое-какъ вскопьяно. Кастильцы — а мы ѣдемъ по по Старой Кастилии—извѣстные лѣнтыя.

Но все-таки это Испанія! Небо голубое, какого у насъ не бываетъ, солнце особенно яркое, въ воздухѣ голубоватая дымка. На фонѣ красной земли и зелени ярко-зеленая въ полномъ цвѣту мимозы. Национальные цвѣта Бразилии — желтый, зеленый и голубой. Это сочетание взяли отъ бразильскаго попугая, заимствовали у самой живой природы. Красное—пылкая страсть, горячая любовь; желтое, кажется, ненависть, мстительность, честолюбіе, но это предоставлю поэтамъ декадентамъ, а мнѣ невольню бросились въ глаза эти ярко-желтыя пятна мимозъ на красной глинѣ... Испанія — красное съ желтымъ, это не выдуманно!

Едемъ совсѣмъ по-домашнему, точно на перекладныхъ по почтовой дорогѣ, къ тому же и пыль столбомъ. Если кто-либо изъ «14» на станціи, заѣ-

вается, за нимъ бѣжитъ нашъ кондукторъ—«En voiture s. v. p.».

Въ Саламанкѣ прицѣпили намъ вагонъ-ресторанъ. На вагонъ-ресторанъ написано: «Dining-car», на нашемъ спальномъ — «Sleeping-car». Вагоны бельгийскаго общества, ѣдемъ по Испаніи, а надписи англійскія, даже не французскія, а англійскія. Понятно, пустякъ, но такъ, съ пустяковъ начиная, и развозятъ по міру англичане свой языкъ, свои привычки и обычаи, а потомъ сади и другое все. Какъ еще много ступенекъ надо намъ прошагать, чтобы приобщиться къ настоящей мировой культурѣ! При быстромъ бѣгѣ и то долго. Заговорите здѣсь о Россіи, о русскомъ. Что-то далекое, смутное, почти terra incognita для всѣхъ, за очень малыми исключеніями... На извѣстность нужно право, право времени, и у насъ еще мало культурнаго времени.

Съ 3 часовъ дня ѣдемъ уже Португаліей. Въ Пампильозу, откуда дорога расходится на Лиссабонъ и Порто, приѣхали во время обѣда опять на 18 минутъ раньше, чѣмъ слѣдовало Голоногай мальчуганъ, грязный и оборванный, какъ и большинство остальныхъ и дѣтей, и взрослыхъ, минутъ 20, если не больше, бѣгалъ кругомъ нашего вагонъ-ресторана и горланилъ невообразимо что-то такое, предлагая купить большую булку, какихъ у него было три. Можетъ быть другой разъ ему и удалось продать обѣдающимъ пассажирамъ Sud-Express'a свои булки на этотъ разъ—нѣтъ. Зато всѣ смѣялись.

Больше двух третей населения Португалии неграмотно, к тому же тоже отличается лѣнью. На станціях всюду нищие, лица неумыя. А какая богатая исторія, сколько блестящаго прошлаго!

Итакъ и навязывается сравненіе съ картиной въ Третьяковской галерей: старая дворянская усадьба, домъ съ колоннами, кое-гдѣ облупившимися, и сама помещица, старушка въ креслѣ, въ саду — «Все въ прошломъ». Здѣсь тоже. Можетъ быть еще разъ тамъ въ Южной Америкѣ, въ Бразилии, въ Новой Португалии снова ярко вспыхнетъ гений португальца, а здѣсь кажется нѣтъ.

Лиссабонь.

Въ Португаліи. О португальскомъ винѣ, женщинахъ и прочемъ.

Я еще съ пути, по совѣту кондуктора, телеграфировать въ единственный сносный въ Лиссабонѣ отель «Avenida-palace», чтобы мнѣ приготовили номеръ. Номеръ съ ванной 4 500 рейсовъ въ день! Тутъ все счетъ на тысячи и десятки тысячъ—билетъ въ театръ стоитъ 2.500 рейсовъ, хороший автомобиль на день 25.000 рейсовъ! Рейсъ—это около 1/5 копейки! Сейчасъ, послѣ революціи, португальскій курсъ держится хорошо, и хотя все считается на пя-

тыя копѣйки, жизнь въ общемъ дорога — комфорта мало и его нельзя получить и за большія деньги

Мой номеръ съ ванной оказался крайне неудобной маленькой комнатой, шумной, со сквозняками, а ванной пользоваться не пришлось, такъ какъ она потекла и грозило наводнение..

Еще въ поѣздѣ кондукторъ осведомлялся, хорошо ли я спалъ, и замѣтилъ:

— Пу, въ Лиссабонѣ не такъ поспите, тамъ такіе матрасовъ нѣтъ... Какъ дерево, и блохи притомъ!

Вѣроятно, блохи спрятались у меня отъ сквозняка, но торговецъ виномъ, ѣхавшій со мною въ одномъ купе и остановившійся въ другой гостиницѣ, очень на нихъ жаловался мнѣ на другой день. Португальцы народъ грязный, неопрятный.

Этотъ торговецъ ѣхалъ изъ Эльзась-Лотарингинъ въ Португалию покупать вино. Въ этомъ году, какъ извѣстно, во Франціи полный неурожай винограда, бургундскіе винъ, напримѣръ, совсѣмъ не изъ чего было отжимать, цѣны поднялись вдвое, даже больше. Нормальная цѣна 100 литровъ дешеваго вина 15—20 франковъ сейчасъ дошла до 40 и больше. Эльзасецъ надѣялся закупить вино въ Португалии, гдѣ сборъ винограда былъ хорошей, но и тутъ цѣны сильно подняты.

Узнавши, что я ѣду въ Южную Америку, онъ очень просилъ меня разузнать, нельзя ли закупать вино въ Аргентинѣ и Чили? Вино тамъ плохое, но дешевое, и были уже опыты экспорта въ Европу,

притомъ довольно оригинальнымъ способомъ У тамошнихъ виноделовъ нѣтъ хорошихъ винныхъ бочекъ, поэтому экспортирующія фирмы посылали въ Чили (Вальпараисо) черезъ Магелановъ проливъ судно, груженое дубомъ съ бондарями, бондари за дорогу дѣлали бочки и возвращались вмѣстѣ съ виномъ въ Европу. Это не близко,—дорога туда мѣсяца три,— успѣють сдѣлать бочки.

У португальцевъ совсѣмъ нѣтъ того, что французы называютъ *grand vin*, у нихъ исключительно дешевые, не тонкіе сорта. Марка вина вовсе не гарантируетъ его качество, сегодня оно одно, завтра другое, какъ и у насъ, но тѣмъ не менѣе винодѣліе занимаетъ значительное мѣсто въ производствѣ Португалии, вообще незначительномъ, бѣдномъ.

Наши Кавказъ, Крымъ, Бессарабія, можетъ быть Туркестанъ, могли бы именно сейчасъ попробовать вывозить вино, даже можетъ быть въ Германію, Англію, какъ это ни странно. Наши цѣны слишкомъ высоки въ сравненіи съ французскими нормальными. но сейчасъ тамъ полный неурожай, погреба пусты, вѣроятно и въ будущемъ году урожай будетъ плохъ, пока послѣ болѣзни выздоравлиють лозы, и слѣдуетъ попробовать, по крайней мѣрѣ имѣть это въ виду...

Какой-то легкомысленный философъ сказалъ:

— Вино и женщины!

Если португальское вино сносно и можетъ быть вывозимо, то этого совсѣмъ нельзя сказать о женщинахъ Португалии.

Удивительно некрасивы, неизящны. Да! Это не Андалузія, не Севилья или Малага, гдѣ изъ трехъ женщинъ одна непременно красавица, хотя это и совсѣмъ недалеко отсюда. Когда въ Лиссабонѣ въ магазинѣ просишь фотографіи «мѣстныхъ типовъ», торговецъ даетъ андалузскихъ красавицъ.

— Своихъ у насъ нѣтъ!

Неудивительно, что мы никогда и нигдѣ не встречаемъ португалокъ—всѣ онѣ именуютъ себя Испанками, какъ бельгийцы — французами. Португалка — синонимъ некрасиваго. Почти сплошь онѣ маленькаго роста, быстро грузнуть, какія-то желто-засохшія съ неправильными чертами лица Испанки—тѣ тоже блѣдныя, съ матовыми лицами, точно итальянскими камнями изъ лавы Везувія, но зато какіе глаза, фигура, какая правильность чертъ, сколько граціи!

Лучшая улица Лиссабона—Avenida da Liberdade Широкая, прямая, съ двумя аллеями и хорошей мостовой. Въ праздникъ на ней гулянье, высыпаютъ весь Лиссабонъ. Это Петровский паркъ Москвы, Булонскій лѣсъ Парижа. Кто можетъ, непременно въ экипажѣ или автомобилѣ. Экипажи только парные.

Но такихъ счастливицъ немного больше пѣшкомъ. Костюмы почти исключительно доморошенныя; ничего національнаго, яркаго, своего, только неумѣлое бѣдное подражаніе Парижу. Если гдѣ-либо появится настоящій парижскій туалетъ, онъ сразу бросается въ глаза.

Толпа не веселая, хотя и довольно шумная, но шумная скучно, не какъ въ Парижѣ или даже въ Неаполѣ. Театры тоже скучны, приноравлиены больше ко вкусу толпы: водевили съ пѣніемъ, мелодрамы, актеры съ грязными руками и въ порванныхъ ботинкахъ. Если привѣзаетъ какая-нибудь этуаль изъ Парижа, составляющая только 3-минутный «номеръ» у себя на родинѣ, или даже у насъ въ Петербургѣ— здѣсь это цѣлое театральное событіе.

Бои быковъ здѣсь тоже скучны. Можно протестовать противъ боя быковъ, вообще считать это варварствомъ, но разъ это бой быковъ, такъ долженъ быть бой быковъ, съ опасностью все-таки, какъ въ Испаніи.

Здѣсь быку надѣвають на рога какіе-то кожаные чехлы, быка берутъ менѣе яростнаго и безъ всякой опасности и некрасиво закалываютъ его по данному знаку.

Жизнь вообще видимо очень скучна въ Лисабонѣ.

Въ столицѣ новой рес- публики.

Скучная страна.

Лиссабонъ вдали, въ сторонѣ отъ международныхъ сообщений и не имѣеть удобнаго даже для себя. Пароходы не точны въ расписаніи и не каждый день нельзя же назвать «удобнымъ» стояція страшно дорого 14 мѣстъ ежедневно въ Sud-Express'ѣ. Это очень многимъ не по карману. Черезъ Лиссабонъ ѣдутъ бразильцы и аргентинцы, но и они здѣсь останавливаться не любятъ. День-два—и скорѣе въ Парижъ.

— Тамъ все очень богатые!—говорилъ мнѣ объ аргентинцахъ лиссабонецъ. — Да! тамъ, въ Южной Америкѣ, денегъ много и видимо будетъ еще больше, по крайней мѣрѣ этого очень опасаются янки Сѣверной Америки. Вдругъ ихъ превзойдутъ!

Ростъ испано-португальской Америки замедлился совершенно особыми условіями политическаго развитія этихъ странъ, но теперь наступилъ моментъ, когда и тамъ начинаютъ приравнивать политику къ рублю. А природныя богатства тамъ, пожалуй, больше, чѣмъ въ Сѣв. Америкѣ.

Говорять, что поддерживаетъ португальскій курсъ золота, посылаемое сюда бразильскими португальцами. Они все-таки тяготеютъ къ своей родинѣ и къ старости многіе даже ѣдутъ сюда. Это ли только, но

курс португальских бумажных денег стоит очень хорошо, и когда наша богатая своим еще неточатым богатством Россия скинула с бумажек 33%, бедная Португалия меняет их с разницей около 5%. Вопрос слишком большой, чтобы выяснять причины. Как-то сумели!

Улица Лисабона для нашего глаза несколько экзотична, и жизнь, города тоже. Немного пахнет уже Востоком и тропиками.

Газеты пестрят объявлениями о пароходах, ищущих груза в самые закоулки мира. Чувствуется, что центр тяжести в колониях. На улиц del-Rei под ряд парокордные агенты и консулы Эквадора, Коста-Рики, Сан-Доминго, Боливии—все самымь далекимь для нас государствь, о которыхь мы забываемь посль уроковь географии.

Характерно, что в Лисабонь каждая дверь имьеть порядковий номер не дома, какь у нас, а двери. Это очень помогаеть ориентироваться: оть № 1 до 101 совсьмь недалеко. Зато очень мьшаеть тупость встрьчныхь на улицахь. 3/4 населенія Португалии неграмотно, и это даеть себя знать. Если нужно что-нибудь прочесть, то приходится обращаться кь прохожимь изь «высшаго класса». Какь я убьдился, на улиць многие встрьчные не могуть прочесть даже цифрь. Для улицы всякой другой столицы явление почти невозможное.

Если гдь-нибудь вь Аргентинь или даже у нас вь России нельзя пользоваться статистическими дан-

ными экономической жизни за 5 — 10 летъ назадъ, все быстро мѣняется — въ Португаліи, безъ риска ошибиться, можно брать и довольно старья изданія. Жизнь стоитъ. Стоять — это идти назадъ, и, несмотря на свои политическіе перевороты, Португалія едва ли двинется. Такъ это на лицахъ написано. Развѣ тамъ, въ новой Португаліи, въ Бразильскихъ Соединенныхъ Штатахъ? И тамъ другіе берутъ уже вожжи.

Во внѣшней жизни Лиссабона почти ничто не напоминаетъ о недавней революціи. Сломано нѣсколько фонарей на Avenida da Liberdade, чинятъ нѣсколько витринъ, въ которыхъ выбили стекла, да на «памятникъ Реставраторовъ» на той же Avenida видны черныя пятнышки, слѣды пуль. Видимо заряды были больше для шуму, такъ какъ ни одна пуля и штука-турки не отбила, только пятна.

Въ табачныхъ лавочкахъ продаются въ изобиліи всякія cartes postales съ триумфами республики и карикатурами на министровъ, и новыхъ, и старыхъ. Особенно достается бѣднымъ иезуитамъ — ихъ иначе не рисуютъ, какъ съ кружкой вина или за ѣдой, жирныхъ, глупыхъ. На почтовые марки стараго выпуска наложили наискосокъ штампель «Republica»!..

Что касается серьезной стороны дѣла, то всѣ сходятся на мысли, что монархія свергнута окончательно, но въ правительство даннаго момента многіе не вѣрятъ. Теперешнее правительство захватило власть, подготовивши къ измѣнѣ армію, а привычка измѣ-

нять не проходить сразу!.. Уже по этому одному настоящее правительство многим кажется непрочнымъ. Завтра не сойдутся во вкусахъ, и все кверху ногами!

Нашъ русскій посланникъ при лиссабонскомъ дворѣ умеръ, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ революціи, въ октябрѣ, и новаго назначить нельзя, такъ какъ существующее правительство еще не признано нами и уполномочить посланника не къ кому! У кого они были, такъ по инерціи и остались, какъ назначенные еще къ королю, а теперь приходится ждать!

Замокъ Сингра, километрахъ въ 20 отъ Лиссабона, гдѣ жилъ король, стоитъ пустой. Вмѣстѣ съ королемъ уѣхали изъ Лиссабона—кто за границу, кто къ себѣ въ имѣнія—и многія знатныя фамилии Городъ еще больше опустѣлъ, опростился.

Впрочемъ, въ немъ и такъ простоты было довольно. Больше всего мнѣ понравились продавцы молока. Одну или двѣ коровы, непременно для рекламы съ теленкомъ, продавецъ гонитъ прямо по улицамъ города, по такой какъ Avenida — тоже. Коровы мычатъ, торговецъ кричитъ и постукиваетъ своими жестяными мѣрками. Кому нужно, молоко тутъ же на улицѣ наданвается... Вотъ это вѣрный способъ борьбы съ фальсификаціей. А теленокъ, чтобы не высосалъ молока, въ намордникѣ...

Въ океанѣ.

На южно-американскомъ пароходѣ.

I.

Нашъ «Asturias» не зашелъ на Мадеру и прямо идетъ изъ Лисабона 5 дней до С-Винцента С-Винцентъ—это маленький островъ въ группѣ о-въ Зеленаго мыса, одинъ изъ святыхъ Винцентовъ, которыхъ нѣсколько во всѣхъ частяхъ земного шара. Этого островка нѣтъ даже въ подробныхъ нашихъ атласахъ. Въ английскихъ, понятно, есть. На немъ угольная станція, и здѣсь пароходы забираютъ уголь на второй пятидневный переходъ до Пернамбуко.

Еще въ Лисабонѣ не предвидѣлось хорошаго на морѣ. Сѣверный вѣтеръ, все крѣпчая, поднималъ тучи пыли «Asturias», несмотря на его 12.000 тоннъ, качало изрядно до самыхъ береговъ Африки. Морези говорятъ, что здѣсь у выхода въ Атлантический океанъ Средиземнаго моря качка обыкновенна: «они сороятся».

Сороятся ли они—кто знаетъ, но качка отвратительная.

Насколько хороша ѣзда на океанскомъ пароходѣ въ тихую погоду, настолько она неприятна въ качку. Я не говорю о тѣхъ исключительныхъ людяхъ, у ко-

торьсь въ качку только улучшается аппетитъ — такихъ 1 изъ 100, даже меньше, это уже ненормальность. А на человека обыкновеннаго, даже совершенно здороваго, качка дѣйствуетъ скверно. Если даже взбунтовавшійся желудокъ не настанваетъ оставить свое постоянное мѣсто пребываніе и вывернуться на изнанку, настроеніе непремѣнно подавленное. Поражаются какіе-то мозговые центры и противъ этого не помогаетъ никакая сила воли, а тѣмъ больше какія-либо лекарства, лимонъ или красные очки.

Привычка несомнѣнно значить много, а когда эта привычка передана съ молокомъ матери, какъ вотъ у этихъ англичанъ, на которьсь я любовался здѣсь, качка вліяетъ гораздо меньше. Но все-таки вліяетъ.

Тѣ, кто рассказываютъ, что моря не боятся, что качка для нихъ одно удовольствіе, въ большинствѣ случаевъ не попадали въ настоящую качку или ѣздили по морю изъ Петербурга въ Кронштадтъ и изъ Севастополя въ Ялту. «Не суди о тигрѣ по его хвосту!» Нужно много повѣдить, чтобы уважать океанъ должнымъ образомъ. Онъ не шутитъ, и едва ли можно рекомендовать повѣзку въ 10.000 верстъ по океану, какъ чистую прогулку. На своей яхтѣ,—это еще другое дѣло—можно переждать, постоять въ случаѣ бури или въ ожиданіи ея, и то надняхъ вотъ Ротшильдъ сѣлъ со своей яхтой на мель около Гаванны, и пароходъ его былъ въ большой опасности.

Намъ, русскимъ, только жалѣть приходится, что предки наши не приучили себя къ морю. Живя въ лѣсахъ и степяхъ, воду они знали больше прѣсную, болотную нечисть, русалокъ рѣчныхъ, лѣшихъ, кикиморъ лѣсныхъ... Неудивительно, что въ англійскихъ атласахъ, гдѣ перечислены имена всѣхъ открывавшихъ по морю новые мѣры и вообще знаменитыхъ путешественниковъ, русскихъ именъ нѣтъ (кто и есть, не вписали). Наша исторія, наша народная сила складывалась совсѣмъ иначе, у насъ найдется зато много такого, чего нѣтъ у нихъ, и чего они, можетъ быть, еще въ насъ и не знаютъ!

Океанъ англичанамъ привычѣе, что и говорить, и то, что у нихъ дѣлается по инерціи, машинально, мы должны добывать работою мозга, напряженіемъ

Не знаю, нужно ли намъ уѣзжать изъ Россіи куда-то, какъ они, въ колоніи, вѣроятно нѣтъ. Мы сами колонія. Но ѣздить очень нужно. Трудно даже представить себѣ, какъ это нужно. И вогь сейчасъ, еще подъ впечатлѣніемъ качки, опять только могу повторить то же. Поезжайте за границу (не въ Кинсингенъ, понятно), за океанъ, отовсюду привезете много такого, что оплатить и время, и расходы. И даже качу!

II.

Жизнь на океанѣ совсѣмъ особенная, очень интересная—я вернусь къ ней. Пока подчеркну ту дисциплину, какую даетъ море. Особенно англійскій

пароходь. Это не дисциплина, это традиция, поэтому гораздо больше Никому и в умь не придется отступать, нарушить. Посмотрите жизнь нашего волжскаго парохода и вздумайте сравнить ее съ океанской. Несравнимо, все будеть какъ разъ наобороть. Разница—и часовой механизмъ, санатория!

Встають всё рано. Раньше восьми, обыкновенно вь семь. Можеть быть и воздухъ океана бодрить, но попробуйте проспять. Вь 7 $\frac{1}{2}$ час звонокъ вь коридорь, вь 8 ч. фанфара, да какая, и подь самьяль ухомъ у двери каюты! Вь 8 $\frac{1}{2}$ час—другая, значить подань breakfast!—первый завтракъ. Уже всё встали, одѣлись, взяли солёную ванну.

На градусъ долготы 4 минуты разницы во времени, поэтому по пути вь Америку, дѣлая по долготѣ 4—6 градусовъ вь день, часы переводимъ назадъ минутъ на 20, а на обратномъ пути забѣгание ихъ еще уменьшаетъ часы сна.

Я имѣль несосторожность сказать своему «стюарту» (steward—такъ зовуть прислугу на океанскихъ пароходахъ,—garçon здѣсь уже обидно), что буду брать ванну вь 7 часовъ. Потомъ уже я не могъ отъ этого отдѣлаться: онъ считаль безпорядкомъ, если я вь 7 часовъ 3 мин. не сидѣль уже вь ваннѣ, и освѣдомился у меня, не боленъ ли я?!

Эти стюарты—это английскія машины: для него нѣтъ ни качон, ни случайнаго настроенія, онъ не понимаетъ, что это такое «хочется спать»! И встанете! Встанете, какъ всё, до единаго. Есть будете

вовремя, ибо не вовремя, если- бы и дали, то вѣроятно объ этомъ шушукался бы весь пароходъ, всѣ 300 люди и джентльменовъ, что ѣдутъ въ I классъ. Сидѣть будете, если угодно, и за отдѣльнымъ столикомъ, на 3 — 4,—какъ исключеніе, впрочемъ—но выпить, напримѣръ, больше, чѣмъ слѣдуетъ, никто не выпьетъ. И можно, а не выпьете! Я нѣсколько разъ переѣзжалъ океанъ, но ни разу не видѣлъ на пароходѣ пьянаго. На нѣмецкихъ пароходахъ — тамъ больше вольностей, но и тамъ этого не бываетъ.

Весь день на виду, на глазахъ опять тѣхъ же люди и джентльменовъ.

Къ обѣду въ смокингѣ, дамы въ вечернихъ туалетахъ. Поизяно, можно и не въ смокингѣ, но это будетъ такъ неловко, что непременно надѣнете, раздѣда, а тамъ входитъ въ привычку, начинаетъ нравиться. Бude смокингъ у васъ есть, стюартъ его откопаетъ съ самаго дна сундука и разложитъ все по каютѣ, равно и рубашку, и галстукъ, запонки и даже носовой платокъ.

Это машина. И попробуйте не надѣть смокинга! Эта машина уже перестаетъ уважать васъ, вы не джентльменъ!

Надѣвая смокингъ, надо побриться, сидя въ Social Hall (гостиная) или въ smoking-room будете невольно прислушиваться къ говору на 5—6 языкахъ, что-нибудь понимать, замѣчать созвучія языковъ; напримѣръ, ихъ очень много въ русскомъ и португальскомъ: явится желаніе немножко хотя познакомиться

сь языкомъ. А эта масса новыхъ культурныхъ людей кругомъ, разныхъ национальностей и даже разныхъ цвѣтовъ. Я взялъ нѣсколько случайныхъ деталей, а въ общемъ все это удивительно подтягиваетъ, какъ будто по мѣрѣ этого и качка становится меньше замѣтной. Это своего рода школа, но не для дѣтей, а для разлѣннившагося и расплывавшагося взрослого. А сколько среди насъ такихъ, изъ той небольшой кучки культурныхъ людей, какие у насъ въ Россіи есть!

Мы еще до этого не дошли, но друге уже посылають подрастающихъ юношей въ далекое морское путешествіе — пароходъ охранить лучше всякаго гувернера.

А спортъ, игры на пароходѣ? Тутъ проявился англійскій духъ уже въ сильнѣйшей концентраціи, отъ нихъ перешло и на другіе пароходы, но на англійскихъ это нѣчто поразительное для нашего глаза. Можно цѣлый томъ написать объ этихъ играхъ и разговорахъ о нихъ.

Спортъ и религія.

«Спортъ—это жизнь»,—вотъ девизъ каждаго «хорошаго Англичанина»,

Чтобы понять, какую громадную роль играетъ спортъ въ английской жизни, нужно побздить на океанскихъ пароходахъ. Какой бы нации ни принадлежалъ пароходъ, английское влияние на немъ господствуетъ нераздѣльно. Но, конечно, лучше наблюдать на английскихъ судахъ: здѣсь все особо рельефно. Это нѣчто удивительное, намъ совершенно незнакомое и несвойственное!

Съ ранняго утра и до обѣда, т-е до 7 часовъ, время посвящено сплошь спорту

Казалось бы, немного можно выдумать на палубѣ парохода, все-таки качающагося, и загроможденной лонгъ-шезами или шлюпками и снастями? Но нѣтъ! Всѣ палубы разграфлены мѣломъ на всякіе квадраты и круги, затянуты сѣтками и веревками, повсюду какія-то доски и ведра,—еле пройти.

Рано утромъ палубы моютъ, все мѣдное чистятъ, всѣ мѣловые знаки смываются, и специальные матросы потомъ долго ходятъ и чертятъ все снова. Для всего есть строго установленныя правила, и матросы знаютъ ихъ не хуже самыхъ важныхъ параграфовъ морской службы.

«Шэфль-бодъ»—швыряніе деревяшекъ по палубѣ въ намѣченные большіе круги, «баль-бодъ» или швы-

ряніе тѣхъ же деревяшекъ въ маленькіе круги, бросаніе колець изъ каната на палку, или ихъ же въ ведра, или опять ихъ въ круги шэфль-бода, лаунъ-теннисъ тѣми же кольцами, мѣшечки съ дробью маленькіе, мѣшечки большіе и т. д., и т. д. Есть гимнастическіе приборы, но ихъ какъ-то не любятъ нужна игра, соревнованіе, какъ бы неинтересна игра

Суть не въ игрѣ даже, а въ какомъ-то особомъ отношеніи къ ней .. очень мало читають, почти всѣ играютъ

Скучнѣйшее швыряніе деревяшки — это национальное дѣло. Таково отношеніе къ нему. Судите сами.

Мнѣ надо было ѣхать моремъ до Буэнос-Айреса 22 дня. Какъ только нашъ «Asturias» прошелъ Бискайскій заливъ, гдѣ всегда качка, было собрано засѣданіе и избранъ «комитетъ спорта». Президентъ, 7 вице-президентовъ, 18 членовъ, секретарь, казначей и проч. Выбраны были самыя почтенныя лица, выборы производились съ подобающей серьезностью.

Составъ комитета тотчасъ былъ отпечатанъ, равно и программы состязаній на все время пути. На призы и другіе расходы собрано больше 1,550 рублей.. И вотъ съ утра идутъ состязанія, все съ тѣми же деревяшками, кольцами и мѣшечками!..

Можно еще увлекаться игрой на билліардѣ, гдѣ каждое движеніе—геометрическій законъ, или фут-

болель, гдѣ много ловкости и движенія, но здѣсь ничего этого нѣтъ. Игра скучна. Между тѣмъ мѣста расписаны на всѣ дни, все занумеровано и скрѣплено надписями комитета.

Состязаются, положимъ, какія-нибудь четыре-шесть леди (стартъ для «ladies only»), и старья, и юныя Гоняють по палубѣ деревяшку, чтобы она попадала въ мѣльные кружки-лузы. Палуба неровная, деревяшка задѣваетъ за стулья и борты. Наконецъ, одна попадаетъ на кружокъ, но на черту его сейчасъ жюри, попала или не попала.

Когда играютъ въ крикетъ, палубу затачиваютъ сѣтками, окна закрываютъ рѣшетками, кругомъ много зрителей.

Вмѣсто мяча клубокъ шпагату, вмѣсто условныхъ линий широкій половикъ.

Играють не дѣти, а взрослые и потомъ все остальное время дня говорятъ объ игрѣ. Играють подъ вертикальными лучами солнца, когда жарко даже стоять просто... Играють, главное, не какъ у насъ: сидѣли, сидѣли, потомъ кто-то рѣшилъ: «давайте сыграемъ!» Нѣтъ, тутъ все по программѣ. «Не прибывшіе къ старту въ 9 час. 15 м. лишаются права игры...»

Кромѣ «спорта» есть еще игры особаго рода, для взрослыхъ и для дѣтей, вродѣ картофельныхъ бѣговъ, «обезьяняго спорта», боя пѣтуховъ и проч.

Спять всё записываются, всё «чемпионы» получают призы и, будь составляющийся 6-лѣтний бутузъ, смъ все равно собственноручно расписывается и подпись скрѣпляется вице-президентомъ!

Все это не игры, а национальное дѣло. Такъ къ нимъ и относятся.

Игры есть и изящныя, но большинство граничатъ съ нашими на народныхъ праздникахъ.

Недурны «картофельныя гонки». Ставятся въ рядъ занумерованныя ведра, и на опредѣленныхъ разстоянїяхъ рядами кладутся картофелины. Составляющийся лѣди, по сигналу вице-президента, бѣгутъ отъ ведеръ за картофелинами и носятъ ихъ въ ведро по одной. Кто соберетъ раньше, тотъ «чемпионъ»!

Еще, напримеръ, «продѣвание нитки въ иголку». Въ одномъ концѣ палубы становятся джентльмены съ нитками, въ другомъ—лѣди съ иголками. По знаку, джентльмены бѣгутъ къ лѣди, и кто вернется первымъ съ продѣтой въ иголку ниткой, тотъ чемпионъ! Въ такомъ же родѣ состязаніе «сода-виски». Смѣшно еще «свиной глазъ», «боксы на мячѣ». А большинство игръ все-таки некрасивы, неизящны, и только удивляешься, какъ это джентльмены соглашаются валиться по палубѣ. Но здѣсь «такъ нужно», и ни у кого сомнѣній не является.

Есть игра такая. Два джентльмена ложатся на палубу съ завязанными глазами со жгутомъ въ рукъ. Одинъ спрашиваетъ: «Are you there?» (Вы там?), другой отвѣчаетъ: «yes!», и первый лупитъ второго

жгутось. Съ завязанными глазами это трудно, а по-
пасть нужно непременно по головѣ!

Играють тѣ же «джентльмены», что вечеромъ
обѣдаютъ въ смокингахъ, но «такъ принято» на паро-
ходѣ, такъ нужно, и никому не странно. Когда вы
посмотрите на эти здоровыя лица, когда увидите, какъ
молоденькія миссъ распоряжаются своими мускулами,
это уже не кажется вамъ глупо. А для нихъ это тра-
диція, не подлежащая обсужденію.

Въ воскресенье игрѣ нѣтъ. Въ 10 1/2 часъ служба
въ social hall. («Если погода позволитъ» — гласитъ
объявленіе. Эта оговорка всюду на океанѣ) Капи-
танъ и его помощникъ читають Евангеліе, всѣ
поютъ хоромъ гимны подъ аккомпаниментъ орке-
стра:

A thousand ages in Thy sight,
Are like an evening gone,
Short as the watch that ends the night,
Before the rising sun»... *)

Посреди океана, на пароходѣ мѣрно покачиваю-
щемся на тропической зыби, подъ мѣрный стукъ
машины, эти гимны особенно торжественны, захва-
тываютъ...

*) Тысяча вѣковъ передъ взоромъ Твоимъ
Прошли точно одинъ вечеръ,—
Коротки, какъ минуты, что кончаютъ ночь
Передъ восходомъ солнца...

Вся команда парохода, кроме дежурных, тут же в half. Отношение со стороны всёх серьезное, продуманное, определённое... Lord, King, семья! Так и чувствуется это отсутствие всяких сомнений, все определённо, ясно. Это мировоззрение выработано вёками, перешло от прадедовъ къ теперешнимъ дётямъ, а отъ нихъ перейдетъ дальше. Перешло вмёстѣ съ культурностью и одно другому не помѣшало. Полчаса молитвы, не больше, но эти полчаса внѣ сомнений, молятся всё... Имъ легче жить, несравнимо легче, проще. Нѣтъ тѣхъ сомнений, которыя такъ мѣшаютъ многимъ у насъ. Это не въ религии только, во всемъ нѣтъ колебаний и бросанья изъ стороны въ сторону, такъ нужно и кончено, и критикѣ не подлежитъ... Это яркая красная нить черезъ весь англійскій строй, и государственный, и семейный, личный. Всѣ новыя философи и теории, какъ извѣстно, всего меньше почвы находили у англичанъ. Особенно въ послѣднее время. Всякое отступленіе, ненормальность клеймится ими безпощадно и хорошо ли, плохо ли это, но въ этомъ ихъ сила. Нѣтъ яркихъ вспышекъ, нѣтъ сильной волны, но есть хороший часовой механизмъ. Мы еще бродимъ какъ молодое вино, а они давно уже вылежалисъ. Уже не лопнетъ бутылка, не выскочитъ пробка, все улежалосъ, осѣло...

На экваторѣ.

Вѣчная зыбь качаетъ чуть-чуть нашъ «Asturias» Солнце какъ разъ надъ головой, совсѣмъ въ непривычномъ для насъ мѣстѣ Своей тѣни не видать. да, е при яркомъ солнцѣ Воздухъ насыщенъ парами, какъ въ банѣ. Все кругомъ окутано дымкою пара и выше—облаками Облака точно напитались излишкомъ влаги и еле движутся На 5 —10 минутъ дождикъ, нисколько не освѣжающій, какъ теплый душъ въ той же банѣ...

Легкій сѣверо-западный пассатъ, вѣчный тутъ, какъ и зыбь Немного дальше будетъ юго-западный, такъ и будутъ они дуть вѣчно, какъ дуютъ уже тысячелѣтія, — и зыбь тысячелѣтія,—десятки, сотни тысячелѣтій.

Солнце свѣтитъ сквозь парь, но все-таки такъ ярко, что посмотрѣть—глазамъ больно. Вода океана отражаетъ вертикальные лучи и блеститъ тоже совсѣмъ по-особенному.

Благодаря прекрасной вентиляціи въ залахъ парохода не душно. Плохо только ночью въ каютѣ. Даже въ столовую, внизъ, вгоняется насосами столько свѣжаго воздуха и онъ такъ мѣшается непрерывно электрическими вѣерами, что и тамъ можно сидѣть. Но двигаться трудно. Приучаешься еле шевелиться: малѣйшее напряженіе покрываетъ испариной. Этимъ особенно тяжелъ тропическій климатъ. 40 градусовъ

въ нашемъ сухомъ Туркестанѣ гораздо легче, чѣмъ здѣсь во влажныхъ тропикахъ 25°.

Природа дала сюда такія богатства растительнаго міра, о которыхъ мы и думать трудно сумѣемъ, но она отняла энергію отъ человѣка. Здѣсь мозгъ не можетъ работать напряженно, не можетъ рождать драгоценныя кристаллы мысли. И воля быстро ослабляется...

Все нарядилось въ свѣтлое, сняли все, что возможно снять, надѣли соломенные шляпы. Одна только ужасно разговорчивая и тощая миссъ все въ ярко-красной фетровой. Она находитъ, что шляпа очень идетъ ей. И вѣрно, она почти интересна, вся въ бѣломъ съ ярко-краснымъ вокругъ лица, хотя и очень некрасиваго. Къ ея удовольствію, на пароходѣ мало аргентинокъ и чилиекъ особенно—тѣ красивы въ чепугодно. Испанская кровь Андалузін сказывается.

Съ экватора я послалъ въ «Новое Время» маркониграмму,—привѣтъ пассажировъ «Asturias'a». Вчера мы сообщались съ пароходами «Kaiser Wilhelm», идущимъ около 10°сѣв. широты, и какимъ-то итальянскимъ. Съ берегомъ сообщенія не было. Сегодня моя маркониграмма передана въ Бразилію черезъ сильную станцію на островѣ «Фернандо-Норонья».

Въ былое время, когда плыли 3 — 4 мѣсяца то разстояніе, что мы проѣзжаемъ въ 18 дней (даже въ 15), переѣздъ черезъ экваторъ былъ торжествененъ. Переѣзжавшихъ впервые крестили «экваторіальнымъ крещеніемъ». Теперь измѣнилось все. вмѣсто крещенія маркониграмма на родину!...

Сейчас 6 1/2 часов. Совсем темно,—луна, звёзды сразу после яркого дня. Пароходные часы пробили один раз, «собачьи часы». На пароходах время считается по-иному. Сутки делятся на 6 частей по 4 часа. Каждая часть имеет свой счет от 1 до 8, по получасам, и свое название. Часть суток от 4 до 8 дня почему-то называется «dog watches» — «собачьи часы».

Трубить фанфара—надвигать смокинг к обеду. Я думаю, что если бы пароход стал сейчас тонуть, все равно все надели бы смокинги. Даже бразильские португалыцы и все их помеси с неграми и индйцами подтягиваются, глядя на англичан. У кого уже нет смокинга, надевает к обеду открытый жилет и бриллианты. Но таких мало. На подъемной машинке все понемногу спускаются вниз, в каюты, переодеваться.

Вечером назначен концерт. В концерт, кроме пароходного оркестрика и нескольких мисс с кошкотподобными голосками, примут участие имитатор «from Alcatraz-London», идущий в Буэнос-Айрес, жена какого-то бразильца, видимо из французских «шансонеток», и какой-то знаменитый клоун, тоже приглашенный в music-hall в столицу Южной Америки—Буэнос-Айрес.

У береговъ Бразиліи.

Когда читаешь описанія путешествій по тѣмъ морямъ, по которымъ ѣдешь, путешествій всего 20—30 лѣтъ назадъ даже, поражаешься стремительностью хода впередъ, небывалой въ исторіи человѣческой культуры. Трудно представить, что будетъ еще черезъ 20—30 лѣтъ! Описанное въ этихъ книгахъ ушло въ вѣчность.

Всѣ тѣ опасности, страхи и лишения, которыя переживались тогда, свелась теперь къ сидѣнью въ роскошныхъ салонахъ океанскихъ пароходовъ, зашпатель электричествомъ, съ коврами, гобеленами, музыкой.

Какъ непохожа теперешняя Южная Америка и путешествие по ней хотя бы на 2000 страницъ солиднаго труда Іонина «По Южной Америкѣ», а писано 22 года назадъ всего!

Мы проѣхали уже самую баню. Стало легче спать въ каютѣ, дуетъ свѣжій пассатъ, чуть-чуть покачиваетъ.

Третьяго дня былъ маскированный балъ. Почти у всѣхъ англичанъ оказались костюмы. Они такъ привыкли къ жизни океанскаго парохода, что садятся на него, точно ѣдутъ на *bains de mer*. Одна изъ палубъ была иллюминирована разноцвѣтными фонариками, затянута флагами всѣхъ націй (кроме русскаго!), и балъ былъ не менѣе шикаренъ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ модномъ курортѣ.

Программы танцевъ, листки призовъ, программы музыки въ антрактахъ между танцевъ—все это изищно опечатано заранѣе и положено каждому на приборъ за обѣдомъ. Цѣлая компанія англичанъ одѣлась бѣе съ голыми колѣнками, были и пьеро, и апаши, и сицилійскій бандитъ, и дядя Самъ Американскій милліонеръ, золотопромышленникъ изъ Калифорніи, нарядились съ женою въ костюмы Людовика XVI; португалецъ изъ Бразилии, кофейный плантаторъ—русскимъ мужикомъ такъ онъ увѣрять всѣхъ, хотя на головѣ у него была фетровая шляпа съ широкими полями и черезъ плечо какая-то перевязь.

Вчера торжественно раздавали призы за спортивные состязанія, за игры, за костюмы. Почти половина пассажировъ получили призы,—кто за что. Даже винтеры. Здѣсь это, впрочемъ, не винтъ, а бридсъ, протѣкъ нашего винта. И курьезно, что мы, заимствуя отъ англичанъ игру, взяли прямо цѣликомъ и ихъ названія, только произнося ихъ на русскій манеръ. Slampt стать у насъ шлемомъ, hopour—шперомъ.. И «шлемъ» такъ и идетъ у насъ въ этомъ безсмысленномъ произношеніи: при чемъ тутъ шлемъ, головной уборъ, каска?!

Сегодня у насъ конкурсъ, тоже печатными «избирательными бюллетенями».

«Кто самый популярный мужчина на пароходѣ?»

«Кто самая красивая дѣвица?»

Результаты вечеромъ, и танцы по этому случаю. Сейчасъ идетъ гуль по пароходу отъ игры въ кри-

кетъ, гдѣ занято 8 джентльменовъ, изъ нихъ 4—пароходные офицеры. Джентльмены такъ швыряютъ мячъ, что того и гляди онъ пробьетъ сѣтку...

Къ завтраку сегодня подали уже бразильскіе фрукты—запасы европейскихъ и африканскихъ кончили. Мой сосѣдь негръ, лейтенантъ бразильской арміи, обрадовался и одинъ съѣлъ цѣлый ананасъ, при этомъ онъ закладывалъ въ ротъ чуть не половину, откусывая отъ цѣлага, и увѣрялъ, что ананасъ нужно ѣсть именно такъ!.. Этотъ Негръ изобрѣлъ дирижабль, главное отличие котораго въ томъ, что онъ «le plus grand du monde» — одна машина 2.000 лошадей! Брошюрами объ этомъ дирижаблѣ негръ надѣлъ уже всѣмъ, въ смокингъ-румѣ ихъ лежитъ нѣсколько десятковъ, но всего поразительнѣе то, что бразильское правительство уже второй разъ командируетъ лейтенанта въ Парижъ для опредѣленія стоимости этого дирижабля. Стоить онъ долженъ ни много, ни мало 4.000.000 франковъ! Изобрѣтатель не только самъ никогда и ни на чемъ не леталъ, но даже и не видалъ, какъ летаютъ! Негры славятся богатой фантазіей...

Апельсины дали намъ зеленого цвѣта, арбузы, какъ наши, формы длинной дыни, громадные ананасы блѣлесоватые (здѣсь зовутъ ихъ «сабакаши»), длинные, большіе манго (мангустаны), кислые, прохладящія, съ запахомъ хвои.

Фруктовъ въ Бразиліи поразительное обиліе. Это со временемъ большой предметъ вывоза. Консервы

изъ нихъ только начинаютъ готовить, и получаются прекрасные Лондонъ уже ихъ одобрилъ и требуетъ все больше Перевозить фрукты свѣжими въ Европу или Сѣверную Америку можно только въ холодильникахъ Ведутся уже переговоры съ нѣсколькими большими компаниями о постройкѣ специальныхъ пароходовъ Пока не могутъ стовориться, такъ какъ тѣ хотятъ очень дорого, около 12 рублей куб. метръ холодильника на рейсъ.

— Почему же до сихъ поръ вы не дѣлали консервовъ, вѣдь такой дивный ананасъ стоитъ у васъ 5—10 копѣекъ?

— Нѣтъ рабочихъ рукъ! И инициативы тоже...

Это «нѣтъ рукъ» — лейтъ-мотивъ во всей Южной Америкѣ. Можно сомнѣваться, уживутся ли европейскіе рабочіе и впоследствии около самаго экватора, но въ южныхъ частяхъ материка они чувствуютъ себя хорошо, особенно итальянцы Тутъ громадный запасъ мѣста для увеличивающагося человѣчества.

Южная Америка вдругъ проснулась, и нужно удивляться не этому, а тому, что она такъ долго спала Природа щедро надѣлила эту часть свѣта, даже если не считать странъ у самаго экватора.

Сегодня на кормѣ, во II классѣ, идетъ повтореніе игры I-го Стоитъ несмолкаемый хохотъ

Вообще тамъ народъ удивительно экспансивный: цѣлый день или хохочутъ, или аплодируютъ, если нѣтъ чему больше, то имитатору «изъ Алыгамбры», который мычитъ, лаетъ и мяукаетъ. Мяукаетъ на-

столько хорошо, что парходный котъ бѣжить стремглавъ туда, думаетъ, что нашлась вдругъ подруга жизни. Онь, бѣдняга, всегда въ океанѣ, лишешъ на- всегда романтическихъ похождений на крышахъ, мартовскихъ удовольствій!..

Тамъ же, на кормѣ, мальчуганы изъ III класса устроили оркестръ и играютъ «God save the King» «God save the King» у насъ кончается все — и концерты, и танцы. Англичане есть англичане И если находить казихъ-то другихъ англичанъ, то, вѣроятно, это не настояще. Я другихъ не видалъ «God save the King»

Въ Рио-Жанейро.

Бухта Рио-Жанейро очень красива. Горы окружили ее кольцомъ и такія странныя. Море омываетъ не подошвы ихъ, а точно онѣ высунули изъ воды только свои верхушки, а низы ихъ остались еще тамъ, въ глубинѣ.

Зелень всюду, гдѣ она могла только къ чему-нибудь прицѣлиться; изъ нея пальмы высовываютъ высоко свои экзотическія головы, часто съ оторваннымъ и повисшимъ нижнимъ листомъ—двумя. И такой у нихъ видъ спокойный, задумчиво-грустный, точно имъ Богъ вѣсть какъ скучно здѣсь. А между тѣмъ такихъ роскошныхъ пальмовыхъ аллей, какъ на нѣкоторыхъ улицахъ Рио-Жанейро (Avenida do Mangue)

и особенно въ здѣшнемъ ботаническомъ саду нѣтъ нигдѣ въ мѣрѣ, даже на Цейлонѣ Недаромъ посреди сада стоитъ памятникъ «Богу пальмы» Пальмы на ашеяхъ удивительно высоки, всё какъ одна. Именно ихъ высота указываетъ, что имъ здѣсь хорошо. Кромѣ пальмы въ ботаническомъ саду ничего замѣчательнаго, исключительнаго, и можно бы ожидать гораздо большаго отъ сада въ тропикахъ, отъ сада страны, которой принадлежитъ большая половина экваторіальнаго земнаго шара и пять-шесть тысячъ дѣствительныхъ лесовъ

У самаго входа въ бухту торчатъ «Сахарная голова» (Pao da Assugar), дѣйствительно точно голова

сахару, увеличенная въ миллионъ разъ

Океанскіе пароходы становятся въ бухтѣ далеко отъ берега, молы только строятся — какъ и вездѣ тутъ — и приходится ѣхать на берегъ на маленькомъ пароходѣ или въ лодкѣ. Вещей на пароходикъ не берутъ, а мы къ тому же пришли въ воскресенье, когда таможня закрыта, и поэтому возня была большая даже и самими бразильцами.

Таможня въ Бразиліи—это главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ: все обложено пошлиной невѣроятно высоко, и казалось бы, что таможенные чиновники должны быть особенно придирчивы. Наоборотъ—полная покладливость и любезность. Совсѣмъ нѣтъ того юпитерскаго тона, какъ у нашихъ. Не видно и тѣхъ подмигиваній и условныхъ жестовъ таможеннаго «маклерова», какіе у насъ вершаютъ

дѣла въ тамокняжъ. гдѣ лобезны и предупредительны только къ нимъ.

Главная улица Rio Avenida Central, хотя она и одна такая, поражаетъ сразу своей роскошью, пока не присмотришься глубже, не поскоблишь бразильца. Тамъ, подъ оболочкой, пока много негра. Улица пробита недавно среди узкихъ переулковъ, здания всё новыя, большинство стильныя, въ 4, 5, 6 этажей. Тутъ и разныя общественныя и промышленныя здания, роскошный театръ, библіотека, лучшіе магазины, рестораны, гостиница. Вечеромъ масса свѣта,— а вечеръ тутъ съ 6 часовъ,—электрическія мигающія рекламы, много движенія, особенно автомобилей. Экипажей мало, а съ лошадыми особенно—все мулы, которые, несмотря на свой малый ростъ, легко катятъ большіе экипажи благодаря прекрасной мостовой. Такую мостовую, какъ на Avenida, содержащую въ такомъ порядкѣ, можно видѣть только въ Парижѣ, Лондонѣ. Она блеститъ на солнцѣ, какъ полированная. Это или гудронъ (асфальтъ) или гудронированный тесный кубиками камень. Есть и торцовая изъ твердаго, какъ кость, тропическаго дерева—акажу.

Тротуары широкіе, мозаичныя. Такая мостовая и дальше по берегу бухты, по набережной съ пальмами, верстъ на 10—11. Это гордость Rio Здѣсь главное движеніе, особенно, повторяю, автомобили. Они мчатся съ какой хотя бы скоростью, все это новыя, очень хорошія машины. Плохихъ автомобилей въ Rio нѣтъ. Это черта Америки и Южной тоже — «только лучшее».

Автомобили, чудные мостовыя, обиліе электричества, роскошныя пальмы — это первое впечатлѣніе. Дальше идутъ разочарованія.

Въ Рио-Жанейро, да и во всей Бразиліи культурные люди хотять зарабатывать много, учетный % минимумъ 7^{1/2}, частный дисконтъ—10—12%. Рабочихъ рукъ не хватаетъ, на все громадная ввозная пошлина, а своихъ фабричныхъ производствъ пока нѣтъ,—поэтому создается такая дороговизна жизни, о какой мы не имѣемъ и представленія.

Живя въ Сѣверной Америкѣ, я поражаюсь тамъ дороговизной, но Южная пошла дальше, уже хотя бы въ томъ, что за эти громадныя деньги даютъ какую-то негритянскую обстановку и обиходъ.

Поражаться начинаешь съ пристани

Лодка 4 000 рейсовъ (1 000 рейсовъ сейчасъ по курсу около 61 коп.) Сагос, по нашему извозчикъ, съ пристани—8 000 рейсовъ!

Я началъ было протестовать, созвалъ швейцаровъ и даже городского, но такова такса, такъ всё платять.

Вечеромъ извозчикъ по городу—16.000 рейсовъ. Комната въ гостиницѣ — 20.000 рейсовъ, и какаа комната! Нужно сказать, что я выбралъ самую лучшую гостиницу Рио. Ни ковровъ, ни портьеръ или даже занавѣсокъ на окнахъ—нѣтъ и признака, намека. Говорять, что въ этомъ климатѣ нельзя, за-

водится от сырости Богъ знаетъ что.. Въ комнатѣ четыре окна. Стекло въ рамахъ нѣтъ, а есть деревянные рѣшетки отъ солнца. Двери производятъ впечатлѣніе картонныхъ, толкнуть—все повалится. Вода для питья въ грязномъ глиняномъ кувшинѣ. Но самое лучшее наступило, когда я пошелъ спать.

Войдя въ комнату, я поразило какимъ-то неприятнымъ запахомъ. Это бѣлье на постели! Оно стираное, но отъ постоянной, вѣчной влажности прѣветъ, всегда сыроватое. Получается отвратительный запахъ. Перебѣнили, но на такое же, такой же запахъ и отъ полотенецъ и прочаго.

Въ тропикахъ ужасна не жара, а именно эта постоянная влажность, воздухъ насыщенъ парами вѣчно, какъ въ банѣ или оранжереѣ для пальмъ и орхидей. Влагой пропитано все. Запечатанные конверты сами расклеиваются, крахмальное бѣлье становится мягкимъ, тѣло всегда влажное. Запасная зубная щетка, забытая въ чемоданѣ на день-два, шпѣснѣеть, обувь въ шкафу зеленѣеть... Потомъ, говорятъ, къ этому привыкаешь, но сразу очень неприятно. Полотняное бѣлье носить нельзя вовсе, тотчасъ простудитесь послѣ захода солнца, только бумажное, лучше влажное.

Въ Рио очень хороши трамваи, всюду (тоже 200—300 рейсовъ конецъ) и ходятъ всю ночь. Попробуйте спать даже на третьемъ этажѣ, при окнахъ безъ стекло и безъ портьеры! Затѣмъ въ Бразиліи очень любятъ куръ (еще больше индюшекъ), у куръ пѣ-

тухи, и они поют съ 3 часовъ ночи на тысячи голосовъ... Въ этомъ отношеніи индски куда спокойнѣе

Но это еще не все Матрасъ набить строганымъ бамбукомъ (это точно), а подушки отнюдь не пуховыя или хотя бы изъ перьевъ (столько пѣтуховы), а начинены волосистыми сѣменами какого-то дерева въ родѣ нашего тополя. Подушка фунтовъ 15 и твердая какъ кулакъ. Набиваютъ тоже и пескомъ—такъ въ тропикахъ нужно. И къ этому, говорятъ, потомъ привыкають, но сразу плохо

Прислуга получаетъ въ Рио минимумъ 60 000 рейсовъ въ мѣсяцъ. Квартиры очень дороги, дорого все. Автомобиль по часамъ 10 000 рейсовъ, за годъ 20.000. Это потому, что насколько хороши мостовыя въ Рио, настолько плохи дороги за городомъ. Вѣрнѣе, ихъ нѣтъ вовсе. Увѣряють, что скоро будутъ. Въ Петрополисъ, одно изъ предмѣстій Рио, въ горахъ, гдѣ живетъ весь дипломатическій иностранный корпусъ, дороги вовсе нѣтъ, только желѣзнодорожное сообщеніе.

Но будто бы уже ассигновано 60 милліоновъ милъ-рейсовъ на эту дорогу и черезъ 2—3 года она будетъ. Кило хорошей европейской ветчины стоитъ въ Рио 12.000 рейсовъ—мѣстная очень плохая. Нумеръ газеты 200 рейсовъ, кило шоколаду, который растетъ тутъ же рядомъ въ лѣсу,—12.000 рейсовъ! Чернила раза въ четыре дороже, чѣмъ у насъ, писчая бумага тоже и т. д. Вообще самая маленькая монета—100 рейсовъ. О предметахъ туалета и платьѣ и говорить нечего. Все.

это второе, чѣмъ въ Парижѣ. Бразильцы, ѣдучи въ Европу закупаютъ тамъ все, что возможно.

Въ Бразиліи даромъ не работаютъ. Для торговли это сейчасъ золотое дно. Многое могли бы сдѣлать и мы изъ Россіи, лишь бы инициатива.

„Русское“ въ Рио-Жанейро.

Въ Рио-Жанейро, какъ и всюду далеко отъ Россіи, я считалъ своей священной обязанностью зайти въ русское консульство. Посольство существуетъ тоже, но посланникъ живетъ не въ Рио, а въ Петрополисъ, вдали отъ шумной и жаркой столицы. Туда никто не попадаетъ, да и не зачѣмъ...

Съ горечью, искренней горечью, пишу эти строки...

Мы—Россія, великая держава, 160 миллионовъ людей. Посланникъ у насъ одинъ на всю необъятную Южную Америку. Ни въ Аргентинѣ, ни въ Чили, ни въ Перу, въ этихъ большихъ богатыхъ странахъ — особенно въ Аргентинѣ—у насъ посланниковъ нѣтъ. О насъ забываютъ, какъ мы забываемъ о нихъ...

Первымъ долгомъ рѣшили позвонить въ посольство или консульство по телефону, тѣмъ болѣе, что телефонъ въ каждомъ номерѣ гостиницы. Такихъ телефоновъ нѣтъ— есть Франція, Германія, Англія, Эквадоръ, но не Россія.

Консульство нашеть на Rua da Candelaria, 106, хотя въ альманахъ Рио указанъ другой адресъ. Какой-то закоулочекъ, узенькій грязный переулочекъ. У другихъ консулы на Avenida Central, въ роскошныхъ домахъ. Но это у другихъ. Дверь безъ звонка, рядомъ дивная. Никакой надписи, никакого герба или дощечки. На мой усиленный стукъ въ дверь сначала ничего не послѣдовало, потомъ кто-то сверху сталъ ругаться и, когда мнѣ пришли помогать колотить въ дверь двое подвыпившихъ изъ пивной,—открыть наконецъ дверь жирный грязный португалецъ, сталъ на порогъ и покачалъ пальцемъ въ воздухъ: «Нельзя, закрыто!..»

Съ трудомъ сговорились; переводчикомъ быть извозчикъ.

«Завтра, въ 11 часовъ!»

Приѣхалъ завтра, въ 11. Дверь внизу открыта, поднялся наверхъ. На стѣнѣ, выбѣленной клеевой краской, рваная бумажка, засиженная мухами, съ надписью чернилами, можетъ быть и карандашомъ,— «Русское консульство», при этомъ «ство» оторвано, а на закрытой двери, тоже на рваной бумажкѣ — «Открыто отъ 9 до 10 ч. утра» (?). Повторяю, ни дощечки, ни герба, ни даже звонка, только грязная, скрипучая, заставленная кухонными шкапами лѣстница.. Мнѣ стало глубоко обидно. Это наше русское консульство, главное на всю Южную Америку.

Бразилія—это новая страна, новая несмотря на 300 лѣтъ жизни здѣсь европейцевъ. Потому ли, что это были португальцы, или по другимъ причинамъ, но Бразилія проснулась только сейчасъ. Все строится и создается лихорадочно. Мы тоже могли бы принять участіе, какъ англичане, французы, нѣмцы. Но пусть намъ этого не надо даже, мы молоды сами, намъ у себя много дѣла и простора. Но мы—Россія, мы великая держава, мы—160 милліоновъ, великій народъ, и на его представительство, на его контору въ чужой странѣ дается 760 руб. въ годъ! 760 руб. при до-роговизнѣ Южной Америки!!

Мѣстный консуль, очень милый и освѣдомленный человекъ, видимо съ горечью выслушивалъ мои жалобы и удивленія. Что можно сдѣлать въ Рио на 760 руб. въ годъ «на канцелярскіе расходы»? На квартиру еще 760 руб. дали только съ 1 января 1911 г., а раньше консуль занималъ ее на свои средства. У другихъ націй чуть не палатки съ журналами, образцами, картами, справочными книгами своей страны, съ роднымъ языкомъ,—у насъ грязный португалець и вмѣсто свѣдѣній о родинѣ, газетъ, образцовъ нашихъ товаровъ, бритвенная кисточка съ засохшимъ на ней мыломъ на столѣ.

Когда прѣвѣжаешь въ такую страну, какъ Бразилія, кажется, что каждый шагъ—это новое дѣло, новое поле для инициативы и движенія. Я попробовалъ дѣлать тутъ коммерческое дѣло и поразился, какое необыкновенное здѣсь поле для него, Въ Южной Америкѣ

работать можно. Сюда можно продавать сейчас что угодно, лишь бы безусловно хорошего качества. Наши русскія бумажныя ткани имѣютъ здѣсь огромный неиспользованный рынокъ, наши металлы—тоже, многія кустарныя издѣлія — тоже и т. д. Если мы не продаемъ, то только потому, что не хотимъ, не хватаетъ смѣлости повзять за 13 000 верстъ (а это теперь такъ просто и пріятно даже) и еще благодаря этимъ обрваннѣмъ бумажкамъ. *Noblesse oblige*—культурность, величина — тоже обязываютъ. И какой-нибудь Эквадоръ, пигмей передъ великаномъ, онъ это *noblesse oblige* блюдетъ, а мы нѣтъ.

Есть вопросъ громадной важности въ дѣлѣ сношеній съ Южной Америкой— это наше русское, свое парокходство. Въ немъ залогъ громадныхъ успѣховъ, въ немъ вопросъ сбыта нашего не только ситца и кустарныхъ издѣлій, а и угля, который мы не знаемъ куда дѣвать, и лѣса, и металловъ, и даже хлѣба (въ Бразилію), —и еще можетъ быть рабочіе на сезонъ уборки урожая въ Аргентинѣ, въ нашу зиму. Такое парокходство не политика, это выгоднѣйшее торговое дѣло, это совершенно ясно изъ цифръ. Но его пока нѣтъ. Будемъ считаться съ фактами, съ моментомъ. Но и безъ него пока здѣсь много дѣла. Тотъ же кофе мы получаемъ черезъ Гамбургъ и Гавръ и наши русскіе колониальные торговцы зарабатываютъ на немъ 10 проц., а нѣмцы-экспортеры 30—40. Какао, каучукъ, ваниль, много лекарствъ, тѣ же бразильскіе орѣхи (мы зовемъ ихъ «американскими»), сигары—все идетъ

къ намъ черезъ Гамбургъ, и сливки остаются тамъ, а мы получаемъ снятое молоко. Наши товары иногда сюда попадаютъ, но опять черезъ Гамбургъ, и на нихъ надпись—«Made in Germany»

Здѣсь удивляются, что мы никогда ничего даже не спрашиваемъ, точно намъ и не нужно бразильскихъ товаровъ, а продавать непосредственно здѣсь очень желали бы.

Здѣсь покупать привыкли на деньги, безъ всякаго риска, не въ кредитъ; здѣсь платить à vue въ банкъ, и если срокъ платежа 30 дней, а фактура придетъ на двадцатый, то посылаютъ деньги въ Европу телеграфомъ, чтобы онѣ не опоздали къ 30-ти-дневному сроку. Это не наши кредиты подъ душу на 12 мѣсяцевъ.

При теперешнихъ путяхъ сообщенія Бразилія и Аргентина—недалеко. Только заинтересоваться, только захотѣть.

И еще чтобы не было рваныхъ бумажекъ на дверяхъ русскаго консульства. Noblesse oblige...

Черное золото.

Бразилія—страна продуктовъ экзотическихъ. Кофе и каучукъ составляютъ $\frac{3}{4}$ ея вывоза, это ея главные богатства. Если культура кофе развивалась съ известной постепенностью, то ея каучуковое богатство всплыло вдругъ. Цифры добычи и главной цѣнности каучука дали такой неслыханный ростъ, какого не знаетъ экономическая жизнь ни нашего времени, ни исторія 80 лѣтъ назадъ каучука почти не знали, онъ продавался по 6—7 копѣекъ фунтъ и его употребляли только нѣкоторыя индѣйскія (бразильскія) племена, зная его свойство дѣлать ткань и кожу непроницаемыми.

Въ 1855 году каучукъ стоить уже 70 копѣекъ фунтъ, въ 1889—около 1 р. 80 к., а въ 1910—уже около 6 руб. Годовое мировое потребление каучука сейчасъ около 90.000 тоннъ и оно быстро растетъ, вмѣстѣ съ ростомъ электротехники, гдѣ нельзя обойтись безъ каучуковой изоляціи, и особенно автомобилей. Когда въ Южную Америку пріѣхали первые европейцы, тамъ лошади не было, ее привезли, а сейчасъ въ аргентинской пампѣ она многочисленнѣе, чѣмъ гдѣ либо на земномъ шарѣ...

Автомобиль—это лошадь будущаго, и будущаго весьма недалекаго. Эта лошадь и сильнѣе, и быстрѣе, и послушнѣе. Въ Соед. Штатахъ Сѣверной Америки считаютъ уже около 400.000 автомобилей, и каждому

из них нужны резиновые шины, так как только их эластичность спасает машину от поломки. Пока заменить резиновую шину нечем.

В Бразилии зовут каучук «о оро preto», черное золото, и в экваториальных провинциях негры считают не на золото, а на каучук. Хотя некоторые разновидности каучука есть и в других провинциях Бразилии, также в Перу, Парагвай, Мексике, живет каучуком Амазония—бассейн реки Амазонки, этой «матери морей», величайшей реки мира. Главные места торговли—Пара и Манаос, выросшие за 10—15 лет в большие города: Пара имеет 210.000 жителей, почти—совсем культурный город.

Черное золото добывается гораздо труднее, чем золото обыкновенное. Искатели каучука, «seringueiros», набираются исключительно из цветного населения Бразилии, главным образом в безводной и голодной Цераф. Предприниматель везет партии их вверх по Амазонке или ее притокам и поселяет в девственном лесу. Когда спадет разлив реки, искатели отправляются собирать сок каучуковых деревьев, подскакая их, как у нас подскают березу. Сок собирается каплями, понемногу, к одному и тому же дереву приходится возвращаться десятки раз.

Не говоря об опасности от зверей, особенно змей, очень обильных и ядовитых здесь, тропическая жара самого экватора, во влажном вечно тем-

номь отъ густоты лѣсу, заплетенномь лианами и вьющимся пальмами, тотчасъ по стадѣ вода, дѣлаетъ жизнь здѣсь ужасной. Массы москитовъ наполняютъ прогалины, свирѣпствуетъ желтая лихорадка. Смертность громадна, и только негры соглашаются идти на эту работу, подгоняемые главнымь образомъ «кашасой», мѣстной водкой изъ сахарнаго тростника. Большинство ихъ такъ и остается на вѣки въ лѣсу вмѣстѣ съ чернымь зодотомь...

Искатель, которому и посчастливилось, остается все равно неоплатнымь должникомь предпринимателя, такъ какъ черезъ него онъ получаетъ продукты, водку и... музыкальные инструменты, по цѣнамъ въ родѣ—30 коп. за яйцо, 55 коп. фунтъ керосину! Онъ всегда въ долгу нѣсколько сотъ, а то и тысячъ миль рейсовъ и рассчитывается только умирая или сбѣжавши. Но сбѣжать тоже трудно. Возможно только по рѣкѣ, а она въ рукахъ предпринимателей. Верховья Амазонки это такія дебри, куда до послѣдняго времени человекъ не проникалъ. Полици и суда тамъ нѣтъ! Достаточно сказать, что изъ провинци Акрь (Serra Madureira) до Рио-Жанейро около 9 000 километровъ пути по ненаселеннымь мѣстамъ—по Амазонкѣ и по морю! Какой тамъ судъ, или куда убѣжать?

Но и предприниматели тоже получаютъ немного. Всѣ они контрактованы большими компаниями, всѣмь имь выданы большіе авансы, часто 50—100 тысячъ рублей, и весь добытый каучукъ поступаетъ въ склады этихъ компаний, чаще английскихъ, отсюда въ Нью-Йоркъ или Лондонъ

Лучший каучукъ, «пара», получается изъ сока *Hevea brasiliensis*, но много его добывается также изъ *Castilloa elastica*. *Castilloa* вмѣсто подсѣчки рубятъ для получения сока, и этотъ варварскій способъ, совсѣмъ не оправдываемый необходимостью, повлекъ, понятно, быстрое уменьшеніе дикихъ *Castilloa*.

Добыватели каучука, подгоняемые быстрѣе ростомъ цѣны, не хотятъ слушаться никакихъ доводовъ и увѣряютъ, что въ дебряхъ Амазонки еще безчисленное множество этихъ деревьевъ, хотя и приходится забираться въ дебри все глубже и глубже. Но это не такъ. Бразильское правительство крайне обезпокоено этимъ вандализмомъ, но борьба очень трудна. Опять-таки ни суда, ни полиціи!.. Еще встаетъ угроза изъ тропической Азии, гдѣ посажено уже 30 миллионовъ деревьевъ *Hevea* на плантаціяхъ. Въ 1909 году изданъ бразильскимъ правительствомъ законъ, поощряющій устройство плантацій и въ Бразилии. Помимо даровой земли и осудъ на 20 лѣтъ, уменьшается вывозная пошлина—равная 9 на 100 ad valorem,—железныя дороги даромъ подвозятъ матеріалы для оборудованія, гарантируется 6% на затраченный капиталъ и проч. Уже нѣсколько небольшихъ плантацій насажено. Каучуковъ вопросъ теперь центральный во внутреннихъ дѣлахъ Бразилии. Устраивалось уже нѣсколько специальныхъ каучуковъхъ сѣвдовъ.

Главный тормазъ — недостатокъ рабочихъ рукъ. Жизнь для европейскихъ рабочихъ очень тяжела въ климатѣ экватора, а негры крайне плохіе работники,

да и тѣхъ нѣтъ. Въ послѣднее время всѣ рабочія руки Амазоніи заняты исключительно каучукомъ, забросили всѣ другія плантаціи,—маниса, риса, какао. Всѣ пищевые продукты, кромѣ доставляемыхъ дѣвственнымъ лѣсомъ, привозятся изъ другихъ провинцій.

Добыча каучука на плантаціяхъ обходится гораздо дешевле, чѣмъ въ дѣвственномъ лѣсу, разъ затраченный капиталъ даетъ большіе барыши. Сейчасъ Бразилія доставляетъ 60% всего мірсого каучука, но когда вырастутъ плантаціи на Зондскихъ островахъ и на Цейлонѣ, картина должна сильно измениться. А это будетъ скоро.

Какъ все колоссально быстро растетъ подь тропиками—извѣстно. Есть разсказъ Доде, какъ колонисты въ Южной Америкѣ расчищали дѣвственный лѣсъ. Они вырубали и сожгли порядочную площадь лѣса и поѣхали за запасами продуктовъ и инструментами. Вернувшись, они своей порубки не нашли — она заросла!..

Есть чей-то другой разсказъ о путешественникѣ, который «гуляя» (не очень-то погуляешь!) по тропическому лѣсу, бросилъ на траву свою шляпу и легъ спать. Проснулся—а шляпа уже виситъ на деревѣ! оно успѣло вырасти подь шляпой!

Пернамбуко.

Въ кофейномъ царствѣ.

S. P. R. Sao Paulo Railway—это желѣзная дорога по Бразиліи изъ «кофейнаго порта» Сантоса въ «кофейную столицу» Санъ-Паоло. Въ 1907 году Бразилія собрала 20.410.000 мѣшковъ кофе изъ 25.000.000 собранныхъ во всемъ земномъ шарѣ, и 60% вывезено черезъ Сантосъ.

Поѣздъ всего изъ двухъ пудмановскихъ вагоновъ американскаго типа, т.-е. безъ купѣ, проходъ по срединѣ и по сторонамъ диваны на двоихъ. Сплошная зелень по сторонамъ. Лѣсъ фиолетовыхъ, желтыхъ и красныхъ деревьевъ и среди нихъ торчатъ пальмы, странныя въ лѣсу для непривычнаго глаза. У сторожевыхъ будокъ вмѣсто огородика плантація банановъ—это здѣшній хлѣбъ на ряду съ мандікой.

Тепло и влага въ изобилии даютъ здѣсь жизнь повсюду, и тамъ, гдѣ у насъ невозможно: и баластъ между рельсовъ тоже зеленый, и на немъ трава, какъ ее ни уничтожаютъ.

Быстро проѣжаемъ 19 км. до подъема. Вся Бразилія закрыта. нужно непременно перевалить черезъ береговой кряжъ, чтобы попасть на среднее возвышенное плато, нигдѣ нѣтъ проходовъ къ морю. Двѣственные пространства тропическихъ лѣсовъ запрятаны отъ человѣка точно нарочно. Дороги по этому обрывистому кряжу долго были неразрѣшимой

задачей: первую устроили в 1867 году. В 1901 ее бросили, как неудобную, и сделали другую, тоже канатную, но иной системы.

Характерная для Америки черта, как и для Северной, так и для Южной. Была дорога, но нашли новую систему более удобную, и старую, не задумываясь, бросили целиком, и так она и стоит заросшая со всеми туннелями и виадуками. Здесь хотят всегда «самое лучшее», самое лучшее—это самое выгодное по мнению американца. Много дешевле, но немного хуже—не годится.

Станция наверху подъема—Alto Serra

В станционном буфете все пьют кофе. Первый раз в Южной Америке меня поразила дешевизна: чашка хорошего кофе—поддельного тутить—с полчашкой пудрообразного тростникового сахара только 100 рейсов, т.е. около 6 коп. Цены на все другое, не кофе, нарочно подняты. Если спросить цикория, сочтут за шутку или даже оскорбят!

Это не только царство кофе, это еще и царство орхидей. Там дальше в темной, сырой, убийственной для человека атмосфере тропического леса их родина. На станции на большем столбе разложены и разставлены орхидеи... Клубок кореньев с листьями стоит около рубля, орхидея в вазе из кокосового ореха — рубля 3. Две-три в цвету и от них этот особенный экзотический запах, навещающий поэта на мысль о коварности и злобности орхидей...

Орхидеи—это, может быть, один из пунктов помѣшательства пресыщенныхъ людей. Чѣмъ же счесть то, что въ Англии платять по 50.000 рублей за рѣдкій экземпляръ орхидеи, который черезъ нѣсколько дней отцвѣтеть. Сзади за аристократіей Англии то же дѣлають и американскіе крезы. Понсмансъ выбралъ именно орхидеи, чтобы доводить до экстаза своего полупомѣшаннаго Дзэ-сента («Наоборотъ»).

Выпивши кофе и купивши орхидей, ѣдутъ обратно.—«Lotacao 26.000 kg», такія надписи по-португальски на товарныхъ вагонахъ, вмѣсто нашихъ остроумныхъ «8 лошадей, 40 человекъ». Вагоны и товарные тоже пультмановскіе, съ воздушными тормозами, и нагрузка 1625 пуд. Это въ дикой Бразиліи!

Въ докахъ Сантоса всегда десятка три четыре океанскихъ судовъ. Выгружаютъ металлы и машины изъ Европы, грузять кофе. Кофе повсюду, кофейное царство. Ни въ Гватемалѣ, ни Коста-Рикѣ или Мартиникѣ кофе не вызрѣваетъ такъ хорошо, сразу всѣ зерна, какъ здѣсь. Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ цѣна на кофе поднималась до 160 франковъ мѣшокъ. Владѣльцамъ плантацій «фазендѣрамъ» по здѣшнему, сень обходился въ 16 франковъ,—можно представить, какъ волшебнo-быстро росли здѣсь кофейныя плантаціи. Не хватало только рабочихъ и ихъ все везли и везли изъ Европы. Больше всего итальянцевъ, ихъ здѣсь больше мил-

лона. Правительство само доставляло рабочих на плантации. Быстро дошли до перепроизводства, в 1901 году цены упали до 36 франков. Правительство штата начало всячески пропагандировать потребление кофе вместо чая, но результата это не дало. Ежегодно мировое потребление кофе увеличивается на 1/2 миллиона мешков само собою, без всякой пропаганды, это мировой «кофейный закон».

Между прочим посылали агента и в Россию, приучить к кофе русского мужика, но агент донес, что «русский народ настолько дикий, что на него словами воздействовать нельзя», а пьют русские «только водку и чай с тараканами вместо сахара»!...

Чтобы умирить кризис, запрещено было разводить новые плантации, но все-таки, после еще двух хороших урожаев, положение стало грозить общим разорением. Правительство Сань-Паоло решилось тогда на рискованнейшую меру, небывалую в государственной политике. Были привлечены крупнейшие фирмы Европы, экспортирующие кофе, и образовано нечто в роду кофейного треста. Цены нормировали, скупая излишки. В 1907 году правительство оказалось владельцем 8 миллионов мешков кофе, купленного по 43 франка, а в Гавр в это время тот же кофе продавался по 36 франков... Положение было скверное. Спасли подоспевшие неурожай на кофе, С.-Паоло выдержали, а плантации в других частях земного шара были на половину брошены.

Сейчас цѣны на кофе въ Сантосѣ— 92 франка мѣшокъ въ 50 клгр., т. е. около 28 коп. фунтъ. Почти вся торговля въ рукахъ нѣмцевъ, и легко подсчитать, какія суммы остаются въ Гамбургѣ и Бременѣ за то, что мы не додумаемся покупать кофе изъ первыкъ рукъ...

Сантосъ

Резервъ челоѡчества.

Пароходныя компаніи, пароходы которыхъ ходятъ въ Южную Америку, посылаютъ ихъ только до Аргентины, до Буэнос-Айреса. Многие пароходы не заходятъ даже въ порты Бразиліи (кроме Рио-Жанейро), а идутъ прямо въ Буэнос-Айресъ. Товарное движеніе гораздо больше съ Аргентиной, чѣмъ съ Бразиліей, Аргентинцы и говорятъ о своемъ Буэнос-Айресѣ не иначе, какъ о чѣмъ-то громадномъ, роскошномъ, богатомъ. Если есть Франція и Парижъ, то есть Аргентина и Буэнос-Айресъ.

Американцы Сѣверной Америки предпочитаютъ ѣздить въ Южную Америку черезъ Европу, чаще всего черезъ Парижъ. Не только Парижъ, этотъ городъ роскоши, утонченности и вкуса, имѣетъ притягательную силу такой путь гораздо удобнѣе и даже, какъ это ни странно, много скорѣе. Хорошихъ скорыхъ пароходовъ изъ Южной Америки въ Сѣверную

по восточному берегу нѣтъ вовсе, а по западному побережью, по Тихому океану, слишкомъ долго. Отъ Вальпарайзо до Панама всего годъ назадъ было 24 дня и отъ Панама до Санъ-Франциско 21 день. Немного скорѣе черезъ Антильскіе острова, но тоже и долго, и неудобно. Въ самое послѣднее время всего два-три мѣсяца назадъ, перувианская компания пустила новые скорые пароходы изъ Вальпарайзо въ Панаму въ 13 дней. Теперь, когда окончена Трансъ-Андинская желѣзная дорога изъ Буэнос-Айреса въ Вальпарайзо, сообщеніе это стало все-таки удобнѣе, а недавно черезъ Кордильеры переѣзжали верхомъ на мулахъ на высотѣ четырехъ верстъ надъ уровнемъ моря и всѣ болѣли горной болѣзью «сорочи». Теперь окончень туннель.

Кругомъ Южной Америки, черезъ Магеллановъ проливъ, посылаетъ пароходы только одна большая англійская компания Pacific Steam Navigation Co. Они идутъ прямо изъ Европы до Кальяо, порта Лимы (столица Перу). Проходъ по скалистому и бурному Магелланову проливу и не безопасенъ, не говоря о громадномъ разстояніи. Компания не разъ портила тамъ свои пароходы, а одиень большой совсѣмъ погибъ (давно уже впрочемъ).

Чили, Перу, Эквадоръ и др. страны по западному берегу Южной Америки хотя и имѣютъ такимъ образомъ безпересадочное морское сообщеніе со Старымъ Свѣтомъ, но это такое громадное разстояніе, такой долгій путь, что рѣдко кто его выбираетъ. Всѣ

ѣдутъ черезъ Буэносъ-Айресъ и дальше по Трансъ-Андинской дорогѣ. На южно-американскихъ пароходахъ всегда много чилийцевъ и перувианцевъ, понятно, много относительно, ибо больше всего всегда англичанъ...

Все это скоро измѣнится.

Прорытіе Панамскаго канала все передѣляетъ. Тогда незначѣмъ будетъ огибать дикія страны южнаго конца Америки. На западное побережье Южной Америки изъ Европы будетъ прямой морской путь, въ Австралію тоже поѣдутъ не черезъ Суэцкій каналъ, а черезъ Панамскій. Особенно выигрываетъ Нью-Йоркъ—онъ станетъ много ближе къ этимъ частямъ свѣта. Послѣдствія будутъ громадныя.

Панамскій каналъ—это мечта, которая жила у человѣчества 400 лѣтъ, испанцы раньше всѣхъ, чтобы попадать въ свои американскія владѣнія, искали щель въ громадномъ материкѣ Америки, разлегшемся чуть не отъ сѣвернаго полюса до южнаго.

Теперь щель скоро будетъ... Мозгъ людей находятъ все новые входы въ святая святыхъ природы. Но еще многое и сохранила природа въ своихъ тайникахъ. Намъ еще не будетъ скучно жить на землѣ. Вотъ слѣдующему поколѣнію, несомнѣнно, придется искать новыхъ тайнъ внѣ земли.

Вся вотъ эта громадная площадь Бразиліи, мимо которой я только что проѣхалъ, почти еще не тронута человѣкомъ. Вся та колоссальная энергія солнца, несравнимая ни съ какими залежами угля, которую

солнце оставлять здесь, еще совсем неиспользована. То, что нужно выращивать в странах умеренного пояса с затратой значительного труда, тут, в этом изобилии и даже излишке тепла и влаги, растет само и растет невероятно быстро, с какой-то сумасшедшей энергией. Двуственные леса Бразилии—это такой запас растительной ткани, а значит и энергии, которого хватило бы, вероятно, всему теперешнему человечеству. Но природа так запрятала эти богатства, что только долгая работа человеческого мозга сумеет достать их. Берег Бразилии на протяжении около 2.600 верст, от 8 до 30 градуса южной широты, обрывается в Атлантический океан крутыми, часто отвесными скалами, покрытыми дальше от моря двуственным лесом, и пока недоступен. Нужно сделать дороги к океану через эти горы. Пока это сделано с большим трудом только в 3—4 местах, и то только кусочка дорог. А, сделавши дороги через горы, нужно шаг за шагом отвоевывать землю у леса и могучей дикой природы. Рассказанные выше анекдоты о том, как все сумасшедше растет тут—анекдоты наполовину.

С запада Тихий океан загорожен Кордильерами и громадными пространствами. Эта часть земного шара еще не покорена человеком и едва ли это будет скоро вполне: колонизация легко удастся в умеренном климате Южной Америки, но из экваториальной Бразилии европейцы бегут, кто может

И должны бѣжать, что бы тамъ ни писало бразильское правительство въ своихъ проспектахъ и книгахъ. Оно считаетъ и температуру Пары хорошей и пріятной, но нужно на себѣ испытать дѣйствіе этого расслабляющаго климата, убивающаго волю, энергію, всякое желаніе борьбы, инициативу. Чтобы полюбить нашу студеную зиму, нашу слякоть и снѣжную вьюгу, даже петербургскій туманъ, нужно побывать въ тропикахъ. Здѣсь сносно, когда знаешь, что черезъ мѣсяць уѣдешь отсюда, но если бы навсегда, это было бы ужасно. Кайенна, острова Салотъ, куда съсылають французскихъ каторжниковъ, тоже здѣсь. Отсюда не убѣгутъ, уже потому даже, что эта постоянная духота убьетъ всякое желаніе сопротивления.

Въ этомъ климатѣ нужна еще колоссальная борьба человѣчества, чтобы покорить природу. Но зато одна десятина въ этомъ пеклѣ можетъ дать столько, что хватитъ на сотни людей. Это колоссальный запасъ для будущаго человѣчества.

У Санта-Катарины.

Негры, кашаса и зеленые попугаи.

Зеленый, желтый и синий—это цвета бразильского попугая, бразильского флага и моря у берегов Бразилии близь экватора. У самого берега вода желто-зеленая, именно цвета асзамарина, дальше вглубь совсем синяя. Цвета резкие, яркие, какие и могут только быть при экваториальном солнце.

Не хочется оторвать глаз. А когда подыдут к пароходу лодки, доверху нагруженные ананасами и другими—зелеными попугаями, радуешься, что попал в эти страны. Только потом, когда притупится первое впечатление, наступает реакция, и еще погода — так хочется домой к своим родным воронам...

Нужно пожить с попугаями, чтобы полюбить ворон. А попугаев действительно подвозят к пароходу целую лодку, штук 200,—сидят спокойно и прищуриваются на пароход одним глазом, по попугайной манере. Когда съедешь на берег где-нибудь в Бахиа или Цзарф, попугаи кричат в каждом скле. Там дальше, в «сертас», их миллионы, и никто почти их не трогает. Для продажи ловят птенцов и потом приучают дома, пока они растут: взрослых приучить почти невозможно.

Город зеленых попугаев—это Бахиа. Здесь

ихъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и отсюда ихъ развозятъ по всему свѣту.

Все города Бразиліи, кромѣ Ріо, похожи одинъ на другой. Пестрые люди лѣниво движутся по улицамъ. Климатъ тропиковъ точно нагналъ на нихъ сонъ, и только электрической трамвай, гдѣ онъ уже есть, шевелитъ воздухъ и вмѣстѣ немного и людей. Мулы, что везутъ вагоны конки, совершенно игнорируютъ своего кучера-негра, который долженъ подгонять ихъ длиннымъ кнутомъ. Впрочемъ, и негру двигать кнутомъ тоже лѣнь...

Добродушные, улыбающіеся, лѣнивые, грязные негры придаютъ улицамъ особый оттѣнокъ. Но и остальные жители не бѣлы. Въ Бразилію издавна пріѣзжали изъ Европы почти исключительно мужчины. Они женились на женщинахъ мѣстныхъ индійскихъ племенъ и на негритянкахъ (негры привезены сюда, какъ рабы, изъ Африки) и въ результатъ получились самыя сложныя смѣси—мулаты и метисы всѣхъ оттѣнковъ. Не «креоль», какъ мы ошибочно называемъ — креолы, это бѣлые, но родившіеся уже въ Америкѣ.

Чѣмъ дальше на югъ, въ умѣренный климатъ, тѣмъ негровъ меньше, тамъ лѣнь и бездѣлье не пользуются уже такими правами гражданства, нужно работать все будніе дни, а негру это зарѣзъ. Въ своей тропической банѣ онъ работаетъ 2—3 дня въ недѣлю, а остальное время пьетъ «кашасу».

Одинъ русский помѣщикъ говорилъ, что не пить

только сѣрый кобель, да и то потому, что «купить водки не на что», такого же мнѣнія и негры. Они вѣчно полупьяны и самый лучший періодъ для нихъ— это время выборовъ, когда всякіе кандидаты такъ щедро поятъ кашасой за голосъ. Негры Южной Америки равноправны съ остальнымъ населеніемъ, не такъ, какъ въ Сѣверной, и эта политическая привилегія весьма ими цѣнится, такъ какъ она эквивалентна значительному количеству бутылочкѣ кашасы.

«Не желай палъто,

Если не имѣешь штанивъ!..»

—поется въ одной негритянской пѣсенкѣ. Но и штаны они тоже не желаютъ. Идеаль негра легко достижимъ—кашаса и музыка. Музыка все равно какая, лишь бы играла. И надо видѣть это негритянское удовольствіе, когда онъ пляшетъ послѣ кашасы подъ разбитую шарманку. Какъ онъ хохочетъ, всѣми фибрами, всѣми мозговыми клѣточками.. Мы такъ смеяться не сможемъ.

Денежная единица Бразиліи — рейсъ. Здѣшніе рейсы втрое дешевле португальскихъ—61 коп. 1.000— и поэтому всюду цифры пятизначныя, шестизначныя и больше. Золотыхъ денегъ нѣтъ, серебра—тоже мало, а все бумажки. 1.000 рейсовъ, мильрейсъ—61 коп.— тоже бумажка. Когда я впервые взялъ въ руки эти бумажные мильрейсы, я не зналъ, куда бы ихъ положить, во всякомъ случаѣ въ карманъ было невозможно: это нѣчто такое грязное, рваное и всякое,

что страшно прикоснуться. Подумайте, что станеться маленькой бумажкой, если она в тропической жарѣ побываеъ в карманахъ, рукахъ и еще гдѣ-нибудь за немнѣимъ кармановъ, у десятка негровъ?

Бумажки до того порвались и засалились, что прочесть на нихъ ничего нельзя и 1 мильрейсъ отличается отъ двухъ или пяти только оттѣнкомъ грязи. Я долго сидѣлъ на почтѣ въ Пернамбуко и доискивался истинной цѣнности данной мѣнѣ сдачи. Негры дѣлають это быстрее, по запаху, что ли.

Медленно бродя по улицамъ подъ бѣлымъ шелковымъ зонтикомъ, приглядываясь и прислушиваясь, я все старался опредѣлить, хорошо ли живется тутъ людямъ? Не надо теплой одежды, а то можно и безъ всякой, не надо дровъ на зиму, бананы и ананасы, попугай вмѣсто воронъ. Нѣтъ! природа здѣсь пересолила. она устроила, вѣроятно, эту гигантскую башню на случай, чтобы людямъ было гдѣ погрѣться, когда остынетъ земля.

Въ «странѣ буффонадъ»

Уругвай.

I

Самая маленькая республика Южной Америки, какъ называютъ ее официально,—«Восточная Уругвайская республика» По переписи 1901 г. всѣхъ жителей только 964 577, изъ нихъ въ Монтевидео, главномъ и единственномъ значительномъ городѣ, около 300 тыс. Теперь Уругвай поутомонился, нескончаемыя революци кончились, а десятка два лѣтъ назадъ уругвайцамъ некогда было заниматься дѣлами, шла постоянная война, похожая, впрочемъ, больше на буффонаду.

Несмотря на такое бурное прошлое, страна очень богата благодаря своему скотоводству. Эта страна коровъ и барановъ исключительно. Не менѣе 10 миллионovъ головъ рогатаго скота и болѣе 30 миллионovъ барановъ. Цѣлый рядъ «saladeros», боенъ и консервныхъ заводовъ готовить мясо для экспорта.

Раньше готовилось главнымъ образомъ сушеное мясо, «шарки», очень плохого качества, и оно шло въ пищу только неграмъ. Животное цѣнилось почти исключительно по кожѣ. Теперь все это по-иному. Породы скота сильно измѣнены привезенными изъ

Англии лучшими экземплярами мясных пород, мясо консервируется наиболее совершенными способами. Едва ли теперь можно найти где-либо лучший бифштекс, чем в Монтевидео. Копченые языки Pausanfu лучшие в мире, необыкновенной величины и нежности. В Уругвае находится и знаменитая фабрика мясного экстракта и консервов Либиха — только она одна убивает около 300.000 коров и быков ежегодно.

Поезда, которые встречаешь, идущи на автомобиль по сатро (степь), везут непременно или коров, или баранов, в специальных двухэтажных вагонах.

Денги быстро культивировали вкусы монтевидейцев, и они считают их очень утонченными, но трудно с этим все-таки согласиться. Женщины испанской крови в здешнем мягком климате как-то особенно раздобрели и изяществу их сильно мешает полнота. Поголовно все в 25 лет толстают, многия и раньше. Высшее общество привозит костюмы из Европы и еще больше привозит оттуда косметику. Дамы общества бьются невозможно. Смуглый цвет кожи считается плебейским и его замазывают на лицах без всякой меры. Пудра потребляется в колоссальных количествах. Ни одна горничная а тем более продавщица магазина не выйдет на улицу, не наложивши на лицо толстый слой пудры. Врожденное изящество в походке и манерах, полнота и бьвила дают совсем особый тип монтевидейки, по своему интересный...

Около города три пляжа для морских купаний. Сюда в сезонъ привѣзжаютъ изъ Буэнос-Айреса, до котораго 8 часовъ ѣзды по Лаплатѣ. Лаплатѣ — это рѣка-море, верстъ 200 шириною здѣсь, мутная, грязная—приноситъ столько прѣсной воды къ берегамъ Уругвая, что купанье только полусоленое.

Сейчасъ на пляжахъ пусто, сезонъ прошелъ, стоятъ только будки, въ которыхъ вывозятъ въ море. Едутъ сюда не столько ради купанья, сколько ради купальнскихъ костюмовъ. Эти тонкости Европы сюда дошли.

Около пляжей хорошее гудронированное шоссе, много дѣлаютъ еще новыхъ. Такое же шоссе въ Рио, здѣшнему Булонскому лѣсу. Трамвай буквально по всѣмъ улицамъ, такъ что автомобили постоянно рискуютъ столкновениями, и они тутъ нерѣдки.

Портъ въ Монтевидео только-что законченъ. Это гордость уругвайцевъ, особенно потому, что онъ построенъ, на государственныя деньги безъ всякаго займа. Строили и здѣсь Французы, но безъ всякой концессии. Портъ глубокой, удобный, годенъ для самыхъ большихъ океанскихъ судовъ.

Я повторяю уже писанное, но еще разъ хочу подчеркнуть, какъ усиленно занята сейчасъ вся Южная Америка портами. Строятъ съ лихорадочной поспѣшностью, торгуются не столько за деньги, сколько за время окончанія работъ. И можетъ быть нашимъ портостроительнымъ проектамъ, все ходящимъ по мытарствамъ, иначе комиссіямъ, было бы выгодноѣ позаимствовать отсюда кое-что. «Время —

деньги», это уже не американская поговорка, это сама жизнь, самый хозяйский расчет. Дедушкино «тише ѣдешь, дальше будешь» годится, может быть, въ вопросахъ социального прогресса, но не въ вопросахъ улучшения путей. Въ той же Южной Америкѣ принято даже теперь, какъ непреложное положеніе доказанное опытомъ, что сначала надо строить пути, а, тогда искать грузовъ для нихъ,—грузы найдутся, они родятся отъ самаго пути.

Послѣ тропиковъ климатъ Уругвая кажется особенно благодатнымъ. И дѣйствительно, здѣсь лучшая климатическая полоса земного шара. Это приблизительно климатъ Южной Итали, Алжира. Южная половина земного шара вообще менѣе привѣтлива, чѣмъ сѣверная—она холоднѣе, рѣзче, мрачнѣе. Но здѣсь она еще благодатна. Сейчасъ тутъ осень*) Тепло круглый годъ, рѣдко зимою — въ іюль и августѣ—температура спускается до 0°. Неприятенъ только дующій иногда въ эти зимніе мѣсяцы южный вѣтеръ «памперо», страшной силы, сухой, рѣзкій. Пароходы его очень боятся.

Виноградъ, маисъ (кукуруза), всѣ растенія средней и южной Россіи культивируются тутъ прекрасно. Пальмы тоже вырастаютъ въ большія деревья на открытомъ воздухѣ: онѣ во всякомъ садикѣ, при особнякахъ, какихъ тутъ очень много. Пыль по дорогѣ совсѣмъ наша русская, и вообще вѣетъ нашей

*) Монтевидео, апрѣль 1911 г.

русской степью, только она здѣсь ближе къ экватору, теплѣе. Типъ уругвайскаго «лесна» и аргентинскаго «гаучо» совсѣмъ недалеко отъ нашего казака. Это тѣ же дѣти степного приволья.

Монтевидео все-таки провинція въ сравненіи со своимъ большимъ богатствомъ и шумнымъ сосѣдствомъ—Буэнос-Айресомъ, и уругвайцы веселиться ѣздятъ туда. Въ Монтевидео тихо и скучно; поневолю хочется ракетъ и бомбъ, буффонады или революціи.

II

Еще наканунѣ на нашемъ пароходѣ всѣ говорили, что въ Монтевидео насъ посѣтитъ президентъ Уругвайской республики. Новые молы и набережныя Монтевидео только что окончены, и мы должны быть первымъ океанскимъ пароходомъ, который пристанетъ прямо къ молу, коснется уругвайской земли, а не остановится только въ гавани, вдали отъ берега, какъ до сихъ поръ.

Наканурѣ еще у насъ все красилось, подновлялось, навязывали на металлическіе тросы флаги всѣхъ націй (понятно, кромѣ русской) съ уругвайскимъ—бѣлымъ съ голубыми полосками, съ желтымъ солнцемъ — впереди всѣхъ, рядомъ съ англійскимъ. Шлюпки наверху заново выфрасили, перила палубъ покрыли лакомъ.

Въ 6 часовъ утра мы вошли въ гавань, къ молу пристали въ 9 ч. Много народа, экипажей, автомо-

билей. Прошли наряды полиции, въ бѣлыхъ штанахъ и бѣлыхъ каскахъ, въ родѣ англійскихъ боби, только не такого богатырскаго роста и не такіе важные. Прѣехала конная полиція, потому какіе-то еще не то полицейскіе, не то портовые чиновники, въ большихъ сапогахъ гаучосовъ и бѣлыхъ перчаткахъ. Подошло еще нѣсколько мѣстныхъ пароходовъ, ходящихъ по Лаплатѣ въ Буэносъ-Айресъ. На всѣхъ масса флаговъ, какъ и на нашемъ. Прошли оркестры музыки, маленькіе, пестрые, но, какъ оказалось, очень громкіе.

Затѣмъ началась канонада, не изъ пушекъ, а ракетами и бомбами. Лошади на набережной шарахнулись въ стороны, люди побѣжали за ними.

Посреди широкаго мола устроены нарочно дѣлѣ тумбы съ отверстиями, куда закладываются бомбы. Бомбъ и ракетъ подвезли два воза и человекъ десять занялись ихъ пусканіемъ. Это днемъ, утромъ! Видно ничего не было, только выстрѣлы гремѣли то порознь, то залпами. Первый разъ я видѣлъ, вѣрнѣе слышалъ, ракеты днемъ, но тутъ къ этому привыкли, какъ къ чему-то постоянному. Канонада гремѣла, музыка играла мотивы то изъ «Веселой вдовы», то «Ma petite Mariette» и еще что-то, народъ суетился по молу, всѣ видимо были очень довольны..

Но нашъ англійскій пароходъ ждалъ неприятный сюрпризъ. Раньше насъ къ молу подошелъ нѣмецкій океанскій пароходъ «Сар Агоспа». Какъ мы ни спѣшили, нѣмцы оказались первыми. Ихъ пароходъ коснул-

ся первый земли Уругвая, а не английский наш. Президентъ къ намъ не прѣхалъ, а прѣхалъ къ нѣмцамъ, а экс-президентъ, недавно послѣ выборовъ сложившій свои полномочія, уѣзжалъ даже съ «Сар Агоспъ»! У насъ была лѣстница затянута брезентомъ, пианино выдвинуто на середину палубы, ждали, а они прѣхалъ на нѣмецкій пароходъ...

Это страна буффонады, но все-таки, принимая во вниманіе все обостряющуюся здѣсь конкуренцію нѣмцевъ съ англичанами, это было показательно.

«Вотъ они—консулы и торговые агенты!» думалъ я невольно, глядя на иностранные пароходы у мола. Ихъ видятъ, знаютъ, съ ними считаются. Какъ могутъ тутъ имѣть понятіе о Россіи, когда они никогда и флага нашего не видѣли. Заходятъ сюда финляндскія парусныя суда, но что хорошаго они скажутъ о нашемъ отечествѣ!

Канонада не прекращалась. Этихъ ракетъ и бомбъ выпустили не сотни, а тысячи. Уже нѣсколько лѣтъ здѣсь не было революціи; для уругвайцевъ это нѣчто небывалое и они забавляются хотя ракетами, когда нѣтъ пушекъ. Искони вѣковы здѣсь воскоютъ двѣ партіи: blancos и colorados — бѣлые и цвѣтные. Никакихъ политическихъ программъ ни у blancos, ни у colorados нѣтъ, а просто тѣ и другіе добиваются тепленькихъ мѣстъ. Когда править президентъ blancos, всѣ чиновники и министры, разумѣется, blancos, когда colorados—все наоборотъ. Теперь уже давно

править colorados, и blancos находять, что это очень плохо. Имь давно пора поправить свои дѣла

Въ Монтевидео памятники на каждомъ углу, хотя исторія страны очень невелика. Чинсь и чиновниковъ еще больше. Формы красивыя, ярки. Революци ихъ вовсе не были кровопролитными, все это болше для собственного удовольствія. Теперь говорить, ракетъ и бомбъ нигдѣ не идетъ столько, какъ въ Уругваѣ. Хотя поддѣлка, когда нѣтъ настоящаго...

«Сар Агсона» отошелъ при усиленной канонадѣ и музыкѣ. Президентъ уѣхалъ на автомобиль, народъ сталъ расходиться.

Здѣсь нѣтъ церемоніймейстровъ, торжества выходятъ болше импровизированныя, навертываютъ ракетами и часто не знаютъ чѣмъ кончится.

Мы спустили пестрые флаги и ушли въ Вуэнос-Айресь немного обезкураженные

У ангиподовъ.

Богатство Аргентины.

I.

Болѣе быстрого экономическаго роста, чѣмъ ростъ Аргентины, нельзя найти нигдѣ на земномъ шарѣ. Все свое богатство она создала въ 30 лѣтъ. Въ 1810 году Аргентина отвоевала окончательно свою независимость у Испаніи, но долго еще оставалась незамѣтной. Въ 1879 году были закончены войны съ индѣйцами, громадныя площади земель были обезопашены, и страна сразу начала быстро развиваться. Эмиграція ежегодно давала—хотя и медленно—новыя рабочія руки, а дѣвственныя земли въ этомъ климатѣ щедро, какъ нигдѣ, платили за трудъ. Однимъ урожаемъ иногда окупалась земля. На ряду съ настоящей работой, производительнымъ трудомъ землепашца, развивалась спекуляція, акцітажъ. Особенно спекулировали землею. Иностранныя капиталы занимались правительствомъ чуть не по 10%, частный дисконтъ былъ еще выше. Предпріятія росли, какъ грибы, а акціи ихъ еще быстрѣе.

И въ 1889 году наступилъ крахъ, кризисъ, продолжавшійся почти 10 лѣтъ. Атмосфера очистилась. Многіе разорились, но все-таки всѣ дороги, порты,

сахарные заводы, мельницы, элеваторы, оросительныя сооружеія, всякія постройки, виноградники — все это осталось въ странѣ. Кризисъ можетъ быть въ карманѣ, но не въ землѣ, не въ рельсахъ желѣзныхъ дорогъ. Что сдѣлано, то остается.

Воспользовавшись опытомъ прошлаго, а главное имѣя за спиной настоящее богатство въ своихъ степяхъ, Аргентина послѣ кризиса стала расти еще быстрѣе. Спекуляція сильна и теперь идетъ лихорадочное повышение цѣнъ на землю, осторожные люди покачиваютъ головами, но несомнѣнно, что очень много и настоящихъ богатствъ: земля здѣсь дѣйствительно цѣнна. Цѣны въ Австраліи и Новой Зеландіи на земли такого же качества и въ такомъ же климатѣ все-таки еще выше.

Мы привыкли видѣть Аргентину на картахъ малаго масштаба. Ея степи громадны, онѣ больше всей нашей черноземной полосы. Аргентина по широтѣ заняла 32° и въ провинціи Миссіонеровъ, напримѣръ, климатъ уже тропическій, а на Огненной Землѣ холодно, но всё лучшая земля, ровная степь, лежать въ климатѣ Южной Итали.

Аргентинцы говорятъ, что «если Европа гордится Лазоревымъ берегомъ, то Аргентина—вся Лазоревая страна». Это уже черезчуръ. Той мягкости и тѣхъ красоть, что на Ривьерѣ, нѣтъ нигдѣ,—но климатъ и здѣсь дѣйствительно благодатный. Скотъ живетъ безъ крышъ круглый годъ, а о томъ, что нужно запастись на зиму кормъ, тутъ не имѣють понятія.

Въ вопросахъ скотоводства наши условия совершенно иныя, но земледѣліе Аргентины и наше имѣютъ много общихъ чертъ. Когда земли Аргентины нѣсколько истощатся культурой, онѣ будутъ еще ближе къ нашимъ русскимъ степямъ. Горе и у нихъ, и у насъ одинаково—засухи, градъ, саранча. Обработка земли еще экстенсивна, больше наша залежная система. Много больше машинъ, чѣмъ у насъ, такъ какъ очень дороги руки, а въ урожайный годъ ихъ не достать ни за какія деньги.

Когда ѣдешь по кампо, легко забыть, что это въ другомъ полушаріи — совсѣмъ наша русская степь. Почти на каждомъ столбѣ телеграфа сидитъ по совѣ—этимъ только и разнится. У насъ такихъ нѣтъ.

Намъ слѣдуетъ ближе и глубже ознакомиться съ этими степями по ту сторону: мы найдемъ тамъ много интереснаго. Тамъ жизнь идетъ быстрѣе и быстрѣе доходятъ до результатовъ. Чтобы изучать Аргентину, нужны самыя послѣднія статистическія данныя. Въ 1906 году было 12 милліоновъ гектаровъ воздѣланныхъ земель, сейчасъ уже больше 20. Въ 1896 году цѣнность рогатаго скота страны была 1,114 милліоновъ франковъ, въ 1908 г.—уже 2.065. Въмѣсто дикаго скота пампы стали въ короткое время улучшенный скотъ англійскихъ породъ. Въмѣсто полудикой лошади теперь помѣси клейдесдалей и першероновъ или арабовъ и англійскихъ скаковъкъ. За хорошіе экземпляры быка «дургамъ» аргентинцы платили въ Англіи по 16.000 руб., а жеребецъ

«Diamond Jubilee» был куплен одним заводчиком в 1906 году у английского короля Эдуарда VII за сказочную сумму 290.000 руб., да еще несколько десятков тысяч обошлась перевозка и страховка. Кстати сказать, здесь очень любят наших орловских рысаков и даже автомобиль не портит цену на них. Платят 12.000—15.000 руб. за пару.

II

Аргентина имеет уже 29.000 км. железных дорог, через 3 года будет 43.000. Большинство дорог в руках англичан. Все пароходство по рекам Аргентины принадлежит далматинцу Николаю Михановичу. Он приехал сюда от нужды и начал карьеру гребцом в чужой лодке... Теперь у него больше 100 миллионов пезо. Этот Миханович, между прочим, благодаря протоиерею Изразцову, пожертвовал на русскую церковь в Буэнос-Айрес 25.000 рублей и кроме того дал в безпроцентную ссуду 60.000 руб. Здесь капиталы легко создаются и на них не спать...

Ла-Плата, река-море, на которой стоит Буэнос-Айрес, всегда мутна, точно наши в половодье. Десятки землечерпалок поддерживают глубину ее канала — океанские пароходы самой большой осадки подходят прямо к набережным города. Порт казался слишком громадным, когда его строили, а теперь он далеко не вмещает всех приходящих

судовъ, и грузовые пароходы стоятъ по мѣсяцу, ожидая очереди входа въ портъ. Даже нашъ англійскій скорый пароходъ простоялъ цѣлую ночь и полднѣя, пока очистилось мѣсто въ порту.

Еще при входѣ въ Ла-Плату всемъ пассажирамъ привили оспу, и у насъ въ 1 классѣ. Нѣкоторые пробовали протестовать, но имъ предложили вернуться въ Европу!... Какъ я ни увѣрялъ, что у меня привита всего два года назадъ, все-таки привили. снова и пришлось смывать потомъ одеколономъ въ каютѣ...

Въ Буэносъ-Айресъ заходятъ пароходы 36 компаній—изъ нихъ 19 держать сообщенія съ Европой. Быстрѣе всѣхъ ходятъ итальянцы — въ 14 дней до Барселонны, въ 16 до Генуи, никуда не заходя. На ихъ пароходахъ не такъ чисто, какъ на англійскихъ и нѣмецкихъ, и похуже кухня, которой славятся особенно нѣмецкіе «Гамбургъ—Америка»—эти идутъ изъ Буэносъ-Айреса въ Лиссабонъ, съ заходомъ въ Рио-Жанейро, 16 дней. Французы заходятъ въ свой Сенегаль. Первыми по величинѣ пароходовъ и количеству остаются все-таки англичане. Они заходятъ во всѣ значительные порты Бразиліи и поэтому весь переходъ до Лиссабона дѣлаютъ въ 18—19 дней при той же скорости, что и у нѣмцевъ, 14—15 узловъ въ часъ.

Чтобы уѣхать изъ Буэносъ-Айреса на хорошемъ пароходѣ, записываются за нѣсколько мѣсяцевъ. Полны и остальные, особенно нашей весной, когда аргентинцы уѣзжаютъ въ Европу отъ своей зимы,

хотя и очень малой. Лето в Парижъ—«американский сезонъ», прѣзжаютъ и янки съ сѣвера и американцы «латинской Америки». Количество пароходовъ для рейсовъ съ Европой быстро растетъ.

Въ Нью-Йоркѣ лучшіе пароходы ходятъ теперь по 27 узловъ въ часъ, и такая быстрота будетъ скоро и для Южной Америки. Черезъ 3 — 5 лѣтъ можно будетъ ѣздить въ Аргентину, несомнѣнно, въ 10 дней. Хотя бы такой переѣздъ стоилъ и много дороже, денегъ въ Аргентинѣ хватитъ. Съ открытіемъ Панамскаго канала прибавится еще очень интересный путь по западному берегу Южной Америки (Антильы, Панама, Перу, Чили). Этотъ переѣздъ будетъ особенно пріятенъ даже очень боящимся качки Бильбао, Кортесъ, Пизаро и др. не даромъ называли океанъ «тихимъ»—онъ дѣйствительно вѣчно тихъ у береговъ Южной Америки. Тамъ могутъ ходить почти рѣчные пароходы. Зато если бы Бильбао проѣхался по этому океану посѣвернѣе, положимъ, въ Японію, онъ отказался бы отъ этого названія...

Въ „городъ риска“.

Буэнос-Айресъ.

I.

Въ модныхъ магазинахъ Париска сразу узнають аргентинокъ. Онѣ не могутъ удержаться отъ восклицаній «Ахъ, какъ дешево!»—и накупаютъ всегда массу нужнаго и не нужнаго. У себя дома онѣ такіе цѣны не знаютъ.

Аргентинцы привыкли зарабатывать много. За 10—20% пользы на товаръ не хотятъ работать,—нужно 40—50%. Капиталь оплачивается высокимъ процентомъ, расходы по всякому торговому дѣлу очень высоки. По первой закладной платять 8%. Своихъ производствъ, кромѣ сельско-хозяйственнаго, нѣтъ почти. Ввозная пошлина крайне высока; изъ нея, главнымъ образомъ, какъ и въ сосѣдней Бразиліи, состоитъ бюджетъ государства. Но главное, здѣсь другая мѣрка труда, особенно организующаго, предпринимательскаго, хотя бы съ небольшимъ рискомъ. За физическій трудъ платять тоже хорошо. Простой рабочий получаетъ 3—4 пезо (пезо—82 коп.), сторожа нельзя нанять дешевле 100 пезо въ мѣсяцъ, конторщикъ, мало-мальски знакомый съ дѣломъ, уже 200—300 пезо. Сравнительно дешево другихъ расцѣпляется все.

таки именно труд конторщика—здесь ищут или сильные руки или сильный мозг. И за сильный мозг плата громадная...

Я встречал десятки людей, которые из года в год зарабатывают на свой капитал рубль на рубль. Это, понятно, граничит уже со спекуляцией, но его живет Буэнос-Айрес и к ней всё привыкли. Страшный рост цен на землю и в городах, и в «кампо» (деревня) помогать до сих пор спекуляции, миллионы быстро создавались. «Эстансиеро» (помещики) мелкие и крупные, работой которых и созданы богатства Аргентины, с нескрываемым презрением говорят о спекулянтах Буэнос-Айреса, пророчат им все второй крах, но пока все-таки больше денег остается в карманах тех, кто и не видел кампо, а не у самих земледельцев.

Мне много пришлось говорить об организации предприятий по товарообмену с Россией. Когда в результате подсчета, самого осторожного, получалось 10—15% на капитал в год, вместо согласия с моими доводами я видел улыбку: «Только?! Это и у нас есть... дайте что-нибудь интереснее...»

Я много бродил по улицам Буэнос-Айреса и в самых бедных кварталах, в Босе, я не видел босых и оборванных. У носильщика в порту на руке золотое кольцо... Часто грубо, горланить, толкается, пахнет луком, но чувствуется сытость и деньги в кармане. Вечером после работы

всѣ отправляются въ бары, и маленькій приказчикъ, кондукторъ трамвая, рабочий, легко тратятъ пезо на пиво или сода-вермутъ. Въ субботу тотъ же рабочий изъ порта идетъ въ music hall и платитъ 1.1/2 пезо за входъ. Эта субботняя публика создаетъ и особую обстановку музыкаль-холлея. Плюютъ и бросаютъ окурки на полъ, ковры убраны кругомъ пиво, но этотъ массовый посѣтитель очень выгоденъ предпринимателямъ всякихъ увеселеній, и они быстро наживаются.

Въ этомъ году перестраивали одинъ большой music hall, весь зрительный залъ и фойе передѣляли заново, а представлений не прерывали ни на одинъ день. Выгодно было тратить громадныя суммы на всякія инженерныя ухищренія, лишь бы не прекращать поступления доходовъ.

Совсѣмъ иная публика въ сезонъ въ такихъ театрахъ, какъ «театръ Колумба», тамъ и плата за мѣсто 20—30 пезо на рядовой спектакль.

Если бы человѣческій мозгъ копировался на биржѣ, то Буэнос-Айресъ былъ бы навѣрно лучшимъ покупателемъ, все время взвнчиваль бы цѣны.

Поверхность Аргентины въ пять разъ больше Франціи или Германии, земля еще не истощенная, запасы накоплены сотнями вѣковъ работы солнца, а населеніе Аргентины еще меньше 7 милліоновъ. Не считая нѣдръ земли, лѣсовъ, силы рѣкъ и водопадовъ—одна только земля въ этомъ прекрасномъ климатѣ уже колоссальное богатство. И его дѣлать 7 мил-

лионь. Делать далеко не поровну, право сильного здесь в величайшем почёте, но когда есть, что делить, хватает всем. Это основная причина того, что здесь у всех звенать в кармане если не пезо, то центавосы. Наименьшая ходячая монета— 5 центавосов, трамвай стоит 10, газета—столько же, а чуть-чуть комфорт, роскошь, прихоть—оплачивается страшно высоко на нашу мерку. Съ их расчёнками, понятно, им все кажется дешёвым в Старом Свете, зато съ нашими деньгами у них приходится плохо. Аргентинцы говорят: «Къ намъ нужно ѣхать или совсемъ безъ денегъ или съ очень большими деньгами».—Маленькия деньги здесь очень быстро, незамѣтно прожитають, миллионныя же состоянія быстро создаются изъ ничего, на рискъ легко подбить другихъ, самому не рискуя... не рискуя потому, что нечѣмъ рисковать.

Если есть городъ риска, то это Буэнос-Айресъ, больше даже, чѣмъ Нью-Йоркъ. У янки холодная кровь бриттовъ, а здесь потомки андалузцевъ и кастильцевъ.

II.

Буэнос-Айресъ теперь одинъ изъ величайшихъ городовъ міра—1.288,000 жителей. Отель, гдѣ я сижу сейчасъ, слушая послѣ обѣда хорошей оркестръ, здание въ 11 этажей, съ вестибилемъ, какому можетъ позавидовать любой собратъ Старого или Нового Света. Меблировка вся изъ Европы, прислуга—

тоже (больше Швейцарцы—это народъ специально всоуду *услуживающій*). На потолокъ развѣваютъ воздухъ электрическія опакала, качающіяся, какъ маятники, Мулатъ въ индійскомъ костюмѣ съ метелкой изъ страусовыхъ перьевъ ходитъ около столовъ и дѣлаетъ видъ, что сметаетъ пыль— а когда воображаемая пыль воображаемо сметена, беретъ вѣеръ и гоняетъ мухъ.. Цѣны здѣсь тоже завидныя. Обѣдъ въ табльд'отѣ стоитъ 6 песо, безъ закусокъ, вина, кофе и фруктовъ, такъ что выходитъ не 6, а 12.

На улицахъ масса движенія, электричества, автомобилей. Трамваевъ въ самомъ городѣ 760 километровъ! Буэнос-Айресъ такъ и зовутъ—«городъ трамваевъ»

Сюда привѣзжаютъ въ сезонъ (наше лѣто) всѣ знаменитости старушки Европы и Сѣвернаго Новаго Свѣта. Денегъ хватаетъ платить имъ бѣшенныя цѣны. Призы на скачкахъ больше европейскихъ—въ такую

даль и не поѣдутъ за маленькими.

У насъ за столомъ, на пароходѣ изъ Рио-Жанейро въ Буэнос-Айресъ, былъ сосѣдъ испанецъ. Съ прислугой онъ говорилъ только еле-еле замѣтными жестами, пилъ важно и спокойно шампанское, съ нами не разговаривалъ и каждый день мѣнялъ брилліантовыя запонки и булавки въ галстукѣ. У сосѣдей онъ бралъ безъ спросу ножи и вилки, меню — одно на всѣхъ—ставилъ передъ своимъ приборомъ и если пароходный «стюартъ» хотѣлъ взять отъ него для другихъ вазу съ фруктами, онъ повелительно

жестомъ приказываль не трогать, на случай, что можетъ быть онъ захочетъ еще. «Стюарта» онъ зваль «моссо» (шлей по-испански) и сознаниемъ собственного величія производилъ на моссо впечатлѣннѣ, хотя для стюарта это названіе и обидно...

— Это разбогатѣвшій эстансиеро изъ пампы.. это типъ аргентинца,—сказаль мнѣ сосѣдь чилиецъ. Потому я видѣль такихъ и еще, но это не общій типъ большинство аргентинцевъ народъ удивительно симпатичный.

Лучшая улица Буэносъ-Айреса—Avenida de Mayo, Майскій проспектъ; его можно сравнить только съ большимъ бульваромъ Париза. Оживленіе до поздней ночи, почти всю ночь.

Буэносъ-Айресъ совсѣмъ молодой городъ. Въ 1852 году здѣсь было только 76.000 жителей, въ 1887 г.—404.000, а черезъ годъ-два будетъ полтора милліона. Все создано, выросло въ 20—25 лѣтъ.

Нашъ генераль Іонинъ, единственный русскій писавшій объ Южной Америкѣ, былъ здѣсь въ 1889 году и описываетъ улицы Буэносъ-Айреса, покрытыя по колѣно грязью, безъ мостовыхъ...

Манеры и привычки привозились сюда изъ Европы и сажали ихъ въ плодородную, но дикую почву пампы. Эта пампа видна во многомъ и сейчасъ, даже на скачкахъ въ мѣстахъ и по 7 пезо.

Все считается на пезо, и каждому, видимо, хотѣлось бы спросить у васъ

— А сколько вы имёте пезо?..

Богатство наживается лихорадочно, боятся опоздать, жалбють, что не живутъ 20 годами раньше. Въ воздухъ пезо. Некогда кульвитировать вкусы, утончать привычки, жизни не хватить. Это придетъ дальше, потомъ. Приглядѣвшись поглубже, видишь и теплое доброе чувство, а любовь къ семьѣ здѣсь святѣйна.

Много, какъ и по всему міру, англичанъ, крижавшихъ сюда любоваться на свои прекрасно растущіе посѣвы — разныя акціонерныя предпріятія. Англія вывозить отсюда громадныя деньги. Англійскій капиталъ всюду, гдѣ дѣло покрупнѣе. Последнее время сильно насаждаютъ нѣмцы, но многое лучшее уже давно забрано англичанами. Нѣмцевъ не любить за то, что они довольствуются малымъ и понижаютъ процентъ предпринимательской прибыли. Англичане, —гѣ за пустяки работать не стануть...

Мелкіе эстансіеро, собравши урожай, являються въ концѣ февраля въ Буэносъ-Айресъ, послѣ годового уединенія. Приходить и самъ гаучо, житель пампы искони, нашъ казакъ по ту сторону земли. И часто у такого посѣвителя съ грязными руками и безъ воротничка лежитъ въ карманѣ десятокъ тысячъ пезо, а то и нѣсколько. Въ баракахъ полно, шумно, весело, прибыльно для хозяевъ. Женщины и лучшія, и худшія — всѣ здѣсь на улицѣ, а у оконъ магазиновъ надписи: «Нельзя останавливаться по долгу». Тамъ, гдѣ надписей нѣтъ, мужчины стоятъ

сплошной стѣной и высматриваютъ проходящихъ. Это, понятно, только ночью, послѣ театровъ.

Денегъ здѣсь много, дѣль еще больше, за трудъ платятъ щедро, человекъ меньше озлобляется. Даже три подъ рядъ засушливыкъ года, когда охотъ тысячами падать въ ямы отъ безводія (особенно въ этомъ году), мало измѣнили жизнь Буэнос-Айреса. Буэнос-Айресь богатъ. Богатство Аргентины молодое, здѣсь нѣтъ еще сбереженій Старога Свѣта, нѣтъ запасныкъ капиталовъ, все въ оборотѣ. Осторожные экономисты Европы опасаются сильнаго краха въ случаѣ общаго неурожая, но пока эти опасенія не оправдываются.

Тоска по родинѣ.

Когда прїѣзжаешь въ такую далекую страну, какъ Аргентина, невольно задаешься вопросомъ:

— Неужели этимъ людямъ, бросившимъ свое родное, землю, гдѣ лежатъ ихъ дѣды и прадѣды, родину, гдѣ осталось много слезъ и радостей, осталось дѣтство,—не кочется обратно, не таять назадъ въ Старый Свѣтъ?..

Населеніе Аргентины состоитъ наполовину изъ людей, прїѣхавшихъ съ другой половины земнаго шара. Они нашли здѣсь доброе второе отечество, богатая дѣвственная земля пампы дала возможность

всѣмъ жить сыто, здѣсь дѣйствительно чаще слышишь смѣхъ и видишь спокойную улыбку, чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ. Еще недавно это была страна «стабапа» (маньяна)—утра, восхода солнца, молодости... Сюда уѣзжало все подвижное, энергичное, носившее въ себѣ живую силу. Порою и преступное, но здѣсь быстро измѣнялось: за трудъ и люди, и особенно природа платять щедро, и просто выгодно заниматься мирнымъ трудомъ. Работаютъ всѣ. Горе вездѣ, но тутъ оно не такое оборванное, какъ въ Старомъ Свѣтѣ.

Но великая сила, великое святое чувство—любовь къ своей землѣ, къ своему родному языку и народу. Чтобы назвать бреднями всякій космополитизмъ, нужно поѣхать далеко, очень далеко, въ другой мѣръ, и тамъ почувствовать самому и приглядѣться къ другимъ.

Какъ здѣсь загораются глаза, начинаютъ блестять не то радостью, не то печалью у тѣхъ, кто и 30 лѣтъ назадъ уѣхалъ изъ Россіи, когда загсворишь о ней! Какъ здѣсь, вдали, все прежнее, свое, кажется мильямъ, и даже невзгоды прошедшаго покрываются розовой дымкой! Какъ заботливо, нѣжно хранится здѣсь все привезенное съ родины, какъ дорожатъ здѣсь всѣмъ напоминающимъ ее: статуэткой, картиной, русскимъ кустарнымъ пустячкомъ... Какъ гостеприимно относятся къ своему соотечественнику, точно онъ приноситъ въ себѣ кусочекъ родины!

Я видѣлъ здѣсь сильныхъ, культурныхъ русскихъ людей, сдѣлавшихъ карьеру, нашедшихъ счастье въ новомъ отечествѣ, нажившихъ миллионы, и у нихъ

слезы навертываются на глаза, мысль уходит куда-то далеко-далеко при звукѣ русской пѣсни, отъ какого-нибудь малороссійскаго гопака, что танцуютъ въ «музыкь-холлѣ» забрешіе сюда танцоры. Удивительно сильно дѣйствуетъ пѣсня родной земли, даже на, тѣхъ, кто давно зарылся въ незнающее родины золото!

За дѣломъ, среди дневного труда, въ погонѣ за золотомъ умолкаютъ воспоминанія, но въ часы отдыха, ночью, на покой, они съ особенной силой заполняютъ сознаніе. Можетъ быть и работаютъ здѣсь больше, чтобы въ трудѣ забыться,—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ говорили.

Кто бросилъ отечество, кому хотя бы въ дѣтскій мозгъ запали лучи родного солнца и пѣсни родины, тотъ уже съ большой затратой нервной силы рветъ со старымъ и привыкаетъ къ новому. Нужно выстрадать право *быть своимъ здѣсь*, оно дается не легко, проходить царапиной черезъ всю жизнь.

— Я не имѣю теперь права переселиться въ Россію, чтобы не заставить своихъ дѣтей переживать то, что пережилъ я, — говорилъ мнѣ одинъ здѣшний русскій.

Зато уже первое поколѣніе, родившееся здѣсь,—быстро, какъ ницѣ, кажется, становится своимъ. Здѣсь зовутъ сіолл родившихся отъ отца и матери аргентинцевъ, но креолы, вѣрнѣе всѣ родившіеся на землѣ Аргентины. Они навсегда потеряны для родины своихъ отцовъ. Всѣ рѣшительно говорятъ

по-испански, всё любят тѣ же иры, что и ихъ соговарищи, живутъ интересами своей школы Народности, съ трудомъ поддающіяся ассимиляции въ другихъ странахъ, здѣсь быстро сливаются съ остальнымъ населеніемъ, и получается новый народъ—аргентинцы.

Нигдѣ въ мирѣ не навязывается такъ чужбъ страны, какъ здѣсь, безъ испанскаго здѣсь много труднѣе прожить, нежели безъ англійскаго въ Англии, а всѣмъ извѣстно, какъ настойчиво отказываются понимать всякій другой чужбъ, кромѣ своего, англичане. Во всемъ мирѣ телеграмма стоитъ одинаково на любомъ языкѣ, здѣсь дешевый тарифъ только для испанскаго, за всякій другой двойная такса. Здѣсь полтора милліона итальянцевъ, и всё они говорятъ по-испански, никому и въ голову не приходитъ протестовать противъ навязыванія официального языка: наоборотъ, всё понимаютъ, что это тотъ цементъ, на которомъ строится новая нація, пока небольшая, всего шесть съ половиной милліоновъ, но она будетъ расти быстро...

Наши у попугаевъ.

Покровитель сибирской тайги, защита противъ медвѣдя, удача на бобра—это св. Иннокентій, святой Сибири. И поэтому если встрѣтите сибиряка, зовите прямо Иннокентій, почти половина «Кешви». Тѣ сказочные сибирскіе милліонеры мѣховщики и золото-

промышленники, что арендовали Стрѣльны и Яры на ночь «никого не пущать», большинство ихъ — Кеша. Никто какъ Кеша купали въ шампанскомъ французенокъ..

И вообразите мое удивленіе, когда я встрѣтилъ одного такого Кешу на другой сторонѣ земного шара, въ Аргентинѣ.

Я сидѣлъ въ роскошномъ отеле Буэнос-Айреса, когда мнѣ подали карточку

«Innokenty K-ff».

И по-испанки адресъ—«Куйо, № такой-то».

Я вспомнилъ. Лѣтъ 13 назадъ, еще студентомъ, я встрѣтилъ его въ сибирскомъ экспрессѣ съ извѣстной русской шансонетной «звѣздой», потомъ такъ трагически погибшей. всю дорогу были угаръ и сумбуръ, въ вагонѣ-ресторанѣ лилось шампанское. Уже въ Челябинскѣ пришлось пополнять запасы буфета. Тогда были золотой вѣкъ Кешинаго кармана. Но потомъ быстро пошло внизъ и даже сибирскихъ капиталовъ не хватило.

— Съ послѣднимъ десяткомъ тысячъ,—разказалъ мнѣ Кеша,—поѣхали мы съ Мишей въ Монте Карло.

(Мишу я также встрѣчалъ блестящимъ гродненскимъ гусаромъ)

— Надежда выиграть миллионъ быстро расплылась, и мы остались съ нѣсколькими франками въ карманахъ. Проѣли ихъ съ шампанскимъ въ «Hotel de Paris» и рѣшили застрѣлиться. Въ послѣдній

момент я струшил и вспомнил о тропических странах, где можно ничего не деляя круглый год лежать под пальмами в гамаке и, покачиваясь на тихом ветре, смотреть, как дурачатся обезьяны и галдеть тут же на пальмах попуган. А кругом ананасы, бананы, какао. Я предложил, Миша согласился, и, продавши наши роскошные несесеры от Кей'а, мы взяли в Марсель билеты в Южную Америку и поехали!..

Билеты взяли на «самый юг», где самое тепло и приехали в Буэнос-Айрес. Если тепло в Бразилии, то каково же жарко еще южнее, в Аргентине?— думали мы. Но... сойдя на берег, кутаясь в теплые пальто от начинавшегося «памперо», мы были очень удивлены, что не только нет тропической жары, попугаев и пальм, а совсем петербургская погода. На берег сошли с двумя пезо, вымышленными на пароходе, и на автомобиле поехали в «самую шикарную» гостиницу. Неделью прожили весело, с шампанским и автомобилями, а в субботу попали в полицию за неоплаченные счета..

Начались мятарства. Где-то мы не были, чего не натерпелись! Мишу на первых порах забавляли виски и «мадера», на каждом шагу вывески и рекламы виски, мадеры и еще «43».

«43»—это такие папиросы. В какой-то большой лотереи выиграв в миллион пезо пать на № 43, табачная фирма взяла его как фабричную марку и назвала миллионы. Теперь в Буэнос-Айрес нельзя остановить глаз, чтобы не увидеть «43».

— «Виски и папиросы еще туда-сюда, а почему «мадера»? — удивлялся Миша и я тоже.

И только, когда мы немного стали понимать по-испански, намъ объяснили, что «мадера» значитъ «дерево».

Мишу потомъ вызвали родные, а я много натерпѣлся. Чѣмъ и кѣмъ только я не былъ? И чистильщикомъ улицъ, и гидомъ, и продавадь альфальфу...

Теперь служу въ конторѣ по продажѣ земель, здѣсь въ Буэносъ - Айресѣ всѣ покупають землю... Когда-нибудь вернусь!..»

Кеша глубоко вздохнулъ.

— За то теперь знаю не только гдѣ зимуютъ раки, но и гдѣ попутан живутъ

Хохлы на олимпийскихъ играхъ въ Патагоніи.

Патагонія, «страна барановъ», еще пуста. Желѣзныя дороги еще строятся, а въ Америкѣ начинаютъ именно съ желѣзныхъ дорогъ. Все остальное — и люди, и грузы — приходятъ уже потомъ и приходятъ непремѣнно.

Животныя Патагоніи еще не боятся людей и пугливыя «гуанако» подходят доверчиво совсѣмъ близко, думая, вѣроятно, что это новый сотоварищъ, вродѣ страуса..

Патагонія страна большого будущего, богатого скотоводства, вроде Новой Зеландіи или Австраліи. Рядомъ на пустыньныхъ и суровыхъ Фалкландскихъ островахъ разводятся бараны, мясо которыхъ лучшее въ мірѣ.

Капризная судьба занесла сюда на постройку дороги изъ порта Дезеадо нашихъ хокловъ, человекъ 400. Они думали, что ѣдутъ къ землякамъ въ Нью-Йоркъ, а попали въ Патагонію, не представляя себѣ даже, какъ это далеко отъ Нью-Йорка..

Послѣ своихъ Вольнской, Черниговской и Киевской губерній хоклы быстро освоились съ мѣстными вкусами и весь свой заработокъ 4 1/2 пезо въ день стали пропивать. Мѣстная «мяля», водка изъ сахарнаго тростника, оказалась еще лучше нашей, «больше дереть горло»...

Репутація установилась для хокловъ скверная, но все исправили олимпийскія игры.

Въ маѣ 1910 года, когда Аргентина такъ шикарно праздновала свое столѣтіе, въ Дезеадо тоже устроили праздникъ, игры съ призами. Главные призы по 100 пезо были за бѣгъ «въ три ноги» и лазанье на мачту.

Другіе рабочіе — нѣмцы, итальянцы, испанцы, англичане, арабы—еще задолго до состязаній начали репетициі. Нѣмцы рѣшили, что наиболѣе удобенъ счетъ «ein, zwei, drei», испанцы считали до четырехъ, выбрасывая лѣвую свободную при счетѣ «одинъ», и лѣвую связанную при счетѣ «два». Англичане

бѣгали молча. Все это долго бѣгало, валялось и ругалось накануне состязаній. Наши упрямо стояли и только все усиленнѣе почесывали сначала затылокъ, потомъ другое мѣсто: на нихъ никто и вниманія не обращать.

А на завтра всѣ призы получили хохлы.

Когда хохловъ связывали, всѣ смѣялись, ожидая, какъ они будутъ валиться. Тѣ опять молча почесывались.. Когда раздалась команда бѣжать, точно по наитію, явился счетъ «гопъ-гопъ, гопъ-гопъ»... и съ этимъ гопъ-гопъ, ни разу не сбившись, хохлы скорѣе всѣхъ добѣжали до столба. Нѣмцы съ «ein, zwei, drei» запутали ноги, а англичане даже угостили другъ друга бокасомъ за погрязнувшую національную честь.

Когда полѣзли на высокую мачту, намазанную саломъ, хохлы тоже, сбившись въ кучу, чесались, молчали и отплеивались...

Мачту намазали слишкомъ жирно и никто не могъ долѣзть, даже англичане. Особенно горячились итальянцы и испанцы. Становились по 5 — 6 человекъ другъ на друга, подсаживали, но тщетно. «Dios piaco», «Mein Gott» и ругательства перекрещивались въ воздухѣ. Наконецъ спросили и хохловъ:

— А вы развѣ не полѣзете?

— Полизимъ, нехай оны сало оботрутъ.. — отвѣчали хохлы.

Эти игры поправили ихъ репутацію.

Если въ широтахъ болѣе близкихъ къ экватору наилучшими сельскими рабочими считаются здѣсь

итальянцы, то ближе къ южному полюсу, въ климатъ уже суровомъ, легче всего работать именно русскимъ. На этихъ отхожихъ промыслахъ (немножко далеко, правда) можно бы заработать хорошія деньги, если бы не «канья». Деньгъ здѣсь много. Вотъ иллюстрація

Въ маленькомъ Санта-Крусѣ кому-то пришла добрая мысль собрать деньги на бесплатную больницу. Собрали 1 500 пезо, когда кто-то вспомнилъ:

— А кого мы будемъ лечить?...

Стали искать больныхъ, но никто не пожелалъ лечиться бесплатно, такъ какъ у всѣхъ были деньги 1.500 пезо роздали обратно.

Опереточныя страны.

Чили, Перу, Боливія и даже маленький Эквадоръ скоро станутъ замѣтными странами. Теперь они затерялись гдѣ-то на задворкахъ міра и о нихъ забываютъ, даже если когда либо и знали.

Не только громадныя разстоянія, но еще Анды и Кордильеры загородили эти страны. А эти горы проходимы только мулу или ламѣ, и то съ трудомъ. Нѣтъ проходовъ ниже 13.000 футовъ, а это высота Юнгфрау, къ тому же и эти проходы доступны только три-четыре лѣтнихъ мѣсяца, съ ноября по февраль.

Всего 10 мѣсяцевъ назадъ открытъ туннель на желѣзной дорогѣ изъ Буэносъ-Айреса въ Вальпарайзо,

и теперь можно проехать съ берега Атлантического океана къ Тихому въ два дня. Хотя и берутъ громадныя деньги за проездъ по зубчатой дорогѣ въ этомъ туннелѣ, но всетаки возможно. Горная болѣзнь «сорочи», съ приступами въ родѣ морской, на высотахъ больше 3 версты захватываетъ почти всѣхъ неофитовъ, а тутъ на перевалѣ поднимаются почти до 4-хъ. Болѣзнь, впрочемъ, быстро проходитъ, какъ только легки начинаютъ привыкать къ разреженному воздуху: этимъ она лучше морской. Зато какіе виды! Горы Швейцаріи—картинки въ сравненіи съ Андами. Дорога вьется у подножья вулкана Аконкагуа, одного изъ величайшихъ. Начали ее строить въ 1889 году и думали окончить въ 5 лѣтъ, окончили же едва въ 22.

Еще годъ назадъ ѣздили черезъ перевалъ на мулахъ и проводники въ напутствіе пассажирамъ говорили:

— Не трогайте мула, сеньоръ, онъ умнѣ васъ..

А черезъ два года будетъ готовъ Панамскій каналъ.

И чилійцы и перувианцы искони искали близкаго пути въ Старый мѣрь, искали сначала природной щели въ материкѣ Америки, потомъ стали ждать канала. Банкротство компаніи Лесепса горько разочаровало, но теперь каналъ будетъ, чего бы это ни стоило, американцы не отступать...

Проведеніе Трансъ-Андинской дороги всѣ грузы отдало порту все того же Буэносъ-Айреса, какъ это ни неприятно было чилійцамъ. Теперь все возьметъ

себѣ Панамскій каналъ— и пассажировъ, и грузы. И тѣ болѣе дорогіе, что шли по Трансъ-Андинской дорогѣ, и болѣе громоздкіе, что долгими мѣсяцами везлись кругомъ Огненной Земли.

Уже теперь, всего 5—6 мѣсяцевъ, пошли удобныя, скорыя пароходы изъ Чили въ Панаму въ 12 дней, а только что ходили 22 дня. Открытіе канала еще увеличить эту скорость и явятся прямые рейсы изъ Сѣверной Америки и Европы.

Перу, древнее царство инковъ, страна удивительной древней культуры, совершенно независимой отъ культуры всего мира, особенной, теперь ушедшей въ вѣчность. Туда устремится не только туристы, но и переселенцы. Возможность подвозки угля разбудитъ громадныя ископаемыя Перу. Если Пизарро не нашелъ здѣсь Эльдорадо, страны золота, и только ограбилъ несчастныхъ инковъ, золото, скопленное ими въ десятки вѣковъ, то другихъ металловъ изобиліе въ глуби Андъ и Кордильеръ. А колоссальныя горныя плато Боливіи! Между прочимъ: наши дамы навѣрно не знаютъ, что та драгоценная крыса—шеншила,—мѣхъ которой онѣ такъ безумно любятъ, живетъ только тутъ, на высотахъ Боливіи, гдѣ чело-вѣку уже не хватаетъ кислорода для дыханія.

Мы даже забыли, вѣроятно, что дѣйствіе оперетки «Птички пѣвчія» происходитъ именно въ Перу, въ столицѣ его Лимѣ. «Да здравствуютъ лошади губернатора»—это говорится именно о губернаторѣ Лимы...

Мѣсто дѣйствія выбрано удивительно остроумно.

Исторія здѣсь опереточная. Чего не можетъ быть въ другихъ странахъ, то было именно въ Перу. Еще недавно одинъ губернаторъ смѣщаль другого, напоявши его предварительно пьянымъ и вывезя обманно на берегъ моря, изъ предѣловъ губернаторства иначе власти не отдавали. Трагическая судьба инковъ, кровь, измены и убійства перемѣшались съ опереткой.

Но испанскую загзеѣла, оперетку, окончили англичане. Спокойно, мирными договорами и деньгами забрали все исподволь въ свои руки. Теперь придуть съ сѣвера еще другіе англо-саксонцы. Они пришли бы уже и раньше, но немного тормозить исконная вражда между Америками англо-саксонской и латинской, и этимъ умѣло пользуются европейцы, въ послѣднее время особенно нѣмцы. Кое-что можемъ сдѣлать и мы. Если у военныхъ война только во время войны, у купцовъ она всегда.

Надо только начать съ уничтоженія нашего представительства въ Южной Америкѣ, чтобы оно насъ тамъ не позорило...

О МОДАХЪ, БАЛЕТЪ,
ГАСТРОНОМИИ И ПРОЧЕМЪ.

Ея величество — мода.

«Всѣ дороги ведутъ въ Римъ». Въ области культа тѣла, красоты, и въ частности женщины, Парижъ— это Римъ *).

Теперь здѣсь мертвый сезонъ. Парижъ въ Трувилѣ и Біарицѣ, почти всѣ театры закрыты, и все-таки здѣсь веселье, чѣмъ въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ даже и въ это время жизнь не перестаетъ имѣть свою, только Парижу свойственную, окраску.

Много французовъ ѣздитъ на выставку въ Лондонъ, выставка удивительно красива, особенно вечеромъ, когда зажигается 120.000 электрическихъ лампъ. На постройку зданій истрачено больше 20 миллионовъ рублей; архитектура разнообразна и красива. Замѣчательно, что нигдѣ нѣтъ декаданса. Главная, наиболѣе красивая часть выставки — въ индийскомъ стилѣ, затѣмъ преобладаютъ Людовики XVI и XV

*) Июль 1908 г

Кромѣ франко-британской въ этомъ исполинскомъ Лондонѣ въ теченіе лѣта открылось нѣсколько другихъ выставокъ — венгерская, картинная, автомобильная и пр., и все-таки послѣ лондонскаго воскресенья, когда все умираетъ въ громадномъ городѣ, когда закрыты не только всѣ театры и сады, но даже и выставки, вздыхаютъ о Парижѣ, о его жизни улицы, бьющей ключомъ и въ будни и въ праздники, и ночью и днемъ.

Самый богатый отдѣлъ на франко-британской выставкѣ — дамскіе наряды. Фирмы Лондона не пожалѣли денегъ на свои витрины, но все-таки Французы остались первыми: здѣсь ихъ не превзойдутъ.

Глядя на эти сумасшедшіе по цѣнамъ туалеты, оригинальные, красивые, каждый разъ все новые, — невольно думаешь, что это искусство, искусство портного, можетъ быть не ниже искусства художника, рисующаго картину или одухотворяющаго мраморъ. Можетъ быть только труднѣе? Они дѣйствительно красивы, эти платья, и я не знаю, что выше — головки Элле, или манто изъ ярко-зеленаго иана на клетчатой, бѣлой съ чернымъ юбокъ, работы Пакэна, или модныя сейчасъ отдѣлки золотомъ по черному и зеленому.

Одна лондонская фирма выставила большую витрину съ движущимися куклами въ натуральную величину въ костюмахъ разныхъ періодовъ XVIII столѣтія. Это очень интересно, но все-таки здѣсь толпится не столько народа, какъ передъ кіосками но-

весь модь. Общее веселье вызывают колоссальныя фижмы XVIII вѣка. Къ обладательницамъ ихъ можно было подходить только на весьма почтенное разстояние. Двигаться въ такомъ парашютѣ среди множества бездѣлушекъ тогдашнихъ гостинькъ было нелегко. Можеть быть дойдемъ скоро снова и до этой моды, а пока *le dernier cri*—какъ разъ обратное. Платья обтягиваютъ плотно фигуру. Чѣмъ плотнѣе платье прилегаетъ и чѣмъ меньше матеріи въ немъ, тѣмъ выше искусство портного. Юбка не просто выкраивается даже по фигурѣ, а насколько можно вытягивается матерія, идеаль портного—не дѣлать ни одного шва: если есть второй, его закрываютъ спереди туникой.

Всѣ новыя моды тоже выставлены на кулахъ съ головами, прическами, шляпами, въ натуральную величину и въ движеніи. Платья въ движеніяхъ.. Говорятъ, такъ и нужно всегда выпускать «тонкія творенія». Если мѣрять только на обыкновенный манекень или на заказчицу, стоящую неподвижно, какъ дѣлаемъ мы,—въ жизни платье можеть выйти «мертвымъ», какъ бывають «мертвые» александриты, гранаты и т. п. Еще нашъ Льсковъ одушевлялъ александриты, и тонкіе знатоки драгоценныхъ камней говорятъ, что мы неумѣло, варварски обходимся съ драгоценными кристаллами, они умирають въ нашихъ рукахъ или тускнѣють, хворають..

Кстати о нихъ, о драгоценностяхъ. Ихъ на выставкѣ больше, чѣмъ на 120 милліоновъ франковъ!

Есть удивительная коллекция бриллиантовъ всѣхъ от-
тѣнковъ—отъ темно-сѣраго до голубого и розоваго.
Это единственная коллекция въ мѣрѣ. Ожерелья изъ
жемчуга и крупныхъ блѣдно-розовыхъ, почти бѣлыхъ
коралловъ заставляютъ блестѣть опаснымъ огонькомъ
тысячи женскихъ глазъ.

Королева английская поздравила организатора
отдѣла платьевъ съ необычайнымъ успѣхомъ и будто
бы сказала, что «такой выставки дамскихъ костюмовъ
еще не было на землѣ»...

Пятьдесятъ платьевъ въ одной витринѣ стоятъ
157.500 франковъ. Въ витринѣ домашнихъ костю-
мовъ на одномъ «простенькомъ» сгеме съ отдѣлкой
кружевами золотой ткани прицѣпленъ ярлычекъ съ
цѣной 4.625 франковъ!..

Роскошень отдѣлъ мѣховъ. Мѣха въ прежней
модѣ, если не больше, и именно для лѣтнихъ костю-
мовъ. Манто и отдѣлка платьевъ изъ соболей, шен-
пины, горноста, голубой лисицы — все страшныхъ
цѣнъ, и потому такъ болѣзненно, хочется этого ши-
карной женщинѣ. Манто изъ соболя одной парижской
фирмы стоятъ 85.000 франковъ. Небольшой мѣхъ
изъ трехъ шкурокъ серебряной лисицы продается за
63.750 франковъ. Выставленъ жакетъ изъ мѣха кро-
лика, поддѣланный подъ котикъ, одинъ рукавъ въ
жакетѣ сдѣланъ изъ настоящаго лучшаго котика съ
Командорскихъ острововъ и даже знатоки съ трудомъ
отличаютъ, который рукавъ настоящій

Но по порядку!

Модны низкія большія прически, всё въ локонахъ иногда съ маленькими бучлями по бокамъ, на уши. Въ родѣ римскихъ, или вѣрнѣе — прически Фрины. Такъ же, какъ и Фрина, спереди въ прическѣ носятъ ленточку, продѣтую въ особую роговую шпильку какъ зовутъ Французы—«стру-тру». Характерно отмѣтить, что за послѣднее время ни одна женщина, считающая себя шикарной, не завиваетъ уже своихъ волосъ. Это полная «отсталость» — портить свои волосы! Всё носятъ накладки, очень хорошо подобранныя, и изъ нихъ уже дѣлается прическа.

Шляпы, кромѣ все еще модныхъ въ видѣ перевернутой корзиночки, громадныя, плоскія, закинута назадъ и немного на-бокъ, поля съ одной стороны больше, и эта сторона подброшена вверхъ. обыкновенно лѣвая, и если только уже очень нейдетъ, подбрасываютъ правую сторону. Шляпы соломенные, атласныя и бархатныя (это ново!), и не накладываютъ такъ много отдѣлокъ, какъ это дѣлалось недавно, когда по карикатурѣ клоуна въ одномъ изъ англійскихъ цирковъ, на шляпу сакали обезьяну, попугая, морковку и букетъ фіалокъ, шикарно даже совсѣмъ безъ отдѣлки! Не шляпа прикалывается къ прическѣ, а прическа прикалывается къ шляпѣ, снять шляпу дѣло не легкое, и французенки говорятъ, что шляпу нужно снимать всегда послѣднею!.. Шляпы такъ велики, что въ Парижѣ пришлось приспособивать къ нимъ театральные порядки: дамъ въ модныхъ шляпахъ сажаютъ въ партеръ на крайнія

стулья къ ложамя. Онѣ не закрываютъ дружимъ сцену, но зато сами сидятъ весьма неудобно, такъ какъ барьеръ ложи и шляпа постоянно сталкиваются.

Всюду, какъ лейтъ-мотивъ у Вагнера, зеленое и желтое. Это цвѣта сезона. Желтую матерію дѣлають подъ золото, ленты протканы золотомъ.

II.

Американки быстро переняли новую моду, и въ витринахъ Нью-Йорка выставлены шляпы-колоссы, не уступающія величиною парижскимъ, грубѣе только. Особенно черныя соломенныя съ желтыми лентами.

Модныхъ издѣлій у Американцевъ вовсе нѣтъ своихъ, все привозное, даже парфюмерія. И хотя въ американскихъ парикмахерскихъ и не быють на голвы сырыхъ яицъ, вмѣсто вежетали, какъ увѣряють Французы, но дѣйствительно, кромѣ мыла, зубного порошку и всякихъ питательныхъ мукъ и экстрактовъ, рѣдко что можно найти въ аптекарскомъ магазинѣ Америки. Впрочемъ, тамъ много еще ваксы и мазей для сапогъ, съ нѣжными названіями: «цвѣтокъ яблонн», «утренняя роса» и проч.

На шеѣ носить «шю» изъ газа или перьевъ, или высокіе воротнички съ рюшками, бантиками и кисточками. Кисти вообще всюду. Это характерный штрихъ новой моды. Ихъ нашиваютъ на концы шарфовъ, поясовъ, боа, или, если нашить рѣшительно некуда, вѣшаютъ прямо на особой лентѣ, на шею.

Рукава во всемь очень узкие и очень длинные, въ платьяхъ выходяще изъ широкаго наплечника, это весьма кстати женщинамъ съ большими руками, но не совсемь красиво послѣ того, какъ приглядѣлись къ открываемь рукавамь

Сумочки модныя *pas plus ultra* въ видѣ индѣйскихъ украшений изъ кожи, съ длинной кожаной бахромой.

Совсемь выводится стиль декадансъ. Не тотъ красивый, почти строгий модернъ съ прямыми линиями, что близокъ къ английскому стилю, а вычурный кривой декадансъ. Видимо онъ надобль, все чаще и чаще возвращаются даже въ бездѣлушкахъ къ Empire и Марии-Антуанетѣ. Въ Америкѣ, особенно въ Нью-Йоркѣ, я нигдѣ не видѣль декаданса въ постройкахъ, и на каждомъ шагу въ отдѣлкахъ Людовизи и Марии-Антуанета. Въ стилѣ Марии-Антуанеты, почему-то очень любимомь Американцами, отдѣланы цѣлые громадные отели.

Но кончу о нарядахъ

Въ Парижѣ модна кривая, совсемь по формѣ ноги, и потому гипеничная обувь. Очень тяжелая и страшно прочная. Американскія модницы носятъ парижскіе ботинки непременно цвѣтныя до сиреневаго и розоваго включительно, и непременно кожаныя. Шикарными считаютъ черныя ботинки съ краснымъ каблучкомь. Въ отличіе отъ своихъ американскихъ башмаковъ эту обувь зовутъ *foot gloves*—ножныя перчатки.

Чулки, особенно черные, съ круженными вставками во всю длину—последній крикъ моды.

Англичане говорятъ, что исключительно русская и нѣмецкая привычка у мужчинъ обдергивать брюки внизъ, когда садятся. Американцы и Англичане непремѣнно поддерживаютъ ихъ вверхъ, чтобы не натягивалась матерія и чтобы видны были чулки, ничего даже, если подвязки. Такъ и у Американокъ и Англичанокъ почему-то всегда «подскакиваетъ» передъ платьемъ. Говорять, по этой чертѣ можно узнать навѣрняка національность, какъ равно и по визитнымъ карточкамъ. У Американцевъ визитныя карточки, въ отличіи отъ нашихъ, больше у дамъ и очень маленькія у мужчинъ. Большая карточка у мужчины считается растаскуэрствомъ. На карточкѣ чаще пишется адресъ своего клуба, чѣмъ своего дома, и отнюдь никакихъ титуловъ, званій и чиновъ.

Праздныя мысли въ дорогѣ лѣтомъ.

I.

Поѣзжайте путешествовать!

Нѣтъ лучшаго средства возстановить равновѣсіе организма. Путешествіе—это общій факультетъ университета. Путешествіе—зеркало, въ которомъ въ новомъ освѣщеніи видишь себя. Видишь ниньмъ, чѣмъ пришькъ.

Я знаю молоденькую русскую даму, которую забавляють за границей больше всего вертящаяся дверь въ отѣхъ. Теперь она уже научилась входить въ нихъ, а раньше всегда происходили катастрофы. Дама, подходя къ двери, нѣкоторое время въ нерѣшительности выжидала, а затѣмъ быстро совалась въ дверь и какъ разъ угождала въ такой моментъ, чтобы ее или по крайней мѣрѣ ея зонтикъ зацемило. Иногда зацемило вмѣсто зонтика вуаль, но всегда было весело, ибо мужчины спѣшили на выручку. Дама и молодая, и хорошенькая.

Недавно въ «Каль-Экспрессѣ» одинъ серьезный русскій господинъ говорилъ мнѣ, что ему очень понравилась новая забава лондонцевъ, смѣнившая прошлогдній «флипъ-флапъ» на франко-британской вы-

ставка — «уигль-уэглъ». «Уигль-уэглъ» — это в переводе будетъ «туда-сюда». Забава въ томъ, что съ пассажиромъ поступаютъ такъ же, какъ съ кофе въ жаровнѣ стараго образца — трясутъ его во всѣ стороны.

И все-таки, даже эти пустячки, среди окружающей ихъ обстановки, даютъ пищу мозгу большую, чѣмъ ежедневный винтъ, либо пересуды ближнихъ.

Въ Лондонѣ, особенно въ Парижѣ, почти бросаютъ носить цилиндры. Носятъ котелки, панамы или американскія твердыя соломенные шляпы.

Дамскіе портные почему-то мало выдумали новаго въ этомъ сезонѣ и только напортили себѣ, введя всюду шарфы. Шарфами закрываютъ платья и вмѣсто всего новаго туалета можно надѣть новый шарфъ.

Вмѣсто курортовъ богатые стали теперь ѣздить на автомобиляхъ въ большія поѣздки, на 2 — 3 недѣли. Это новый штрихъ въ жизни бомонда западной Европы, особенно Франціи.

Еще моднѣе и шикарнѣе авіація, но это пока слишкомъ опасно и слишкомъ дорого. Цѣлый лексиконъ новыхъ словъ — дрижабль, монопланъ, бипланъ, авіаторъ, аэродромъ, аэроклубъ, аэропортъ, аэромагазинъ, аэрогаражъ... даже «аэро-король».

Спортъ грядущаго, недалекаго будущаго — несомнѣнно аэропланъ. Да и что можетъ быть сильнѣе этого ощущенія? Оно волнуетъ даже въ синематографѣ.

Всякая новая побѣда аэроплана принимается, какъ національное торжество. Побѣдитель на призъ — национальный герой. Призы въ сотни тысячъ, даже мил-

лионь (Австралия) создаются одинъ за другимъ, этимъ живеть общественное мнѣніе. Нѣтъ номера газеты или журнала, гдѣ бы не было цѣлой статьи о воздухоплаваніи. А мы, какъ всегда, внѣ жизни; вѣрнѣе, живемъ только чужими успѣхами.

Трудно описать силу ощущения при полетѣ на машинѣ тяжелой воздуха. При полетѣ на воздушномъ шарѣ вовсе не чувствуется движения, не учитывается скорость, такъ какъ шаръ движется вмѣстѣ съ окружающимъ воздухомъ. На аэропланѣ совсѣмъ другое. Полетъ въ теченіе двухъ-трехъ минутъ не забудется всю жизнь.

Въ обзорѣннѣхъ Парижа наряду съ злосчастнымъ бюджетомъ морского министерства и недавнимъ героемъ дня Пикаромъ—«аэро-король» Альфонсъ и непременно Вильбуръ Райтъ.

Десетки специальныхъ журналовъ посвящены авіаціи, портные въ Парижѣ пишутъ на своихъ карточкахъ: «специально для аэроспорта, поставщикъ такого-то аэроклуба». И создалось все это въ два-три года. Какъ быстро живеть наше время! Вспомните лучи Рентгена, радій, беспроволочный телеграфъ, фагоцитозъ Мечникова, — все это переворачиваетъ цѣлыя научныя системы, и все это создано въ послѣднія 4—5 лѣтъ.

II.

Поѣзжайте путешествовать...

Самый преуспѣвший народъ — американцы, которые считаютъ, что серьезно только making dollar, «дѣлать долларъ», и тѣмъ вѣдутъ тысячами въ Европу тратить эти доллары на бездѣлье.

Когда я писалъ въ прошломъ году о «модахъ и другихъ пустячкахъ», многие упрекнули меня въ несерьезности. Да, это малочи, пустяки, несерьезное, но это все-таки сама жизнь, и миллионы промышленности вертятся по прихоти этихъ пустяковъ. А обыкновенная жизнь, семья?.. Какъ часто и въ ней это самый проклятый вопросы! Не здѣсь ли такъ часто зарыта собака (правильнѣе «кошка») семейнаго раздора? Франція, говорятъ, вымираетъ изъ-за моды. Если бы не было моды, бюджетъ семьи сразу сократился бы и не боялись бы лишняго ребенка. Статистикой установлено, что въ тѣхъ провинціяхъ Франціи, гдѣ проще одѣваются, гдѣ бѣднѣе население, тамъ рождаемость много выше...

Скоро начнутъ несомнѣнно носить открытые широкіе рукава (уже начинаютъ), а сейчасъ у всѣхъ узкіе-преузкіе, въ обтяжку. Сколько расходовъ сулить это, сколько измѣнь!

Въ области искусства, особенно прикладныхъ искусствъ, гдѣ недавно такъ полно царилъ стиль модернъ, въ Западной Европѣ яркими, рѣзкими штри-

хами уже обрисовалось возвращение к старому. Стилль Епэриге и Людовикъ XV сейчасъ всюду, какъ самое модное, самое новое, особенно у французевъ.

Дамскія украшенія, мебель, даже меню рестораноувъ и програмы всякихъ гечувъ украшены вѣточками епэриге и фарфоровыми фигурками Людовика XV въ парикахъ и башмачкахъ съ бантами.

На смѣну колоссальнымъ дамскимъ шляпамъ скоро начнутъ носить для контраста маленькя шляпки 30-хъ годовъ, и если мужчины посягнули даже на цилиндры, то возможно, что стануть носить чулки съ ватонами и коротенькя «невъразимые»...

Парижане говорятъ, и не безъ основанія, что Парижъ съ каждымъ годомъ «американизуется», скоро онъ станеть-де американско-английскимъ городомъ, а не столицей Франци.

Гипербола, но посмотрите на этихъ американцевъ... Является, какъ домой въ лобую французскую торговлю и, глазомъ не моргнувши, совсѣмъ не стараясь быть понятнымъ, подробно объясняетъ по-английски съ американскимъ акцентомъ, что ему нужно. Увѣренъ вполне, что его поймутъ и дадутъ требуемое.

Я видѣлъ на-дняхъ въ Парижѣ въ магазинѣ бѣлья американца, котораго плохо поняли. Надо было его видѣть, какъ онъ возмущился! Плохо говорить по-английски... этакое безобразіе!..

Культурность это или некультурность, но только это совсѣмъ иначе, чѣмъ дѣлаемъ мы. Мы всегда хотимъ объясняться на языкѣ говорящаго съ нами,

и всегда проигрываемъ, такъ какъ на сторонѣ собесѣдника преимущество въ богатствѣ словъ, выражений, рѣборовъ рѣчи.

А можетъ быть, что позволительно англичанину, непозволительно намъ? На это нужно имѣть право, а за англичанами это право безмолвно признается...

Поѣзжайте путешествовать хотя бы потому только, что англичане считаютъ это первымъ условіемъ культурности.

Въ пути, когда некогда думать о томъ, что издержало нервы дома, постепенно возстанавливается въ организмѣ то равновѣсіе, котораго всегда не хватаетъ людямъ мозговой работы. Отъ путешествія проходятъ три четверти болѣзней, кивами болѣеть нашъ достаточный классъ. Свѣжія впечатлѣнія, движеніе, новый климатъ лечатъ лучше латинской кухни. Работать начинаютъ тѣ части организма, которыя спали, въ мозгу мысль начинаетъ бѣгать по новымъ дорожкамъ, а старыя отдыхаютъ, ремонтируются.

Путешествіе дешевле винта, ибо на счетъ винтеровъ содержатся клубы и воспитательные дома.

Парижъ — Лондонъ.

Августъ 1909 года.

Еще о модѣ.

Въ этомъ году въ Англии, среди состоятельныхъ людей, встрѣчаясь, послѣ «какъ вы позываете» спрашиваютъ непременно:

— Вы въ резинѣ или въ нефти?

Акции каучуковыхъ плантацій и акции нефтеносныхъ земель выпускаютъ по фунту стерлинговъ, т е по 10 рублей, и потому онѣ распространяются среди всѣхъ классовъ населенія. Эти акции въ модѣ, и спросъ и цѣна потому далеко выше дѣйствительной стоимости предпріятій.

Показываютъ уже вновь испеченныхъ «каучуковыхъ королей». Въ теченіе года они «сдѣлали» миліоны на подъемѣ цѣны акций до 3.000 %!..

Въ большой модѣ еще въ Лондонѣ русскій балетъ, онѣ пользуется громаднымъ успѣхомъ. Въ цѣломъ рядѣ театровъ центральные номера — русскіе балетные артисты. Страницы газетъ пестрятъ русскими именами въ отдѣлѣ театральныхъ анонсовъ, и всѣ крупнымъ шрифтомъ. На автобусахъ, тамъ, гдѣ раньше было написано soap или pills — «мыло», «пилюли», — теперь читаете — «Anna Pavlova», «Anna Pavlova»...

Мода на маленькихъ померанскихъ собачекъ, удивительно хорошенюкихъ, величиною какъ той-терьеры. Откуда-то вдругъ выкопали эту породу. Собачки, или

как зовут англичане, «слулу», очень понятливые и легко поддаются дрессировкѣ. Когда я спросил одного англичанина, сколько такая собачка стоит, то онъ только свиснулъ. Каждая шикарная леди должна теперь имѣть «лулу помераніенъ»...

Мода тоже рычагъ прогресса, и не маленькій. Особенно мода въ костюмѣ. Всегда бюджетъ семей будетъ въ неустойчивомъ равновѣсн изъ-за моды, всегда мужчины будутъ сердиться на женщинъ за ихъ костюмы и всегда мужчинамъ будутъ нравиться женщины въ красивыхъ костюмахъ. Или можетъ быть не всегда, но еще очень, очень долго такъ будетъ. Едва ли удастся когда-нибудь одѣть женщинъ въ удобныя, практичныя сѣренькія блузы!

Одинъ Парискъ, благодаря модамъ, торгуетъ на сотни милліонсовъ, и для нихъ дыматся сотни фабричныхъ трубъ. Попробуйте на одинъ годъ оставить прошлогоднюю моду, и прогорятъ тысячи купцовъ, станутъ фабрики...

Въ мірѣ много безцѣльной работы, но не съ моды надо начинать.

На дняхъ мнѣ говорили:

— Какой хорошій вкусъ, какое искусство могутъ быть въ Финляндіи, когда у нихъ ни одной красивой женщины нѣтъ...

Такъ ли это, совсѣмъ не знаю, но вѣрно то, что женщину и костюмъ мы часто смѣшиваемъ, и умѣть одѣваться — это почти быть красивой. Женскій костюмъ тоже искусство.

У англичань прочно установилась манера являться къ обѣду: дамамъ—декольте, мужчинамъ — въ смокингѣ. Если не всегда уль такъ, то во всякомъ случаѣ не въ рабочемъ костюмѣ, въ которомъ были съ утра, а въ другомъ, торжественнѣй

Сразу кажется странной такая китайская церемонія. Но присмотритесь поближе. Необходимость переодѣться въ чистую крахмальную рубашку, еще разъ выбраться, всему подтянуться — безъ привычки это очень неприятно. Все кажется, что некогда. Но попробуйте продѣлывать это, и какъ-то становитесь моложе, походка «красивѣй, мысли быстрѣе»

«Noblesse oblige», а костюмъ—тоже noblesse. Въ смокингѣ какъ-то неловко иногда дѣлать то, что легко дѣлается въ пиджакѣ. Въ смокингѣ какъ-то меньше тянуть за грязный карточный столъ и можно подумать, что смокингъ за обѣдомъ у англичань одинъ изъ маленькиихъ продуктовъ большого культурнаго опыта. Это такая же черточка нации, какъ ихъ футболъ, гребная гонка, лаунъ-теннисъ... Кровь дышется легче, а съ этимъ приходитъ жизнерадостность.

Лондонъ, августъ 1910.

Снова о модѣ.

1910 годъ не блестящій въ исторія дамскихъ модъ. Все повторенія, новы только маленькія детали.

Парижскіе портные дали было сильный штрихъ моды, перетянувши платья внизу, до невозможности ходить включительно, но эта дикая мода не принялась и дала только пищу парижскимъ и лондонскимъ *revues*, гдѣ показываютъ «звѣди-кенгуру», женщину, которая не можетъ ходить, а только прыгаетъ...

Подхваты у платьевъ остались, но не такіе узкіе, какъ хотѣли портные, и не такъ низко. Если не подхватъ, такъ туника, или то и другое вмѣстѣ. Годъ, два года назадъ платья были узкія сверху до низу, плотно обтягивающія фигуру, съ вертикальными линиями отдѣлки, чтобы дать глазу впечатлѣніе еще большей узкости; теперь обязательны линіи горизонтальныя, на тѣхъ же узкихъ платьяхъ...

Платья съ туниками очень выгодны и портнымъ, и фабрикантамъ, такъ какъ, чтобы сдѣлать платье съ туникой, нужно купить на него, на все цѣликомъ, матерію, а потомъ закрыть ее сверху почти всю тюлемъ.

Многія дамы находятъ выгоднѣе ѣздить въ Парижъ, чтобы привозить тюль беспошлинно. Трудно сказать, которая комбинація выгоднѣе для мужчинъ?..

Рукава прямые, короткіе, часто изъ другой матеріи, чѣмъ все платье. Отдѣлка золотомъ, шитье золотомъ по тюлю.

Какъ всегда, въ громадномъ почетѣ страусовья перья и мѣхъ, особенно горностаи. Мѣха все дорожаютъ и дорожаютъ, а страусовья перья и теперь стоятъ 100 — 300 рублей на шляпу. И чѣмъ эти перья и мѣхъ будутъ дороже и дороже, тѣмъ все моднѣй и моднѣй...

Такова жизнь... Будутъ носить поддѣлку и мечтать о настоящихъ. Вѣками реформируютъ костюмъ, и все больше и больше его усложняютъ. Очень дороги еще перья марабу, и потому тоже очень модны.

Маленькія шляпы въ видѣ турецкой чалмы, порбана и наполеоновскія треуголки съ трудомъ вытѣсняють прежнихъ колоссовъ. На маленькую шляпу нельзя насадить столько перьевъ, какъ на прошлогоднее сооруженіе, и потому прошлогоднія останутся. Ихъ скоро не выведешь

Французы говорятъ, что «настоящая» шляпа отличается тѣмъ отъ нѣмецкой поддѣлки, что она гораздо легче, чѣмъ нѣмецкая. А въ этомъ именно шикъ, тонкость... Тонкость эта обходится въ копѣечку, такъ какъ сшить годятся только перья, поль, легкой шелкъ «либерти» по 13 рублей аршинъ.

Есть дамы, которыя думаютъ, что синія страусовья перья отъ синихъ страусовъ, но они безосновочно, по мимолетному взгляду, отличаютъ дешевый шелкъ отъ дорогого и для того, чтобы Надежда Николаевна повѣрила, что за шляпку заплачено 175 рублей, нужно дѣйствительно заплатить 175 рублей...

Совсѣмъ оригинальный штрихъ этого сезона— черные шелковые шарфы на бѣлой шелковой подкладкѣ съ большими черными кистями по концамъ. Ихъ носить всѣ и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, и на bains de mer. Это несомнѣнно наша зимняя мода.

Кисти и бахрома нопрежнему всюду: не только на шарфахъ, на отдѣлкахъ платьевъ, на сумкахъ, которыя теперь дѣлають на длиннѣхъ шнуркахъ—даже на нижнихъ юбкахъ.

Нелѣпая прическа прошлой зимы, гладкй тюрбанъ, уже брошена. Опять локоны, что много красивѣе. Ихъ также накальвають на голову круглой накладкой, также облачаютъ кругомъ косомъ, продѣтой въ кольца или закрѣпленной ободкомъ изъ металла или ленты. Спереди напускъ, съ проборомъ на-боку.

На выставкѣ въ Брюсселѣ, громко именуемой всемирной, и на японской выставкѣ въ Лондонѣ, гдѣ японскаго только названіе—громадныя витрины платьевъ все тѣхъ же парижско-лондонскихъ фирмъ, но ничего яркаго, новаго. Въ этомъ году портняжные короли оказались менѣе блестящи. Зимнія «créations» появляются въ витринахъ только съ 15 августа, но и теперь уже «по секрету» можно видѣть, какая новая напасть грозитъ мужьямъ и не мужьямъ. Ничего новаго въ фасонахъ, но толь, перья, шитье...

Въ 1910 году парижскіе портные хотѣли ввести въ костюмахъ русскій стиль, но вышло какъ-то неудачно. Изъ русскаго костюма сдѣлали черкеску, а потомъ ее такъ «исправили», что остались однѣ

нашивки, которая носится спереди на жакетах в pendant к подвоям сзади на юбках. Кое-где посадили русскую вышивку крестиком и называют это «славянский стиль»...

Совсем умирает стиль модерн. В этом стиле было много и красиваго, и оно несомненно вернется, останется.

Фельетонъ.

— «Фельетонъ долженъ быть такой, какой Англичане пьютъ чай... побольше чаю, . поменьше воды и пожирнѣ сливки и только одну маленькую чашку...»

«Для того, чтобы такъ вышло, напишите, положите въ столъ и потомъ половину вычеркните, ничего не добавляя. Побольше начинки и поменьше гѣста. И не очень серьезно, даже совсемъ не серьезно.»

Такъ услащивали меня старый знакомый журналистъ.

«— Можетъ быть похоже на loose-leaf book.»

Есть такая английская записная книжка «loose-leaf», листотерялка. Любой листокъ можно вынуть, можно всё переменить—и книжка все будетъ цѣлая.

Въ области удобства и комфорта, комфорта до мельчайшихъ деталей, до такой книжечки, англичане — первые. Я съ громаднымъ удовольствіемъ наблюдаю ихъ въ поѣздахъ, на пароходахъ, въ гостиницахъ—и учусь, какъ создавать комфортъ изъ ничего даже. Французы творятъ моду, англичане до-

бавляютъ къ ней удобство. Съ модой сейчасъ въ Парижѣ маленькая заминка «Jure-culotte» обанкротилась, узкія платья «entravées» надѣли, выпустили какъ новинку «écourtées», укороченное такъ, что виденъ весь ажурный чулокъ, но это идетъ очень немногимъ — только высокимъ и съ красивой ножкой. И немного рискованно! Это не мода, это только антрактъ между модами. Одни говорятъ, что станутъ носить чуть ли не кринолины, другіе пророчать шляпки «bibis» 45-го года.

Пока что, десятки миллионѣвъ франковъ остаются, какъ и всегда, въ Парижѣ за entravées и écourtées. Считаютъ, что изъ Париска вывозится ежегодно въ разныя страны на 100 миллионѣвъ франковъ нарядовъ «при себѣ», безъ таможенной регистраціи. Эти 100 миллионѣвъ надо прибавить къ статистическимъ даннымъ о вывозѣ Франціи

Но и entravée, и écourtée — это не комфортъ, скорѣе наоборотъ. Комфортъ творять англичане. Недавно они выдумали «foot-muffs» — муфты для ногъ. Пушистыя скамеечки и длинный-длинный пушистый лисій хвостъ. Лѣди, садясь въ «ауто», ставятъ ножки въ мягкое пушистое углубленіе скамеечки и укутываютъ ихъ хвостомъ... Что можетъ быть комфортабельнѣе?!

А англійскія кресла, въ которыхъ можно такъ удобно лежать, сидѣть, полулежать со стаканомъ джинджеръ-эля дру и газетой! А чемоданы, которые раскрываются, какъ гармоника, и получается гарде-

робь: ничто не измано, все на мѣсть! А послѣдній англійскій капризь комфорта «traveling-rug», шелковый пледь-манто, такой теплый, удобный, красивый!.

Нужно оговориться — все стоитъ страшно дорого и только имъ, привѣсшимъ считать на фунты, не кажется дорогимъ.

Намъ это не скоро будетъ по средствамъ. Кому по средствамъ, тотъ купить брилліантовья серьги, а не foot-stuff.

Странно, почему англичане такъ любятъ орхиден. Больше всѣхъ, кажется, сэръ Чемберленъ. Онъ вдѣваетъ въ петлицу фрака каждый день свѣжую орхидею. Цвѣтокъ орхиден стоитъ часто 1 000 рублей, брилліантъ остается, орхидея увядаетъ безслѣдно. Это квинтъ-эссенція роскоши, но это уже не комфортъ, не удобство жизни. Это скорѣе должно бы придти на умъ французу. Но, видимо, деньги еще дешевле въ Лондонѣ, чѣмъ въ Парижѣ...

Сейчасъ цѣлькx два мѣсяца я провель съ аргентинцами. У тѣхъ тоже денегъ поразительно много и они хотять подражать англичанамъ. Только хотять еще, подождать придется долго. Они, какъ и мы, не стучились еще ходить стадомъ въ гостиницахъ, на пароходахъ, по улицамъ. Какъ и мы, ходять «своей компаніей», подымая такой шумъ въ читальнѣ отеля или въ lounge *), что думаешь—русскіе.

Но я забываю наставленіе журналиста...

Іюнь 1911 г.

*) Буквальный переводъ - « мѣсто, гдѣ ротозѣйничаютъ »

Марабу, шеншила и женщины.

Кто-то проектировал. Купить в Архангельской губернии кусок земли — стоит это там гроши — огородить его хорошим каменным забором и пустить туда две пары чернобурьих лисиц и несколько хороших мышей.

Потом ждать.

Лисицы будут плодиться и их продавать по 1,000 рублей шкурка (это даже дешево) Мыши тоже будут плодиться и ими будут питаться лисицы, а чтобы было что есть и мышам, мясо лисиц после сдиранья шкурок надо бросать обратно и его будут есть мыши...

Результат mobile из лисиц и мышей.

Можно иметь громадный вечный доход, хотя несомненно цены на меха и упадут по мере развития таких предприятий.

Нельзя ли таким же способом разводить несчастных марабу и шеншиль?..

Всякая шикарная женщина должна теперь носить «згреть» из райской птицы или «марабу», и эти бедные птицы должны погибнуть до конца из-за красивых причесок и модных шляп. Цены на хвосты этих несчастных тварей растут с каждым днем и уже теперь в несколько десятков раз дороже золота, считая на все...

Такъ же необходима шеншила, сѣренькая боливійская мышъ, мѣхъ которой не только не перейдетъ къ внучкѣ, какъ бывало въ доброе старое время съ собольими шубейками и бобровыми воротниками, а изнашивается до конца въ одинъ сезонъ. А мѣнъ рассказывалъ одинъ мѣховщикъ, что на последнемъ мѣховомъ аукционѣ въ Лондонѣ шкурки шеншилы продавались по 250 рублей штука и дороже, на «хорошую» же муфту идти не меньше 14 шкурокъ.

Одна испанка на скетингѣ въ Петербургѣ говорить всегда своимъ поклонникамъ:

— Вы нахалы! Моя одна горжетка стоитъ 50 рублей въ вечеръ!..

Я не знаю навѣрно, носятъ ли сейчасъ эгреты и шеншиту лондонскія суфражистки, но если не носить, то я удивлюсь, почему мужчины противъ женскаго равноправія?¹

Мужьямъ, а особенно просто мужчинамъ приходится горько отъ этихъ эгретовъ (aigre—горькій) и шеншилъ и остается или поддерживать эмансипацію женщинъ, или искусственно разводить марабу.

Хотя вѣроятно, какъ только шеншилы и марабу станутъ дешевы, онѣ тотчасъ выйдутъ изъ моды!..

Харьковъ Январь 1912 г

О костюмѣ, лучахъ мозга и прочемъ.

Женщины, какъ извѣстно искони, дѣлятся на «дамы» и «бабы». Дамы — это тѣ, кто слѣдитъ за модой и одѣвается въ «сезонный» туалетъ. А бабы— всѣ остальные.

Наши русскія дамы оказываются въ особо благопріятномъ положеніи весною и въ неблагопріятномъ— осенью. Въ «городѣ моды», въ Парижѣ, весенній костюмъ съ соломенной шляпой обязательно надѣвать уже на первыя скачки въ Отейль, въ февраль, а у насъ онъ нуженъ только къ концу марта, а если попадетъ какой-нибудь циюнный хвостъ, какъ сейчасъ, и на Пасхальной недѣлѣ ѣздить на саняхъ,—то еще позже, къ апрѣлю. Новыя модели успѣваютъ привезти, скопировать и съ первымъ теплымъ днемъ всѣ одѣты «какъ слѣдуетъ». Осенью хуже, у насъ она много раньше, а первые дома Парижа ни за что не дадутъ моделей въ Петербургъ или куда-либо, пока ихъ не начнутъ носить въ Парижѣ, пока ихъ не покажутъ на своихъ *essayages* Ихъ хранятъ какъ дипломатическую тайну отъ репортеровъ, даже больше, потому что репортеры тайны все-таки узнаютъ.

Нынѣшній сезонъ далъ «англизированный» стиль—почти мужскія пальто и фетровыя шляпы съ эспри или эгретами. Красиво, но, какъ всегда, не дешево.

Гдѣ рождается мода? у кого въ мозгу? Никакихъ собраній портныхъ не происходитъ, никакихъ конкурсовъ, а вдругъ всё начинается нравиться не то, что нравилось!.. Мода не только выдумывается, модное должно поправиться. Не привились же «*juré-sillette*», ни за что не понравится сейчасъ торнюръ, который носили съ удовольствіемъ 25 лѣтъ назадъ, а вотъ кринолинъ, изъ-подъ котораго такъ заодно выглядить хорошенькая ножка, можетъ скоро понравиться такъ это чувствуется.

Мода тоже въ воздухѣ. Потому «тоже», что мы несомнѣнно наканунѣ открытія мозговыхъ лучей, наполняющихъ пространство вокругъ насъ. Они и открыты уже, ихъ можно уже фотографировать (опыты д-ра Котика) на чистой листикъ бумаги и пересылать на какое угодно разстояніе, они могутъ преломиться, разсѣиваться, концентрироваться, только не стеклянными линзами или призмами, а силою воли... Я увѣренъ, что мы совсѣмъ наканунѣ величайшихъ открытій въ этой области.

Пространство вдругъ наполняется новьямъ направлениемъ въ наукѣ, въ литературѣ, вдругъ сразу на разныхъ концахъ земного шара открыли радиоактивность и пошатнули теорію атомовъ, на которой все строилось всего 10 лѣтъ назадъ; также начали летать по принципу тяжелѣе воздуха, нѣсколько человекъ сразу выдумали беспроволочный телеграфъ. Это явилось не отъ одной человѣческой воли. Мнѣ кажется даже, что всякіе ходячіе каламбуры, приличные и

неприличные, тоже изъ воздуха!.. Это выдумываетъ всякихъ «бегемотовъ и гугенотовъ», каламбуры на «сосѣды» и «рояль», кто сочиняетъ всѣ эти вариации на мотивъ «Топкиноизе»? Никогда не найдешь первоисточника, автора, а черезъ полгода всѣ будутъ смѣяться надъ новыми вариациями и созвучіями (въ той стадіи обѣда, когда поселяется уже въ мозгу «микробъ легкомыслія»),

Лучами человѣческой мысли, эманацией этихъ лучей не только наполнена окружающая насъ атмосфера, ими пропитано наше платье, наши вещи, обстановка квартиры... Прочтите интересною книжку американца Мильфорта «о красотѣ и радости».

Вамъ весело въ одной комнатѣ и скучно въ другой, лучи одного мозга вамъ пріятны, будить мысль или даютъ хорошее настроеніе, другіе— антипатичны... Вотъ почему настроеніе можетъ улучшиться отъ того, что вы надѣнете чистую сорочку и смокингъ (рабочій пиджакъ пропитанъ скучнымъ), вотъ почему вкуснѣе обѣды, если всѣ хорошо одѣты!.. Мы скоро подойдемъ къ этому съ точными данными науки, и жизнь станетъ радостнѣй, лучше, а поэтому, можетъ быть, совсѣмъ не такъ легкомысленны дамы, какъ думаютъ тѣ, кто платитъ по счетамъ портнихъ.

Въ мірѣ осталось еще много интереснаго даже тамъ, гдѣ видѣли только легкомысліе!?

Петербургъ.
Апрѣль 1912 г.

О соусъ кумберлэмдъ и прочемъ.

На улицахъ Нью-Йорка и Чикаго лошади скоро будутъ диковинкой—все автомобили, автобусы и автофургоны. Посмотрите на иллюстраци американскихъ Collier's и Leslie's—у подъездовъ театровъ ни одной лошади, сплошная лента ландолъ и лимузинсовъ. Улицы стали чище, но наполнились особымъ запахомъ перегорѣлаго масла и бензина.

Жизнь мѣняется удивительно быстро, съ внѣшними условиями ея мѣняется отчасти и организмъ. Одинъ мой знакомый, — впрочемъ человекъ весьма извращенный—увѣряетъ даже, что ему весьма приятенъ этотъ запахъ перегорѣлаго бензина изъ автомобилей. Ему, повторяю, и вообще нравится многое странное.. Особенно его вкусъ оригиналенъ въ отношеніи женщинъ. Авторъ книжки «О, женщины!» всю причудливость вкуса приписываетъ женщинамъ, у нихъ такіе странные «излибъ» капризовъ. Авторъ знаетъ хорошо то, о чемъ писать, но и мужчины не отстаютъ...

Жизнь нашего времени, можетъ быть, утратила былую идилличность, но ощущенія несомнѣнно стали тоньше, разнообразнѣе, жизнь интереснѣе теперь, чѣмъ была для нашихъ дѣдушекъ.

Взда «на долгихъ»—милое, хорошее воспоминаніе, но все-таки лучше мягкій, свѣтлый, эластичный

лимузинъ, на которомъ за полчаса можно успѣть про-
 ѣхать версты 20 по островамъ, чтобы потомъ пообѣ-
 дить у Эрнеста или Фелисьена подъ звуки «спа-
 ньоль» или «tango», — какъ зовутъ сейчасъ «квэку»,
 чилийскій національный танецъ, это совсѣмъ не ар-
 гентинскій tango.. Если бы классическій Лукулль
 пообѣдалъ въ хорошемъ современномъ ресторанѣ,
 гдѣ-нибудь въ Argemouville въ Булонскомъ лѣсу—
 ему стало бы стыдно за свои лукулловскіе обѣды съ
 паштетами изъ соловьиныхъ языковъ, кипрскимъ
 виномъ, тяжелымъ, клонящимъ ко сну какъ портеръ,
 невкуснымъ...

Кулинарное искусство уже дошло почти до пре-
 дѣла, но свои большіе шаги оно сдѣлало въ послед-
 нія 100—150 лѣтъ всего. Уже дѣдушка Крыловъ
 умеръ отъ raté-foie-gras соусъ кумберлендъ, но Лу-
 кулль, несомнѣнно, такого блюда не зналъ и проба-
 влялся прѣсными соловьиными языками...

Что еще остановилось почти у точны—это моды.
 Мудрили, мудрили портные и на «сезонъ 1912» дали
 тѣ же раpiers, что мы видѣли на модницахъ XVIII сто-
 лѣтія, почти тѣ же физмы, чуть-чуть поменьше. И
 дальше пойдутъ тоже повторенія. Страусовыя перья,
 марабу, paradis, шеншила, горностаи, газъ, легкой
 бархатъ. ткани liberty — и дальше нусуда, опять
 сначала. А жаль этихъ облегающихъ узкихъ тонкихъ
 платьевъ, безъ юбокъ, съ однимъ трико, въ которыхъ
 женщины были такъ изящны, эластичны...

0 балетъ.

Бенефисъ кордебалета—это маленькое «событіе», на него собирается «весь Петербургъ», всякій, кому дорого мнѣніе «княгини Мары Алексѣвны», здѣсь..

Балетъ. Какая узкая, отмежеванная для немногихъ область и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько глубокаго смысла!

Въ послѣдніе годъ-два нашимъ балетомъ восхищаются Парижъ, Лондонъ, Нью-Йоркъ. Это было для нихъ неожиданностью, что изъ страны «zampog», «kosak» и «knout» (Французы уже сдѣлали «knouter») пришло изящество, грація, пластика. И тамъ сказали: «Въ Россіи сохранилась еще настоящая аристократія»..

Это странно, что «балетъ» и «аристократія» — связываютъ, но это и вѣрно. Съ нашей аристократіей росъ балетъ. Кто изъ «великихъ» или «высшихъ» Россіи не отдалъ ему свою дань? Кто изъ нихъ не имѣлъ въ жизни поры увлеченія балетомъ, начиная отъ Пушкина и кончая нынѣ живущими?

Это отзвукъ минувшей роскоши, воспоминаніе о блескѣ королевскихъ дворцовъ, о богатствѣ феодаловъ,— еще раньше и еще больше—о золотомъ вѣкѣ Рима, Афинъ, Карфагена..

Какъ экзотическое изящное растеніе, нашъ балетъ выращивался капризомъ сильныхъ и большими деньгами. На своей родинѣ, въ Италіи, онъ уже за-

хирѣль, а у насъ живеть... живеть именно только у насъ.

Американцы имѣють деньги. чтобы создать балеть еще болѣе роскошный, но это невозможно: у нихъ нѣтъ протекшихъ годовъ, столѣтій, которымъ создается традиція. Это какъ хорошее бургундское, нельзя сегодня создать тѣ бочки и подвалы, въ которыхъ выдерживается вино, тамъ на родинѣ, во Франціи.

Микробы кло-де-вужо плодятся сотнями лѣтъ, это своя раса микробовъ въ этихъ подвалахъ... Нужно время, нужно прошлое...

Особая каста изящныхъ людей, съ красивыми жестами и красивымъ тѣломъ, создалась поколѣніями, десятками лѣтъ школы для каждаго.

Балеть—это школа изящества и красоты

Сидя вчера въ переполненномъ залѣ Маринскаго театра, среди красивыхъ женскихъ туалетовъ, смокинговъ и фраговъ, я думалъ: «Нужно хранить нашу балеть, какъ традицію, какъ красивое, изящное, уходящее » Особая атмосфера среди цвѣточныхъ корзинокъ на сценѣ, когда занавѣсь подымается на вызовы, въ коридорахъ биткомъ набитыхъ, съ бритыми заслуженными камердинерами (они умрутъ и больше такихъ не будетъ), въ розово-голубыхъ тонахъ декорации «Шопенианы»,—атмосфера особого марка, хранящаго память о нашихъ дѣдахъ и прадедахъ, былой лихой молодости, красивомъ легкомыслии, о томъ, что уходить...

Нѣчто гастрономическое.

Двое парижанъ отъ нечего дѣлать держали пари, что одинъ угоститъ другого обѣдомъ изъ 5—6 экзотическихъ блюдъ, въ которыхъ трудно будетъ даже опредѣлить, изъ чего они приготовлены.. Изъ напитковъ предлагавшій ручался только за ликеръ, но рѣшено было попробовать «снѣ конкурс» и еще нѣкоторые

Название блюда и его описаніе подавались одновременно въ запечатанномъ конвертѣ, и приглашенное «жюри» изъ признанныхъ гурме должно было рѣшать, узнано кушанье или нѣтъ

Нужно сказать, что это было еще зимою, но писать объ этомъ я рѣшился только лѣтомъ, когда мозгу простиительно отказываться отъ вопросовъ болѣе серьезныхъ. Хотя что серьезнѣе желудка — еще надо подумать...

«Супъ изъ копченькъ китайскихъ трепанговъ» — былъ на первое. Что-то напоминающее черепаху, сильно разваренное, съ достаточнымъ количествомъ кайенскаго перцу. Съ такой приправой можно было съѣсть одинаково и кусокъ кожаной обивки дивана...

«Tourteau Mexicain», — мексиканская раковина — нѣчто въ родѣ муля или эскарго, но величиною съ добрую курицу... Какъ выяснилось, бываетъ даже на plat du jour у Прюнье (въ Парижѣ).

Красное вино подали густое, крепкое, в роде бургонскаго «музини» или «ришбура», но терпкое, не тонкое.

«Ne grand vin»—рѣшило жюри. Это было чилийское, premier cru. но молодое. Къ случаю было сказано:

«Говорять, что хорошо только старое вино, сыръ и сигары... Согласенъ насчетъ вина, сыръ подь сомнѣнiемъ, но кто выдумалъ, что хороши старыя сигары? Протестую»

На третье была «фежуада»

Нѣчто совершенно черное, опять съ паприкой, оны же кайенской перецъ. Фежуада — бобы жаркаго климата, черныя, какъ угли. Хозяинъ прочелъ цѣлую лекцію. Бобы развариваютъ, заливаютъ острымъ соусомъ и посыпаютъ обильно мандюкою. Мандюка — хлѣбъ тропиковъ. Корень растения въ роде свеклы, высушенный и смолотый, по виду какъ манная крупа. Эту крупу ѣдятъ вмѣсто хлѣба, насытая прямо въ тарелку, будь то супъ или жаркое.

Одинъ членъ жюри замѣтилъ, что если блюдо и очень экзотическое, зато вкусно можетъ быть только на негритянскій желудокъ...

«Новинки туалета и кухни могутъ идти только изъ Парижа»—замѣтилъ другой, а третiй добавилъ даже, что «кулинарiя—это самая законченная наука, и ничего новаго въ ней уже открыть нельзя. Философы дѣлали большiя ошибки, забывая кухню, когда трактовали о безконечности мира и формъ его. Повара уже въ туникѣ!»...

Въ Сѣверномъ Атлантиче- скомъ океанѣ.

I.

«Mauretania»—четырёхвинтовой пароходъ компаниі Cunard. Ему принадлежитъ рекордъ скорости на океанѣ *).

Отъ Сэнди-Гукъ, около Нью-Йорка, до Дантс-Рокъ близъ Ливерпуля переѣздъ въ 5 дней 5 минутъ. Средняя скорость 24,42 узла въ часъ (около 43.1/2 версты), но пароходъ развиваетъ скорость и до 27.1/2 узловъ. Длина парохода 113 сажень, тоннажъ 32.500, машины нѣчто колоссальное — 70.000 лошадиныхъ силъ.

Всего два года назадъ пароходъ «Deutschland» компаниі «Гамбургъ-Америка», имѣющій 37.800 силъ и «Wilhelm II» съ 40.000 силъ «Norddeutscher

*) Августъ 1908 года

«Lloyd's» были первыми в мире, теперь уже четыре парохода больше их и с сильнейшими машинami. Немецкой Lloyd никак не хочется оставить пальму первенства за англичанами и его «Кронпринцесса Цецилия» меньше чем на узел в час отстают от «Мавритани». Все время идет соревнование, и о скорости пишутся целые статьи и в Европе и в Америке. По роскоши в отделе пароходов немецкие даже впереди. Странно, что американцы в этом отношении отстали и до сих пор нет ни одной хорошей американской линии по океану. На Тихом океане они тоже уступают японцам. На пароходах же пассажирами часто сплошь американцы. Они едят гораздо больше в Европе, чем мы к ним

Перевозы через океан в обыкновенной каюте 1 класса стоят около 230 руб., но есть каюты и много дороже, до 2.000 руб. Эти дороги, ничем особенно не отличающиеся, занимают задолго вперед и всегда американцами. Не только «200» миллионеров Нового Света, но и простые смертные аме-

риканцы желают получить всегда самое дорогое. Океанский день проходит наполовину в еде. Едят удивительно много. В 8 часов утра брек-фаст — первый завтрак, блюдо из пяти. Будит фанфара. В 10.1/2 часов обносят бульоном с триситами. Эти «триситы», довольно невкусное печенье из овсяной муки, в Сев. Америке всюду. Их крошат и в молоко, и в бульон, и в чай,

и ѣдят такъ. Если зайти въ Нью-Йоркъ къ Чайльдсу*), то 3/4 ѣдят трискиты съ молокомъ. Рестораны «Чайльдсъ и К°» въ Нью-Йоркъ и нѣкоторыя другія города Америки на каждомъ шагу. При американской дороговизнѣ въ нихъ сравнительно дешево, и въ каждомъ изъ нихъ обѣдаютъ и завтракаютъ по нѣсколько тысячъ человекъ. Прислуживаютъ женщины, на чай обыкновенно не даютъ. Весь ресторанъ помѣщается въ одной комнатѣ, и жарница смертная. Ледяная вода и электрическія вѣера не помогаютъ. Въ ресторанахъ большихъ гостиницъ обѣда стоитъ безъ вина не менѣе пяти рублей, но и это покажется дешево, если принять въ расчетъ, что извозчикъ отъ вокзала беретъ по таксѣ 8 рублей.

Въ часъ или половина второго ланчъ — второй завтракъ, блюдо изъ семи. Потомъ кофе, сигары. Въ четыре часа чай со сливками и всякими кексами. Въ семь — обѣдъ блюдо изъ восьми или больше. Опять кофе и сигары, у американцевъ часто трубка. Благодаря морскому воздуху и тому обстоятельству, что постоянно бродишь по палубамъ, все это съѣдается легко. Утромъ на-тощакъ всё ѣдятъ дѣнно, апельсины, «гаре-фрутъ», въ родѣ лимона, но гораздо больше величиною и сладкій. Сразу очень нравится, потому надѣбаетъ. Обязательно ѣдятъ ложечкой. Мужчины умудряются еще кое-что выпить и закусить въ барѣ

*) Это то же, что «лашонсъ» в Лондонѣ и «Дюваль» в Парижѣ

или «вѣнскомъ кафе», какое есть на нѣкоторыхъ пароходахъ. Дамы жуютъ все время что-нибудь. Американцы — «гуму». Этого гуму, особенно пепсинь-гуму, крайне противнаго на вкусъ, сжевывается въ Америкѣ громадное количество.

Хотя Маркъ Твенъ и писалъ цѣлыя дифирамбы американской кухнѣ и заказывалъ изъ Европы къ своему приѣзду въ Америку обѣды изъ 66 блюдъ «настоящихъ американскихъ», мы ихъ столомъ не восхитимся. Есть американцы не умѣютъ. Едятъ очень быстро и совсѣмъ не священнодѣйствуютъ при ѣдѣ, какъ французы. Если замѣшкаетесь, слуга стоитъ надъ душой и укоризненно смотритъ въ ротъ.

Того «настоящаго американскаго кофе» съ «настоящими американскими сливками», о которомъ мечталъ Твенъ, и «настоящаго добраго американскаго соедаго масла», я такъ и не нашелъ. Хлѣба дѣйствительно множество сортовъ, но ни одного нѣтъ такого вкуснаго, какъ нашъ московскій хлѣбъ. Картофель, вотъ онъ дѣйствительно хорошъ, недаромъ его родина Америка. У насъ такого нѣтъ. Зато его и подаютъ въ 20 различныхъ видахъ. Картофель вареный въ кожурѣ, картофель вареный безъ кожуры, вареный въ кусочкахъ, вареный на медленномъ огнѣ, вареный быстро, печеный. Такимъ же количествомъ спосособъ картофель жареный всячески, картофель по-турецки, картофель сладкій, картофель со сметаной и т. д., и т. д.

Мясо, какъ это ни странно, плохое, жарятъ плохо

и всякіе «сирольныя» и «тендерлыныя» совсѣмъ не вкусны. Всюду имбирь, рисъ и лукъ. Вонючая морская рыба, на сладкое вѣчный пирогъ съ яблоками и черникой или пудингъ съ кастардомъ. «Кастардъ»—какое-то жидкое варево, въ родѣ шоколада со специфическимъ вкусомъ. Его пьютъ и чашками и ѣдятъ во всякихъ видахъ. Дѣти мечтаютъ всегда о гумѣ и кастардѣ

II

Между завтракомъ и обѣдомъ сидятъ на палубѣ въ лонгъ-шезахъ и «пищеварятъ». На нѣмецкихъ пароходахъ играютъ въ карты, особенно въ покеръ. На палубѣ шэфльбордъ, бросанье кольца, резиновыхъ кружковъ. Все это (кромѣ покера) надоедаетъ и начинается высчитыванье, сколько миль еще итти. Измѣреніе пройденнаго пути вывѣшивается въ полдень и на число миль держатся крупныя пари. Нѣчто въ родѣ тотализатора съ аукціономъ. Высматриваютъ ледяныя горы, занесенныя въ Гольфстремъ, китовъ, которые хотя и рѣдко, но появляются у Ньюфаундлендскихъ банокъ. Встрѣчныя суда видны только у материковъ, въ океанѣ пароходы идущіе въ Америку держатся болѣе сѣвернаго курса, чѣмъ обратныя, верста на 100.

На пути въ Америку супки 25 часовъ, обратно 23; поэтому, ѣдучи туда, всѣ встаютъ очень рано, обратно просыпаются брѣakfastъ.

Пароходы въ этомъ году пусты. Дѣла трансатлантическихъ компаній неважны. Но ждутъ снова оживленія денежной кризисъ въ Америкѣ начинаетъ проходить, а отъ него зависятъ все.

Пароходный оркестръ играетъ и за завтракомъ, и за чаемъ, и за обѣдомъ. На нѣмецкихъ пароходахъ всюду встрѣчаютъ пассажировъ тоже съ музыкой. На английскихъ все чиннѣе, серьезнѣе. Меньше попрошайничества на чай, которое у нѣмцевъ удивительно развито. Но веселѣе на нѣмецкихъ, кормить тоже лучше, вѣрнѣе, съ большими прихотями.

Принято привозить на пароходъ цѣлыя. Многие берутъ цѣлые ящики и сохраняютъ въ холодильникахъ всю дорогу.

Къ обѣду большинство мужчинъ въ смокингахъ.

Англичане—тѣ всѣ безъ исключенія. Джемъ считаются шикарнѣе бѣлые брюки, темносиній пиджакъ и бѣлые ботинки, дамы къ обѣду передѣваются обязательно. Если не привились костюмы *merveilleuse*, то колоссальныя шляпы, пущенныя только что Парижемъ, очень нравятся американцамъ. Шляпы носятъ до 6 футовъ въ окружности, и американскія газеты, чтобы наполнять чѣмъ-либо свои 20 страницъ, печатаютъ цѣлые столбцы интервью о шляпахъ, переданныя якобы по кабелю изъ Европы. Вообще наши газеты много серьезнѣе и у насъ немалосимо было бы наполнять ихъ тѣмъ, что печатаютъ американскія. Если попадется въ удачный день хорошее убійство или разбитый автомобиль, то это матерьяль для трехъ

страницъ. причемъ одна статья на первой страницѣ, другая на седьмой и еще на девятой.

Въ библиотекѣ разложены сотни безымятныхъ книжечекъ, рекламъ американскихъ и английскихъ желѣзныхъ дорогъ. Описанія путешествій по всему свѣту для *globe-trotter'овъ*, цѣлые томы Кука. И вообще видѣть описанія Гавайевъ, Флориды, Испаніи, Новой Зеландіи, даже Персіи, и нигдѣ ни слова о Россіи точно ея все еще нѣтъ на земномъ шарѣ. Кругосвѣтные путешествія намѣчены по самымъ разнообразнымъ вариантамъ, но тамъ, гдѣ они доходятъ до Россіи, они непременно сворачиваютъ или въ Китай, или въ Индію, или въ Новую Зеландію. О Великомъ Сибирскомъ пути нигдѣ ничего. Настолько ничего, что одинъ, видимо культурный, американецъ спрашивалъ меня: «Возстановлена-ли уже Сибирская дорога послѣ Японской войны?»...

И не потому не знаютъ о насъ, что не хотятъ знать, а потому, что мы молчимъ, молчимъ и ждемъ, пока насъ попросятъ. А здѣсь предлагаютъ, печатаютъ миллионы проспектовъ, описываютъ, рекламируютъ. Здѣсь сами просятъ, чуть не навязываютъ. Англичане говорятъ, что мѣсяць путешествія больше, чѣмъ годъ въ университетѣ. И когда путешествуешь, путешествуешь не въ Карлсбадъ, а путешествуешь ради путешествія, встрѣчаешь англичанъ, американцевъ и нѣмцевъ. Насъ, русскихъ, нѣтъ. На Ніагарѣ, гдѣ бываетъ въ годъ около миллиона туристовъ, глядятъ съ удивленіемъ, когда скажешь, что русский.

Здѣсь знаютъ русскихъ евреевъ, грязныхъ и очень бѣдныхъ, евреевъ, которые ненавистны американцамъ за готовность работать по страшно низкимъ для Америки цѣнамъ. Культурнаго русскаго почти не видать здѣсь.

А американцы тратятъ въ годъ больше 200.000.000 руб. на путешествіе. Всѣ желѣзныя дороги въ Америку, какъ извѣстно, частныя, и одна компанія старается превзойти другую въ изяществѣ и рекламности своихъ проспектовъ. И какъ рекламу предлагаютъ пассажирамъ «самые удобные въ мѣрѣ вагоны», «самый быстрый поѣздъ въ мѣрѣ», «поѣздъ — миля въ минуту». Соревнованіе даетъ постоянное безостановочное движеніе впередъ и дешевизну тарифовъ. Кстати сказать: изъ 89 желѣзнодорожныхъ компаній только 7 (въ 1907 году) не дали прибыли сверхъ погашенія облигационныхъ %%. Всѣ остальные даютъ большіе дивиденды акціонерамъ, и эти дивиденды растутъ ежегодно.

III.

Реклама и американецъ—это давно сиюнымы и реклама какой-нибудь «Castoria» или «Coca-cola» стоитъ миллионы, но оплачивается съ пользой. Здѣсь не купю навязывать товаръ, а дѣлаютъ сначала спросъ на него, дѣлать потребителю «жидкое мыло», «жидкое мыло», «жидкое мыло» и купецъ беретъ охотно это жидкое мыло у фабрици, когда его начи-

нають спрашивать. Я не хочу сказать этимъ, что нужно рекламировать Сибирскую дорогу какъ «жидкое мыло», но ненормально, что мы какая-то terra incognita. Стоитъ сейчасъ заговорить съ американскимъ дѣльцомъ о дѣлѣ въ Россіи, и онъ дѣлаетъ печальное лицо, затягивается сигарой и говоритъ: «Мы не знаемъ этой страны.. и боимся». И то, что насъ боятся, выражается цифрами нашей промышленности, нашего экспорта*).

Въ Петербургѣ я обратился за справками объ океанскихъ линияхъ въ агентство стальныхъ вагоновъ. Помимо общей нелюбезности, тамъ не знаютъ даже, что существуютъ такіе пароходы, какъ «Луизианія» и «Мавританія», нѣтъ не только плановъ пароходствъ и цѣнъ, но даже простого расписанія отплытій. Мнѣ пришлось указать имъ, что эти расписанія напечатаны даже въ обыкновенномъ нѣмецкомъ путеводителѣ Reichs- Kursbuch. Жаль, что у насъ въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ агентства «Cook & Son». Тамъ совсѣмъ другое отношеніе къ своему дѣлу.

Въ Америкѣ ежегодно издается, по образцу англійскаго, большой альманахъ въ 1.000 страницъ (стоитъ 58 коп.) со статистическими свѣдѣніями буквально обо всемъ, начиная со сбора кукурузы и кончая годами всѣхъ артистовъ міра. И каждый американецъ читаетъ этотъ альманахъ, видитъ, какъ колоссально растутъ въ немъ изъ года въ годъ цифры

*) За 4 истекшихъ года многое, къ счастью, уже измѣнилось.

его американской торговли и промышленности (и года артистокъ тоже) и съ самодовольствомъ думаетъ: «Миръ будетъ нашъ»...

Миръ не будетъ американскимъ, и американцу живется вовсе не такъ привольно, но всетаки...

Еще черточка изъ этого альманаха. У нихъ пустое мѣсто тамъ, гдѣ у англичанъ родословная короля, принцевъ, маркизовъ, вообще лордовъ, и американцы наполнили его родословными своихъ миллиардеровъ, или какъ они зовутъ «мульти-миллионеровъ». Подробная генеалогія со всѣми деталями каждого. Это тоже короли! Объ ихъ прѣдѣхъ и костюмахъ пишутъ страницы въ газетахъ, ихъ именами зовутъ учрежденія. Оно понятно впрочемъ. Я обокрелъ въ Нью-Йоркѣ нѣсколько музеевъ и на всемъ видѣль надписи «presented». Все подарено частными лицами.

IV.

Но вернемся на океанскій пароходъ. Часа въ 4 выходитъ пароходная газета. Извѣстїя получаютъ по беспроволочному телеграфу — «маркивиграммы». Установлены сообщенія съ берегомъ и съ пароходами въ пути. 3/4 телеграммъ — результатъ скачекъ, олимпийскихъ игръ на франко-британской выставкѣ, спортъ. Если спросить англичанина фразу — «что новаго?»—онъ отвѣтитъ: «Кэмбриджъ побѣдилъ»... или «Америка взяла въ полѣ»...

На английских пароходах утром в воскресенье богослужение. Стол покрывается английским флагом, капитан читает Евангелие, всё пюють под оркестръ. На немецких—в половине восьмого оркестръ фан-фарь играет молитвы. И такъ торжественно, при-мѣшвно звучать эти гимны среди безпредѣльнаго океана. Человѣкъ покоришь невѣдомое и Невѣдомому играет гимны...

Все идетъ хорошо, пока нѣтъ сильной качки. Тутъ все мѣняется. Нѣтъ средствъ отъ морской болѣзни, кромѣ привычки. Даже сила воли не помогаетъ. Со мною ѣхалъ русскій, который все время твердить—«море любить сильныхъ». Эту фразу будто бы говорилъ всегда Вильгельмъ II, пока не привыкъ къ морю. Но этотъ русскій одинъ изъ первыхъ улегся, когда начало качать.

И на пароходахъ, и въ Америкѣ мало пюють алкоголя. Это сразу бросается въ глаза, по крайней мѣрѣ въ восточныхъ штатахъ. Что бы ни спросить, прежде всего подають стаканъ воды со льдомъ. Во всѣхъ гостиницахъ специальный звонокъ «ice water». Пюють имбирное пиво, имбирный эль, ice-soda, лимонь-скашъ, ice-coffe, ice-tea, кока-колу, ликеры со льдомъ. Въ ликерахъ и винахъ, какъ и въ ѣдѣ, американцы не смыслятъ. Все цѣнится привозное, французское. Есть одинъ только американскій ликеръ «Forbidden-fruit», и тотъ «запрещенный» и очень скверный. Въ нашихъ американскихъ барахъ безусловно половина «American drink», о которыхъ сами американцы и не слышали...

Американскія сладости нѣчто омерзительное. До тонкостей жизни они еще не добрались и пока Америка живетъ только одной мыслью «дѣлать долларъ». Европейцу скучно въ Америкѣ, зато американецъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ гдѣ-либо въ «Rat-mout'ъ» или у Maxim'a. Тѣмъ болѣе, что ему кажется здѣсь все неизмѣрно дешево при счетѣ на франки.

Еще добавлю. Извѣдывая полъ-Америки, я нигдѣ не видалъ, чтобы клвали на столъ ноги, чтобы курили при дамѣ безъ спросу, даже чтобы очень громко разговаривали въ присутствіи постороннихъ, а входилъ въ лифтъ, когда тамъ дама, снимають шубу...

Путешествіе и спортъ

Конкуренція творить чудеса.

Англійская трансатлантическая компанія Cunard только два года назадъ построила свои величайшіе въ мірѣ пароходы-колоссы «Лузитанія» и «Мавританія». Теперь, только что, конкурентной англійской же компаніей «Бѣлая Звѣзда» (White Star) заложены два парохода въ полтора раза больше! Называться они будутъ «Титаникъ» и «Олимпикъ».

Чтобы яснѣе представить себѣ колоссальность такого судна, слѣдуетъ вспомнить, что наши большіе пароходы, ходящіе по Черному морю, не больше

2.000 тонн, а самый большой пароходъ Добровольнаго флота «Москва»—11.660 тонн.

Строятся эти атлантическіе «левифань» въ Бельфасть (Англія) въ докахъ «Харланъ и Уолъфъ». Скорость предполагается больше 20 узловъ. Длина пароходовъ 1.000 футовъ, т. е. больше $\frac{1}{4}$ версты; въ движеніе они будутъ приводиться комбинаціоннымъ дѣйствіемъ паровыхъ турбинъ и обыкновенныхъ паровыхъ машинъ; стоимость двухъ пароходовъ 3.500.000 фунтовъ (около 34.000.000 рублей). Пароходы предназначаются исключительно для пассажирскаго сообщенія...

Первое паровое судно, пересѣкшее океанъ, была «Британія», — это было въ 1840 году. Тоннажъ «Британіи» былъ всего 1,154.

«Скотія», бывшая величайшимъ пароходомъ въ мірѣ въ 1862 году, имѣла водоизмѣщеніе въ 3,871 тонну, а Колумбъ впервые пересѣкъ Атлантическій океанъ, когда ѣхалъ открывать Америку, на парусной «Santa Maria», 60 футовъ длины, 233 тонны... На теперешнихъ громадахъ спасательные баркасы больше этой игрушки.

Уже теперь путешествіе черезъ океанъ является большимъ удивленіемъ, съ постройкой же новыхъ роскошныхъ пароходовъ, все громадѣе и громадѣе, оно станетъ пріятной прогулкой, въ родѣ ѣзды по Волгѣ. Морская качка станется все менѣе и менѣе чувствительной, по мірѣ увеличенія массы судна, а чудный воздухъ океана, необыкновенный аппетитъ ему

сопутствующій, цѣлый рядъ удовольствій на пароходѣ, интересные люди, какъкъ встрѣчаешь тутъ, новизна впечатлѣній—все это такъ заманчиво.

На недавно построенномъ атлантическомъ пароходѣ «Адріатикъ» устроены роскошныя турецкія баня; на лучшихъ пароходахъ Тихаго океана и Южнаго Атлантическаго—цѣлые бассейны для купанья на галубѣ.

Къ намъ въ Россію боятся ѣхать, думая, что у насъ подь Петербургомъ грабятъ черкесы, а мы боимся, какъ никто, сдвинуться вообще. Недавно, ѣдучи въ сибирскомъ экспрессѣ, я выслушивалъ жалобы англичанъ, которые рѣшили проѣхать въ Китай по нашей Сибирской дорогѣ. За границей имъ продали билеты до Харбина на международный сибирскій поѣздъ, а поѣздъ Варшавско-Вѣнской дороги опоздалъ въ Варшаву на три часа, курьерскій Брестской ушелъ, въ Москву вовремя они не прибыли и билеты пропали. А они стоятъ больше, чѣмъ по 100 рублей. Поѣзда Варшавско-Вѣнской дороги опаздываютъ ежедневно, и я самолично потерялъ недавно такимъ же образомъ спальный билетъ и вдобавокъ еще ждалъ въ Москвѣ 2 дня багажа.

Вотъ гдѣ складывается мнѣніе о насъ и боязнь Россіи! О насъ предпочитаютъ писать издали, и пишутъ поэтому, что у насъ изъ мѣха воблы шьютъ шубы или рисуютъ нашу тройку съ тремя дугами...

Сколько прелести въ путешествіи, съ какимъ запасомъ силъ прѣзжаешь обратно!

Въ октябрь 1909 г. отправляется изъ Нью-Йорка чудный пароходъ «Арабикъ» специально съ туристами, въ кругосвѣтное путешествіе, на четыре мѣсяца *).

Онъ посѣтитъ Канарскіе острова, Египетъ, Цейлонъ, Индію, Тропическую Голландію, Китай, Японию. На пароходѣ ѣдутъ лекторы-специалисты, въ интереснѣхъ мѣстахъ организуются путешествія по сушѣ, приготовлены оталы и все это стоитъ, включая всѣ издержки, не больше 1.500 руб. И я увѣренъ, что на этомъ пароходѣ не будетъ ни одного русскаго.

Путешествіе и спортъ! Этого недостаетъ намъ. А если путешествіе—университетъ, то спортъ—здоровье. Въ жизни англичанъ, американцевъ, шведовъ, спортъ занимаетъ почти все свободное время, ему отводится гораздо большее мѣсто, чѣмъ у насъ даже такому универсальнѣйшему занятію, какъ винтъ, макао и проч. карточныя игры, и въ 50—60 лѣтъ англичанинъ, даже «хорошо» и много пожившій, еще свѣжъ и бодръ, а у насъ нарастаетъ брюшко и дрябнуть мускулы уже къ 40.

Мы старимся въ 40 лѣтъ, мы боимся поѣхать верхомъ, боимся взобраться на турникетъ, мы не умѣемъ играть въ шаръ или теннисъ. Послѣ двухъ-трехъ сильныхъ движений у насъ одышка и багровѣетъ лицо.

Мнѣ было стыдно смѣяться, ѣдучи на океанскомъ пароходѣ, какъ смѣшны оказывались мы, русскіе, ко-

*) Такіе рейсы совершаются теперь уже по нѣскольку въ годъ, отъ разныхъ компаній.

гда неловко было отказаться играть в шэфль-бодь. Нашъ сильный на видъ, здоровый, молодой джентльменъ швырялъ свою деревяшку при самыхъ смѣшныхъ усиліяхъ на 5 — 6 сажени и непременно въ сторону, а у англійской, весьма позылой лэди она со свистомъ летѣла на 10—и попадала именно туда, куда нужно...

Англичане много ѣдятъ, даже много пьютъ алкоголя, но послѣ этого они въ движеніи на свѣжемъ воздухѣ, на водѣ, на лужайкѣ, на дворѣ, а мы играемъ въ винтъ. Я знаю одного пожилого господина, который при всякомъ недомоганіи начинаетъ усиленно двигаться, беретъ душъ или ванну, растаиваетъ себя самъ шпательцемъ—и онъ никогда не болѣетъ. Пока онъ носилъ особенно теплыя пальто и кашю, у него почти полгода былъ насморкъ — теперь онъ никогда не надѣваетъ кашю и не знаетъ насморка.

Впрочемъ, это не въ Петербургѣ!...

На послѣдней франко-британской выставкѣ этимъ лѣтомъ я видѣлъ на стадіумѣ гонки велосипедистовъ, состязанія въ бѣгѣ, плаваньи, игрѣ въ поло, на призы жертвуемые компаніями желѣзныхъ дорогъ. На эти состязанія допускались только желѣзнодорожные служащіе, а рекорды, какіе они давали, были близки къ всемірнымъ.

Почти сплошь здоровый, полный жизни народъ, а не нашъ анемичный рабочій или желѣзнодорожный конторщикъ.

Призы заставляютъ работать надъ собой, тренироваться цѣлый годъ, чтобы выйти побѣдителемъ на

состязаніяхъ, и вмѣстѣ съ удовольствіемъ сохраняются годы здоровья.

Спросите англичанина, чѣмъ онъ занимается въ свободное время. Сто изъ ста отвѣтятъ «спортомъ». Спросите у шведа, какое значеніе имѣетъ гимнастика, и онъ скажетъ, что безъ гимнастики онъ не представляетъ себѣ здороваго духомъ и тѣломъ человѣка.

Когда недавно американцы, побѣдители на олимпийскихъ играхъ въ Лондонѣ, вернулись въ Америку, имъ устроили въ Нью-Йоркѣ торжественную встрѣчу, какъ народнымъ героямъ. Это была инициатива Рузвельта, и онъ лично раздавалъ награды.

Это не буффонада, въ этомъ большой смыслъ, это одно изъ средствъ развивать у націи любовь къ спорту, это важнѣе многихъ мѣропріятій санитаріи и гігіены. У насъ спортъ выродился въ ставки на лошадей, а нужно *движеніе, работа мускуловъ, усиленное дыханіе.*

Провѣжайте по Англии, — и у всякой усадьбы, у всякаго города вы увидите дѣтей и взрослыхъ, играющихъ въ теннисъ, футболъ, поло, въ любую погоду. Пойдите въ 4 часа въ Гайдъ-паркъ, и вы увидите сотни изящныхъ женщинъ верхомъ, и когда такая наѣздница, съ раскраснѣвшимся личикомъ, изящно, но крѣпко пожимаетъ вамъ руку, узнаете смыслъ спорта и становится стыдно за свои дряблые мускулы.

У насъ мало жизнерадостности и, какъ это ни странно, ей надо учиться у жителей холодной, туманной Англии.

Парижъ лѣтомъ.

Какъ всегда лѣтомъ изъ года въ годъ, въ большинствѣ театровъ Париска идутъ обзорныя Темы однѣ повсюду *). Клемансо, диплодокусъ Карнеги, дѣло Рошеттъ, городской-полиглотъ. Проектъ обученія парижскихъ городовыхъ иностраннымъ языкамъ въ особой школѣ при полицейскомъ управленіи дѣйствительно тема благодарная. Парижскій полицменъ разговариваетъ съ лондонскимъ «бобиз» по карманному словарю съ переводами—«Ножикъ нашего добраго доктора меньше зонтика вашего священника». Или—«Есть ли у вашей бабушки бѣлая нитка?»—«Нѣтъ, благодарю васъ, у моей бабушки нѣтъ бѣлыхъ нитокъ, но у моего дѣдушки есть черный носорогъ»... «Не нога ли это того иностранца?» и т. д. При этомъ англійскія слова читаются по-французски. Театръ хохочетъ.

Всюду играютъ новый танецъ Kic-King, что-то въ родѣ матчиша и кракетъ. Всюду забавляются новой «сахарской» пѣсенкой Vouss-Vouss-Mé, понятно, чистѣйшимъ твореніемъ Париска. Пѣсенка очень оригинальна, мелодична и навѣрное ее скоро будутъ всюду наигрывать наши ресторанныя и шантанныя оркестры. Мы идемъ сюда, но оказываемся всегда хорошими учениками, какъ только дѣло касается бездѣля!

*) 1908 годъ.

Въ угоду щедрымъ гостямъ американцамъ, въ большой модѣ у парижанъ американская музыка, и такіе игривые мотивы, какъ «The belle of New-York» и американскій гимнь играютъ во всякомъ кафе и американцы трогательно аплодируютъ послѣ каждаго раза.

Достойно вниманія кстати отношеніе англичанъ къ своему «God save the King». Гимнь играется всюду и всегда, гдѣ нужно и не нужно. Въ антрактѣ любого спектакля, на иподромѣ, въ ресторанѣ гостиницы, на пароходахъ—постоянно, неукоснительно всё, какъ одинъ человекъ, встаютъ, потомъ аплодируютъ.

Такъ и читаешь при этомъ на лицѣ англичанина известную фразу: «Если бы я не былъ англичаниномъ, то я хотѣлъ бы быть англичаниномъ!» И если для ученой фантазіи остается неразрѣшенной задачей созданіе одного мирового языка и новоявленные «лингвисты» вымучиваютъ изъ головы всякіе эсперанто и волапоки, то для англичанина этого вопроса не существуетъ: онъ желаетъ всюду говорить по-английски, и его всюду понимаютъ.

Англичане говорятъ: «Въ 1800 г. говорили по-английски 20 мил., въ 1900 г. говорили уже по-английски 150 мил., а въ 2000 году » Но что бы ни было въ 2000 году, сейчасъ ни одному гражданину Соединенныхъ Штатовъ Америки не приходится въ голову считать своимъ языкомъ какой-либо иной, кромѣ англійскаго, и если на собраніи американскихъ нѣмцевъ или французовъ, гражданъ Америки, кто-либо захотѣлъ бы говорить съ кафедры не по-английски, его бы ошкарли. «I speak american»...

Послѣ прошлогодней новинки, вставокъ кинематографическихъ сценъ въ пьесы и обзорнія — въ этомъ году ничего новаго Парижъ еще не придумалъ. Развѣ электрическій прожекторъ не на сцену, а со сцены. Артистка освѣщаетъ то того, то другого зрителя съ подходящими куплетами.

Послѣ Максима и Рамора входитъ въ моду кабачокъ Abbaue, а американцы, уѣзжая къ себѣ въ Нью-Йоркъ, ставятъ парижскіе «Follies 1908» (безумства) въ своихъ театрахъ и зовутъ свои журналы-магазины: «The black cat» (черная кошка), въ подражаніе французамъ.

Всѣ эти журналы—«magazines»—крайне однообразны, заполняются матеріаломъ, рассчитаннымъ на массу, и изобилуютъ объявлениями. Рядомъ съ педисинь-гумомъ находите оригинальное объявленіе «спеціальной авторской конторы», подыскивающей сбытъ «литературнымъ» произведеніямъ на всѣхъ языкахъ и дающей рекомендаціи писателямъ. Учрежденіе оригинальное, чисто американское! По мнѣнію американцевъ, занятіе коммерческимъ дѣломъ такъ же почетно, какъ и трудъ ученаго, писателя или врача. Все это одинаково интеллигентный трудъ дѣланіе доллара труднѣе всего другого и требуетъ наибольшаго развитія. Въ этой черточкѣ кроется одна изъ причинъ американскаго богатства. И когда спрашиваешь американца, что въ Америкѣ особенно хорошо, что у нихъ есть отличнаго, своеобразнаго, они откровенно отвѣчаютъ:—«Долларъ, долларъ, и еще.. тоже долларъ!..»

Парижъ. Rat Mort.

Почему тут весело? Прежде всего неизменно дорого и тѣсно. И то, что тѣсно, больше всего создаетъ ту особую атмосферу, въ которой хочется быть веселымъ. И весело.

Сюда идутъ только въ смокингахъ и фракахъ. Въ Парижѣ, кто можетъ тратить такъ много, тотъ всегда въ 12 часовъ ночи въ смокингѣ или фракѣ.

Привычные, подобранные специально музыканты улавливаютъ малѣйшее настроеніе, ловятъ моментъ, чтобы музыка ему помогала. Постѣ моднаго вальса изъ «Веселой вдовы», памп-пама, Kic-King'a, улыбаясь, проталкивается сколо столиковъ негръ. Вымытый, какъ моротъ только въ Парижѣ и Лондонѣ, воротничекъ еще бѣлѣе на шоколадномъ тѣлѣ. Негръ самодовольно оглядываетъ присутствующихъ и вдругъ заливается смѣхомъ, какъ хохочутъ только негры. Въ тактъ заигрывающей американской пѣсенки онъ выстукиваетъ головоломное па, вдругъ прерываетъ его и опять гогочетъ, точно увидѣлъ что-то необычайно смѣшное. Потомъ, цѣпляясь за столы, танцуетъ поло испанка... Потомъ «Madame Chocolate», негрятка, неистово пляшетъ кэк-вокъ. Всѣ смѣются, и когда негрятку сбиваетъ съ па проталкивающийся гарсонъ съ новой бутылкой шампанскаго, хохочутъ еще больше. Музыканты тоже смѣются, они тутъ же

среди столиков. Народно фальшивяты,—и это еще больше смѣшить.

Посреди танца вдругъ переходяты на американскій игривый «The belle of New-York», такъ какъ входятъ два новыя посѣтителя—американцы. Шефъ оркестра услышалъ «I Goes...», увидѣлъ подстриженные усы и типичные бопинки, и смѣло перешелъ на «американскій гимнъ».

Негръ, котораго прервали на па, гогочетъ во всю мочь, онъ тоже американецъ. А американцамъ, которыя встрѣтили ихъ мотивомъ, сразу весело.

Шампанское на всякомъ столикѣ и всякую новую бутылку гарсонъ выкрикиваетъ на всю залу «Кликъ энглянды»... «Демъ Шандонъ драй», «Демъ Кордонъ...»

Много «деми», полубутылочъ. Но ихъ всегда по нѣсколько на столѣ. Это особая шикъ, и хороший французскій лакей всегда предлагаетъ полбутылки... «У насъ есть дивное brut 1890»...

Еще и главное—женщины. Сюда ихъ или приводятъ мужчины, или онѣ состоятъ при кафе. Есть и monde, но больше demi - monde'a. Одна другой шикарнѣе, всѣхъ національностей и разновидностей. Это не бульварныя «дѣвочки», а demi-mondains высшего круга - à cinq-dix louis. Онѣ остроумны, всегда говорятъ на двухъ-трехъ языкахъ, много видѣли, прекрасно одѣты. Нѣтъ бьющихъ въ носъ декорельтэ, но есть умѣлое подчеркиванье того, что красиво, что нравится. Нѣтъ грубаго приставанья, но

есть до утонченности доведенное умѣнье взять много денегъ. Хотя нерѣдка и неоплачиваемая близость со случайнымъ мужчиной, такъ, просто по праву женщины выбрать иногда себѣ то, что нравится, разъ она сама хороша и всегда продается

Шампанское помогаетъ веселью, какъ ничто, а шампанское въ соединеніи съ порочной женщиной веселитъ даже холоднаго брита Н, гдѣ-либо глубоко безразличный, полный холоднаго достоинства, англичанинъ тутъ хлопаетъ въ ладоши и заливается смѣхомъ..

Входитъ еще посѣтитель, все занято, нѣтъ столика Кто-то узнаетъ, что это японецъ и, поды смѣхъ и возгласы «Japonaiz».. «Japonaiz» на одномъ изъ диванчиковъ тѣснятся и даютъ ему мѣсто Онъ тоже смѣется, пока ему наливаетъ изъ своей бутылки шампанское одна изъ женщинъ. Во что ему обойдется шампанское—это впереди.

Оркестръ не рѣшается играть заунывный, точно похоронный маршь, японскій, гимнь, но зато шефъ очень мило улыбается японцу.

Настроение идетъ crescendo, хотя и негръ, и не-гритянка, и испанка уже надоели. Кто-то за столикомъ, такъ что слышно кругомъ, уговариваетъ эффектную сосѣдку французенку что-нибудь спѣть. Та какъ будто конфузится, отказывается. Кто-то говорить—«Это артистка пѣвица»... и сосѣди, а за ними и вся зала присоединяются и хоромъ просятъ спѣть. Та наконецъ встаетъ. Всѣ умолкають. Подъ акомпан-

нимать оркестра она поет Поет хорошо. Нестово аплодируют всё Просят еще Продолжают аплодировать в такт Оркестр играет тушь Она опять поет Голос сильный После высокой ноты вся зала разражается бурей восторга.. Аплодируют, что-то кричат, стучат Соседь пвнцы больше всѣх в восторгѣ Онъ уже стоит на диванѣ, что-то кричит и неимоверно аплодирует, семеня ногами, какъ маленькія дѣти, когда имъ нужно выйти. Но это еще не выражаетъ его восторга полностью Онъ цѣлуетъ руки пвнцы, лѣзетъ на спинку дивана, срываетъ, точно обезумѣвъ, постышно держа, какъ обезьяна, съ бра лампочку и разбиваетъ ее Зала гогочетъ

Послѣ оказывается, что и эта пвница, и ея соседь постоянные посетители Рамора, но дѣло сдѣлано. Находятся подражатели. Какой-то сухопарый англичанинъ, по настоянію соседей, танцуетъ испанскую джигу, потомъ матчишь съ негритянкой, потомъ по созвучію съ джигой ирландскій джигъ.

Шампанское туманитъ мозгъ и обостряетъ чувство, пара за парой требуютъ счетъ. А оркестръ играетъ какому-то русскому «Ночи безумныхъ»... потомъ компаниі американцевъ «The stars and stripes for ever».

Здѣсь бываетъ весело.

Пустячки.

Милый Париж! Сколько в нем легкомыслия, пустяковъ, и какъ скучна была бы жизнь безъ нихъ! Остальная жизнь, какъ и во всякомъ громадномъ городѣ, а пустячки—это особенное, душа Парижа. Изъ нихъ, изъ этихъ пустяковъ, создается индивидуальность его, характеръ жизни ему одному свойственный.

Подите на «баль» на Монмартръ, особенно въ субботу, въ какой-нибудь «*Ball tabarin*» присмотритесь, что тутъ не такого, какъ у насъ? почему здѣсь какъ-то иначе?

Все пустячки! Войдете, вамъ дадутъ въ руки вертушку, изобрѣтеніе изъ куска картона, спички и кусочка бумажнаго пергамента. Немножко возьмете, повернете изъ любопытства, и она затарахтитъ — и довольно. Только это и требовалось! Вы протарахтите одинъ разъ, а другому понравится, онъ нѣсколько. Къ тому же есть «свои», которые гремятъ нарочно безъ устали. И получается сразу какой-то хаосъ звуковъ (играетъ оркестръ), и уже сразу какъ-то не такъ, какъ у насъ.

Второе не менѣе важное занятіе — бросаніе серпантинъ. Если вы не будете сами бросать, то непременно будете отпугиваться отъ нихъ, такъ какъ васъ забросаютъ другіе, и чужіе, и «свои».

Мальчуганы бѣгаютъ неустанно продавая объемистыя пачки серпантинъ, надрываются отъ усердія побольше продать, а нѣсколько специальныхъ взрослыхъ людей крайне дѣловито и спѣшно срываютъ серпантинъ, всюду висящіе, и сгребаютъ съ пола большими вораками.

Одни спѣшать какъ можно больше насорить, другіе—убрать, а третьи—продаютъ. Всѣ крайне спѣшать!.. Что можетъ быть пустяшнѣе? А вотъ въ этомъ-то и суть здѣшной жизни, въ этомъ-то и черточка.

Можетъ быть это кристаллизациа самой нашей жизни? Можетъ быть это тончайшая иронія? Но мимо, дальше отъ неразрѣшимого! Особенно въ Парижѣ, гдѣ царствуетъ культъ минуты.

Какъ малому ребенку (и взрослому тоже), Парижу всегда нужна новая забава, новый пуствячокъ. Помимо скандальныхъ происшествій, процессовъ, пьесъ—новая мода, новый танецъ, новая бездѣлушка на бульварѣ. Мода особенно, и творчество въ этой области занимаетъ и весьма серьезныхъ людей, въ культѣ все того же бога—золота.

Танецъ для текущаго сезона—«Argentine». Понятно, съ Аргентиной онъ не имѣетъ ничего общаго: какъ всегда, это парижское издѣліе, кромѣ развѣ костюма, дѣйствительно аргентинскаго.

Костюмъ южно-американской пампы, костюмъ «гаучо» оригиналенъ, красивъ тѣмъ, что новъ для глаза. Темъ, танца медлительный, mixte-pickles изъ

потанского, восточного и матчиша. Музыка — по кусочку отовсюду.

Последний изгиб моды*) еще в созидании, незаконченный—«*jupe-silotte*», юбка с шароварами. Изгиб, не лишенный остроумия. Узость платья дошла до предела, идти дальше некуда и, прежде чѣм перейти, вѣроятно, на очень широкія, что будет особенно выгодно и портным и фабрикантам, такъ какъ узкаго никакъ въ широкое не перешьешь, рѣшили разрѣзать внизу узкое платье, или с боковъ, какъ у Прекрасной Елены, или спереди, какъ... (не знаю у кого?), а чтобы не было холодно и неприлично, подъ платья надѣли шаровары или иного фасона штаны...

Вчера на скачкахъ въ Отейль у выхода дежурила большая толпа, только чтобы взглянуть на *essayeurs* больших фирмъ: ихъ посылаютъ обязательно на скачки въ новыхъ моделяхъ. Что модели нужно показывать на скачкахъ, это если не законъ, то во всякомъ случаѣ освящено обычаемъ, категорически установлено.

Даже на самомъ «*resage*» на скачкахъ, гдѣ за входъ платятъ 20 фр., за *essayeurs*'ами ходятъ по пятамъ. Англичанки нерѣзительно улыбаются, многимъ парижанкамъ эти *silottes* нравятся, большинство относится нерѣзительно...

Въ Парижъ ѣздить покупать костюмы, но еще

*) Январь 1911 года.

важнѣе (если это важно) здѣсь учиться носить ихъ. Вотъ эти пушечки Парижа уже граничатъ со врожденнымъ пониманіемъ красоты, граціи, съ изяществомъ.

Замѣчено, если въ Парижѣ носятъ шляпы въ 1 аршинъ, у насъ будутъ носить въ 1.1/4 или еще больше; если здѣсь войдутъ въ моду открытые жилеты, то у насъ ихъ откроютъ до послѣдней пуговицы. Мы всегда «моднѣе» Парижа!

Носить костюмъ труднѣе, чѣмъ создать его. Маленькій штрихъ, незначительность, опять пушечка— все мѣняетъ. Посмотрите когда-нибудь, что дѣлаетъ парижанка со своими боа и горжетками. Мало того, что она надѣнетъ красиво, а не какъ компрессъ на шею; горжетка непременно поползетъ у нея въ нужный моментъ съ одного плеча или съ другого, поддерживая или собираясь поддерживать горжетку, она изящно подберетъ платье, потомъ передастъ кавалеру муфту и сумку и еще перчатки, если нѣтъ на рукахъ собачонки, потомъ поправитъ горжетку такъ, чтобы она опять куда-нибудь поползла...

Это движеніе, жизнь, а не компрессъ!..

Марабу, покрытые плѣсенью.

Въ кафе Режансь, около Лувра, въ Парижѣ, къ ночи собираются актеры, художники, журналисты, публика изъ театровъ.

Полно, музыка.

Почти всѣ были въ театрѣ и пришли подѣ впечатлѣнiемъ его. Говорять объ этихъ впечатлѣнiяхъ. Иные бродили по бульварамъ, ожидая, когда кончатъ въ театрахъ, и входятъ въ кафе только вмѣстѣ съ остальными, дѣлая видъ, что тоже были. Многие знаютъ другъ друга, если и не знакомы, многихъ знаетъ прислуга...

Здѣсь когда-то Наполеонъ игралъ въ шахматы. Здѣсь часто бывалъ Ж.-Ж. Руссо. Остались на почетныхъ мѣстахъ предметы, напомившiе ихъ, хотя кафе и перестроено.

Рядомъ за столикомъ громко говорятъ, вѣроятно художники. Иной мiръ, иные интересы, иное пониманiе окружающаго, хотя и звенитъ среди фразъ презрѣнный металлъ.

Говорять о «дивныхъ горшкахъ» одного парижскаго фабриканта-художника. Эти горшки — по нашему вазы—живутъ, умираютъ, рождаются въ печи на обыкновенномъ огнѣ и на grand feu Ихъ красить до обжига казими-то особенными секретными красками; въ огнѣ краски мѣняются не только оттѣнками,

но и цвета, надо чуть-чуть угадывать, какой выйдет. Статуэтки из бисквита покрываются таске этой эмалью, получается в огнь любой оттенок, даже золото. Огнь коробится от страшной жары, лопаются с выстрелом, если попадет хотя крохотный пузырек воздуха, удачно выходит только одна из нескольких.

Родившись в огнь, керамики живут.

— Точно стоит в густом тумане, — говорят об одной какой-то фигурке женщины, особенно удачно вышедшей из обжига.

А в саду у самого фабричного стоят два марабу, — покрылись шпесьею, потёками, мхом, патинной, приобрели недостижимое искусственно выражение, и «имеют цвѣтъ»...

Я вспомнил памятники «льва» в Люцерне и наши отполированные глыбы среди пыльной мостовой с фонарем и городовой рядом.

— Хотѣли покрыть роскошную мѣдную дверь: чѣм только ни терли и ни вытраивали — выходило неудачно... не давался вѣковой налет. Бились, бились — бросили, а через два мѣсяца она сама вдруг зацвѣла... Отчего? — так и не доискались: вѣроятно бактерии!

Это говорят про какой-то дом-дворец известного миллионера.

Один, видимо архитектор, рассказывал, как не мог вдолбить какому-то домохозяину, что натуральный известняк несравним ни с какими искус-

ственными мраморами.. «Поймите, въ немъ житье время и его сживляеть, а вашу композицию оно только разрушить. Натуральный камень даетъ черезъ нѣсколько лѣтъ выпоты, потеки, ту красоту, которую мы, люди, создать безсильны..

— Ничто не живеть, какъ туфь, на немъ цѣлая флора и фауна,—говорилъ кто-то.

Потомъ толковали о миниатюрахъ на слоновой кости, потомъ смѣялись надъ кѣмъ-то, кто увѣрялъ, что можно поддѣлать старья табакерки.

— Подъ краснѣ подложена фольга, съ изнанки тоже рисунокъ, но въ другихъ тонахъ. И эта фольга и даетъ яркость, она вмѣстѣ съ этими просвѣчивающими тонами и дѣлаетъ эту неуловимую неопытнымъ глазомъ прелесть старинной работы.

Говорилось съ любовью о томъ, какъ клеить испорченныя миниатюры, переплетать слои кости, какъ сживляеть старья табакерки, и мнѣ казалось, что я тоже уже умѣю любить эти реликвии вѣка прабабушекъ.

Расходятся тутъ въ 2 часа, тушить электрическія люстры, убирать посуду, уходятъ музыканты, но кафе все еще открыто. Я все еще сидѣлъ окруженный горшками одного и двухъ обжиговъ, керамиками, старьями табакерками, покрытыми плѣсенью марабу, которымъ «цѣны нѣтъ», униками, какія создаетъ только вкусъ человѣка въ сочетаніи со временемъ и которые нужно умѣть любить. Тогда интереснѣе жизнь..

Объ автомобиляхъ, русской торговой палатѣ и прочемъ.

Количество автомобилей у насъ въ Россіи очень мало, прямо ничтожно, даже въ отношеніи того крохотнаго протяженія дорогъ, годныхъ для проѣзда, какое есть у насъ.

Еще въ Петербургѣ, Москвѣ перевалило за тысячу, а въ другихъ городахъ смѣшныя цифры— 52, 38, 12... Зато какъ удивительно быстро множатся автомобили въ такихъ странахъ, какъ Франція (Не говорю уже о Сѣверной Америкѣ, гдѣ ихъ 300.000). Множатся въ прогрессіи.

Мнѣ нужно было по дѣлу побывать въ Парижѣ на нѣсколькихъ автомобильныхъ фабрикахъ. Я пораженъ былъ тѣмъ, что услышалъ. Говорить не о цѣнѣ автомобиля, а—

«А къ какому сроку можете сдать?»

На одной фабрикѣ все продано по августъ, на другой—по июнь и т. д. Въ гаражахъ большихъ фирмъ сплошь набито автомобилями, а продажныхъ 1—2: всѣ остальные или проданы, или въ починкѣ отъ клиентов. Впрочемъ, у французовъ характерная черта — непременно послѣднюю модель, непременно то, что модно. Старые продаютъ за 1/2 цѣны, часто дешево, и спѣшатъ покупать модное. Теперь модно кароссеріи «торпедо», глубокое, лодкообразное, и всѣмъ подавай «торпедо», непременно

Постепенно оставляют типъ тяжелыхъ, очень сильныхъ машинъ, переходятъ на болѣе легкия, болѣе поворотливыя и изящныя, силъ въ 16—20., не больше

По дѣлу же нужно мнѣ было получить справку: «Сколько въ Парижѣ автомобилей?» Въ русскомъ консульствѣ, понятно, не знали, но указали, что вѣроятно можно узнать въ «Bureau statistique» при парижской полициѣ. Но тутъ я вспомнилъ да вѣдь въ Парижѣ есть «русская торговая палата», какъ разъ и назначенная для всякой коммерческой освѣдомленности и помощи въ русско-французскихъ торговель дѣлахъ.

«Chambre de Commerce Russe, rue Tronchet, 25»

Отправился туда

Въ воротахъ дома 25 меня встрѣтили консьержъ

— Гдѣ здѣсь русская торговая палата?

— Никакой тутъ русской палаты нѣтъ!

Я удивился, потомъ показалъ консьержу печатный адресъ палаты, именно здѣсь.

— Tiens!.. Это вѣрно тамъ, въ четвертомъ налѣво...—Смилостивился консьержъ.

Со двора по винтообразной лѣстницѣ я полѣзь въ «четвертый налѣво»; хотя бы лифтъ, ничего подобнаго!

Въ «четвертомъ налѣво» открылъ французикъ, не имѣющій и отдаленнаго предствленія о русскомъ языкѣ. Онъ провелъ меня въ комнату со столомъ посрединѣ и съ книжными полками по стѣнамъ. На одной стѣнѣ пожелѣвшая карта желѣзныхъ дорогъ

России — издание которого года, не знаю, но, например, Ташкентской дороги на ней совсем нѣтъ еще и въ проектѣ. На другой стѣнѣ французская карта Донецкаго бассейна, на третьей французскій календарь. И все...

Полная тишина, низкій потолокъ, атмосфера бабушкиной усадьбы, людей — никого, кромѣ французика, что открывалъ дверь, и секретаря палаты, въ другой комнатѣ. Съ нимъ я и бесѣдовалъ.

Не узнавши ничего по моему дѣлу (объщали навести справки), я сталъ говорить вообще о функцияхъ палаты. Функции такая, что лучше и не говорить. Пустое мѣсто! Палата, оказывается, ни по какому министерству «не состоитъ», а существуетъ на членскіе взносы какихъ-то невѣдомыхъ членовъ; невѣдомыхъ въ томъ смыслѣ, что ни палата ими, ни они палатой не пользуются. Весь бюджетъ палаты 14.000 франковъ въ годъ, съ «квартирой и харчами»,—сюда входитъ и жалованье всемъ служащимъ, и помещеніе, и канцелярскіе расходы, и чрезвычайные—однимъ словомъ все. Пишущая машинка есть только одна — съ французскимъ шрифтомъ, на русскую нѣтъ средствъ!.. И стало мнѣ стыдно. Это въ Парижѣ! Это русская торговая палата!

Старо и скучно было бы рассказывать о томъ, какъ работаютъ торговые агенты, не палаты, а просто агенты другихъ государствъ, какое они громадное подспорье для торговли тѣхъ государствъ, какъ создаются ими новые рынки. Это извѣстно.

Лицо, стоявшее во главѣ русской торговой палаты, бываетъ въ ней разъ въ недѣлю, по пятницамъ, отъ часа до двухъ. Лицо это не говоритъ по-русски. Видѣть это лицо невозможно и въ пятницу, такъ какъ въ теченіе часа оно не успѣваетъ подписать и бумагу,—куда же тутъ съ людьми!..

А казалось бы, какое широчайшее поле для работы, какое интересное дѣло, какую громадную пользу можно принести русско-французской торговлѣ, нашему товарообмѣну

P S Въ предыдущемъ очеркѣ я писалъ о *jure-culotte*

На парижскомъ бульварѣ *jure-culotte* виситъ въ воздухѣ Газеты пишутъ о ней, камло продаютъ альбомы ея фотографій, вездѣ *carte-postale* съ *jure-culotte*, проходящимъ женщинамъ смотреть въ ноги—не въ штанахъ ли?

На первомъ представленіи столько наскандалившей пьесы «*Après moi*» въ «*Comédie Française*» артистка *Provost* играла въ *jure-culotte*, ей шикали. На слѣдующихъ представленіяхъ она играетъ въ обыкновенномъ платьѣ.

Нѣсколько крупнѣйшихъ портныхъ Парижа объявили въ газетахъ, что они ни одной модели *jure-culotte* не выпускали, другіе всячески пропагандируютъ ее.

To be or not to be? Но во всякомъ случаѣ эти «*dames en culottes*» совсѣмъ не изящны.

Январь 1911 г.

По Швейцаріи.

Изъ дорожныхъ впечатлѣній.

Страна горныхъ видовъ, сине-зеленыхъ озеръ съ пароходами, коровъ съ бубенчиками и туристовъ. Больше всего туристовъ, съ Бедкерами, съ биноклями, съ сумками черезъ плечо, любопытныхъ, надоедливыхъ, лѣзущихъ во всякій уголокъ.. Если уйдете съ горной тропинки и спрячетесь на минутку, тотчасъ найдутъ васъ. Найдутъ, посмотрятъ и пойдутъ дальше искать красивыхъ видовъ.

Ездить въ экипажахъ мало принято, на автомобиляхъ и того меньше. Больше по-нѣмецки, пѣшкомъ. Пѣшкомъ и по городу, пѣшкомъ и по горамъ. Настоящій швейцарскій туристъ считаетъ долгомъ слазить на всѣ скрестныя горы и непременно съ Пилатусъ-Кульма посмотреть на Риги-Кульма, а съ Риги-Кульма на Пилатусъ-Кульма.

Проѣхавши по городу, спрашиваетъ себя:

— А гдѣ же живутъ сами горожане? Все отели...

Половина городскихъ магазиновъ торгуютъ видами, фотографіями, альбомами, картъ-постальями. Швейцарія живетъ туристами и вся какъ-то приспособилась къ нимъ. Если бы одинъ годъ въ Швейцарію вдругъ не пріѣхали туристы, половина жителей, вѣроятно, разорилась бы, некому было бы продавать, некому услуживать. Швейцарскіе отели съ

швейцарской прислугой и въ Англии, и во Франци, и даже въ Америкѣ. Это стало специальностью швейцарцевъ, какъ выдѣлка часовъ, какъ рѣзба по дереву. Всюду услуживаютъ, получая на чай.

На таможенныхъ почти не осматриваютъ багажа, но зато въ вагонѣ очень внимательно отбираютъ всё чемоданы и пакеты потяжелѣе и просятъ заплатить за провозъ. Можно везти въ вагонѣ при себѣ, но только уплатите за провозъ по вѣсу. На пассажирскій билетъ даромъ не везется ни одного килло, хотя тарифъ не низкій. Всюду одно стремленіе—«мы тебя не стѣсняемъ, но заплати».

Кто не знаетъ, что Швейцарія очень красива, особенно Бернскія Альпы, Интерлакень, Люцернъ, но больше двухъ-трехъ дней я никакъ не могу просидѣть здѣсь. Это гортанное, горное «ай-ю», подхватываемое горнымъ эхомъ, переливы бубенчиковъ въ горныхъ долинахъ, на горизонтѣ снѣговые зубцы горъ со своими глетчерами, пропастями, горными дугами и отелями, — все красиво, поэтично, но быстро надоедаетъ. Все тѣ же виды при закатѣ солнца и виды при восходѣ солнца, тѣ же любопытныя лица туристовъ. Все, что видишь на третій день, кажется, что видѣлъ уже нѣсколько разъ, давно.

Можетъ быть мало пищи для мысли, нѣтъ шири, потому такъ быстро прѣдается.

Исторія тоже пристегнута къ чужимъ, въ услуженіи. Съ XV вѣка швейцарцы служили наемнымъ войскомъ то у одного правителя, то у другого. Слу-

жизнь чуждым за хорошую плату вошло в кровь народа.

«Прелестный край невинности святой,
Гдѣ никогда не вѣдали измены,
Гдѣ сохранилась вѣрность старины...»

Такъ пишетъ Шиллеръ. Но то было въ XIV вѣкѣ, во времена Вильгельма Телля. Къ тому же историки утверждаютъ, что и Вильгельмъ Телль только мифъ...

Лучшій памятникъ въ Швейцаріи—это несомнѣнно Löwendenkmal въ Люцернѣ. Проектъ Торвальдсена. Памятникъ высѣченъ въ природной скалѣ, въ паркѣ. Скала срѣзана отвѣсной стѣною съ одной стороны, въ ней сдѣлано углубленіе, гротъ, и тамъ лежитъ умирающій левъ. Онъ положилъ голову на штыгъ, одной лапой обхватилъ когте, другая бессильно свѣсилась со скалы,—и умираетъ, пронзенный когтемъ.

Выше и ниже грота, на той же скалѣ, на трещинахъ ея, покрытыхъ мохомъ, надвиги. Передъ скалой запущенный нарочно тивктыи прудъ, съ осоклой и золотыми рыбками, кругомъ много густыхъ деревьевъ, нарочной сырости, тѣни. Изъ скалы, точно случайно, течетъ въ прудъ тоненькая струйка воды, и ея тихій плескъ такъ тутъ умѣстенъ...

Очень красиво, даетъ настроеніе, производитъ впечатленіе именно то, какого хотѣлъ художникъ. Именно и этотъ тивктыи прудикъ съ золотыми рыбками, и сырость, и тѣнь, и струйка воды—все вмѣстѣ.

Вокругъ памятника сдѣлано настроеніе. Всѣ молча

смотреть или говорить тихо... Громко тут не хочется говорить—нарушить картину.

Кажется именно так нужно строить памятники, а не только каменную глыбу прямо на мостовой, рядом со столбом трамвая.

Памятник построен в воспоминание о швейцарцах, служивших у Людовика XVI и погибших в бою с якобинцами в 1792 году

Въ Венеціи.

Пока смотришь на ихъ вычурныя, точно точенныя зданія, картины, ихъ скульптуру, такую яркую, полную жизни, движенія, — любишь этотъ народъ, проникаешься къ нему уваженіемъ.

Любишь его за его прошлое. Но только становяешься въ настоящемъ тамъ, гдѣ нужно или можно платить или получать деньги, — все мѣняется, сердяшься, возмущаешься.

Еще былъ у васъ билетъ прямого сообщенія изъ Вѣны въ Миланъ черезъ Местръ—(Венецію), а кондукторъ въ пѣздѣ увѣряетъ, глазомъ не моргнувши, что за пѣздъ Местръ-Венеція и обратно нужно доплатить ему, кондуктору, по 2.1/2 лвы. И такъ прямо, увѣренно смотритъ въ глаза, что невольно вѣришь ему. Оказывается потомъ, что надуть онъ васъ...

Гондольеръ, а съ нимъ и швейцаръ отелъ увѣряють, что съ мѣсяцъ, какъ такса за гондолы повышена, но еще не успѣли отпечатать.

На piazza S. Marco покупаль камень изъ раковины и дали фальшивый билетикъ въ 5 лиръ.

Какой-то субъектъ у собора S. Marco присталь, что за входъ въ соборъ не во время службы нужно уплатить ему лиру.—«Съ тѣхъ поръ какъ обвалилась сапраніа, на постройку»!..

Въ магазинахъ съ размѣченньихъ цѣнъ еще скидка процентовъ 50, если поторговаться.

Ницѣ всюду, изъ магазиновъ прямо охота, облава на иностранцевъ...

Но вотъ другое.

И все-таки другое сильнѣе!

Рядомъ съ S. Marco въ палатю Дожей въ воротахъ мраморная доска. Часть дворца построена недавно, послѣ пожара, въ 80-хъ годахъ. «Шебисци-томъ города Венеціи, провинціи Венеціи, Мурано»... ит. д.

641.758—si voti—за постройку.

69—no voti—противъ постройки.

273—nulli—не голосовали.

Одинъ изъ 10.000 только противъ постройки! Между тѣмъ это ненужное, практически ненужное зданіе, это только памятникъ искусства.

И любяшь здесь на треть нящихъ венецианцевъ, когда на бѣдной старухѣ красиво накинута шаль,

когда рабочий в грязной блузе тут же в магазин выскочает из мрамора женщину в вуали, и вуаль выходит как-то из грубых штрихов мрамора, когда мелодично поют за поворотом канала, или насвистывает на улице голоногий оборванный мальчуган и узнаешь знакомую арию. Вспоминаются здесь имена Тициана, Поля Веронеза, Леонардо да Винчи.. Венеция!.. Сколько бессмертного прошлого, сколько имен и событий воскресает в памяти!

Varogetti, пароходики и моторные лодки шмыгают по каналам, обгоня ленивые гондолы. Кажется, будто смываются они над гондолами. «Мы пришли, парь, электричество... конец вам... идите плавать на Лету»...

Гондальер, что везь меня по широкому каналу di Marco на выставку, бурчал что-то сердитое каждый раз, когда гондолу подбрасывали волны пароходиков. И таким бессильем звучало это бурчание. Они, эти пароходики, наполовину съели уже заработок гондальера, скоро и вовсе съедят. Гондолы будут в музеях. Удобная, поворотливая, быстрая моторная лодка, на которой в часе можно объехать всю Венецию, лучше, понятно, гондолы, еле двигающейся, с надвигившимся, грязным, вечно клякущим на чай гондальером! И гондоль все меньше.

Это город без экипажей, лошадей и пыли. Здесь нет городского шума, вёрвие, он совсем особенный плеск воды, скризы гондальеров в поворотах каналов, чтобы не столкнуться, гулки шаги

въ узкихъ какъ щели уллицахъ, бой часовъ и просто перезвонъ колоколовъ, какой-то особенный, мистическій... Ни разу не слышалъ собаки. Кое-гдѣ орутъ неистово ободранные ребятишки, и только удивляешься, какъ они не тонуть на половину здѣсь, гдѣ прямо изъ дверей—въ воду. Еще въ шумѣ уллицы кто-нибудь насвистываетъ порой и почти всегда хорошо. Или напѣваетъ красивымъ голосомъ, напѣваетъ ради мотива, а не скабрезнаго содержанія.

Въ гавани больше всего пароходовъ англійскихъ. Въ чигальнѣ отеля (хозяинъ французъ) $\frac{2}{3}$ журналь — англійскіе...

Здѣсь всюду святой Маркъ: храмы, площади, уллицы, каналы, пароходы, гондлы, даже кафе—все святого Марка. Башни святого Марка упала, какъ извѣстно, но въ будущемъ году ее окончатъ вновь, точь-въ-точь такую же, какъ была прежняя. Изъ такого же розоваго камня. На площади S. Marco золотой левъ—тоже символъ св. Марка.

На площади св. Марка я видѣлъ, какъ англичанка кормила голубей прямо съ руки. Потому она спокойно, но громко, по-англійски, спросила что-то у рядомъ стоящаго итальянца. Тотъ не понялъ, зато второй уже отвѣтилъ ей, а она скривила улыбку презрѣнія. «Она удивляется, какъ онъ можетъ не понимать по-англійски»... Я позавидовалъ англичанкѣ, какъ много разъ раньше завидовалъ. Она англичанка! «Мы вездѣ дома», написано на ней. «God save the King» я слышалъ въ маленькомъ отелѣ

въ Марсалѣ, въ Сициліи «God save the King» поють среди океана на атлантичесіихъ пароходахъ; «God save the King» пѣли однажды при мнѣ на пароходѣ около Норль-Капа. И въ этомъ разговорѣ съ итальянцемъ на площади Святого Марка мнѣ также слышалось «God save the King».

«Это гимнь культурѣ», сказали мнѣ одинъ англичанинъ, и я не засмѣялся.

И, сидя въ Венеціи, когда пишешь лѣтомъ въ жару о томъ, что само собою, безъ участія воли, слетается въ голову, — пишешь тоже на половину объ англичанахъ.

«Все въ прошломъ», такъ и хочется подумать въ Венеціи. Въ великомъ, вѣчномъ прошломъ, но въ прошломъ.

Отъ каналовъ несетъ тухлой, грязной морской водой. Стѣны домовъ запысьсневѣлыя, и такъ и кажется, что плаваетъ по нимъ лѣкораджа. Мальрія здѣсь всегда сильна и особенно набрасывается на прѣзжихъ. У англичанъ правило—прѣзжать въ Венецію не больше какъ на два дня.

Венеціанскія кружева, венеціанскія зеркала, рѣзьба по раковинамъ, та, что было сотни лѣтъ назадъ, такъ и остался все то же. И эта мистическая тишина! Это городъ призраго. Не городъ, а большой музей.

Глядя съ гондолы на темные лѣгкіе подъѣзды палаццо, по ступенькамъ которыхъ плещется море, такъ и ждешь — вотъ-вотъ откроются двери и выйдеть знатная красавица-снѣгъора съ блестящей свитой,

а то и сама дигаресса. Въ черной шелковой шали, лицо полузакрыто тончайшими венецианскими кружевами, пажи поддерживаютъ шейфъ...

Но то было когда-то...

Рядомъ изъ подъезда сыплютъ мусоръ въ воду. Это венецианская канализация...

На роскошно убранномъ живыми цвѣтами буцентаврѣ дожъ Венеціи выѣзжалъ въ море и обручался съ нимъ, бросая въ морскую глубину золотой перстень...

То было когда-то. Нѣтъ и не будетъ дожей. Нѣтъ знитныхъ красавицъ-сеньоръ, нѣтъ серенадъ у окна на гондоль. И не будетъ уже никогда.

Тихую грусть, самоутлубленіе, стремленіе къ покою, къ созерцанію навѣваетъ Венеція. И хочется скорѣе уѣхать отсюда, если нельзя поддаться этому настроенію. Въ наше время съ нимъ трудно жить...

РАЗНОЕ

Кинематографъ мысли.

С в о е .

«Dahin, dahin,
«Wo die Citronen blühen»...

Когда я был еще в реальном училище и потом на первых курсах высшего учебного заведения, меня все тянуло куда-то далеко, куда-то «за границу», на другое полушарие, туда, где хорошо, на Сандвичевы острова, в Южную Америку, в Новую Зеландию...

Неудовлетворенность молодых порывов выливалась в это хотѣние.

Воображенію рисовались чудесныя картины, — какъ я буду тамъ, гдѣ-нибудь на Гавайяхъ, лежать въ гамакѣ подъ кофейнымъ деревомъ на собственныхъ плантаціяхъ, кофе будетъ расти съ тропической быстротой, почти не требуя труда и все обогащая и обогащая за счетъ волшебнаго тропическаго солнца. А главное, что тамъ отпадутъ всѣ условности нашей жизни, тамъ будетъ легко и просто жить.

Тогда я, помню, писалъ одному журналисту, только что вернувшемуся изъ кругосвѣтнаго путешествія, и

просиль его рассказать, какъ лучше устроиться на Сандвичевыхъ островахъ. Онъ напечаталъ тогда въ «Новомъ Времени» выдержки изъ моего письма, вывелъ изъ него шаткость идеаловъ и стремлений нашего юношества, а мнѣ писалъ, что «быть выброшеннымъ за бортъ можно и дома, не нужно ѣздить такъ далеко»...

Меня отрезвило нѣсколько. Но стремление уйти куда-то далеко осталось. Еще эти напечатанныя строки моего письма дали мнѣ какой-то зудъ видѣть напечатаннымъ «свое» и, благодаря этому, вѣроятно не одну печку вытопили потомъ редакци моими посланіями...

Послѣ того я много изѣздилъ и каждый разъ, прїѣзжая домой, я привозилъ маленькое разочарованіе оттуда, изъ того далека, которое казалось такимъ хорошимъ, въ которое такъ тянуло.

И очень часто, сидя гдѣ-нибудь въ этомъ «далекѣ», коснувшись вплотную его людей, его жизни, его радостей и горестей, я такъ хотѣлъ домой, къ себѣ въ Россію, въ свою некультурную Россію, гдѣ такъ грязно, и дико, и отстало!.

Когда я потрясся до головной боли въ узкихъ, тѣсныхъ, душныхъ, пропитанныхъ уольной копотью «быстрѣйшихъ» повздахъ, когда я покачался до самопроклятія на «комфортабельнѣйшихъ» пароходахъ, далъ себя покусать подъ южнымъ небомъ москитамъ, цеце и всякимъ другимъ «кусающимся», покупался въ тропическомъ морѣ, послѣ чего у меня сошла

кожа съ плечъ и спины, когда я увидѣть, какъ болѣють желтой лихорадкой, чумой или «болѣзнью низменностей» — кретинизмомъ — я сталъ куда спокойнѣе смотрѣть на свое окружающее, милѣе стала наша погода, наша провинціальная скука, наши поѣздатихоходы.

Во всякомъ новомъ волшебномъ-хорошемъ далекомъ всякій разъ мрачно вставала борьба за существование, упорная, трудная, болѣе многообразная, но не меньше тяжелая. И тянуло назадъ, къ себѣ, и свое надолго казалось милѣе, несмотря на всѣ недостатки.

Да, поѣзжайте подальше. Поѣзжайте непременно, — поѣзжайте именно туда, гдѣ — вы думаете — особенно хорошо! Вернувшись, вы наверстаете потерянное время, даже если оно у васъ очень дорого. Англичане и американцы живутъ по минутамъ, а ѣздятъ больше всѣхъ. Именно въ странахъ, гдѣ говорятъ «time is money» (время деньги) и «take it quick» (дѣлай все скоро) — тратятъ больше всего времени на поѣздки, какъ будто безцѣльные.

Лучше, что и говорить, гдѣ-нибудь на берегу Неаполитанскаго залива подъ голубымъ теплымъ небомъ, въ чистомъ морскомъ вѣтеркѣ безъ пылинки, чѣмъ въ пыли и вони нашей провинции, но попробуйте тамъ работать, въ этой разнѣживающей обстановкѣ, попробуйте тамъ создавать какое-нибудь большое предпріятіе, — всюду натолкнетесь на выжатые лимоны и лукавыя улыбочки...

«А мы къ вамъ собираемся ѣхать!»..

И къ намъ нужно ѣхать, они правы: у насъ легче, поле шире, еще не паханое. Что бы ни валили на «кого-то» и «что-то» мѣшающее у насъ работать, — у насъ легче, куда вольготнѣе.

И кто имѣеть въ себѣ силу работать, создавать, — у того больше вырастетъ на нашей землѣ.

Повѣжайте туда, чтобы вернуться, чтобы свое стало хорошимъ!

Замедленная дѣловитость или ускоренное бездѣлье?

Въ американскихъ газетахъ сразу послѣ названія крупнѣйшимъ шрифтомъ, лѣзущимъ прямо въ глаза, изложены кратко, насколько позволяетъ человеческій языкъ, тѣ дневныя событія, о которыхъ трактуется ниже въ текстѣ. Разсчитано какъ бы на то, что читатель мелькомъ, изъ окна мчащагося поѣзда, броситъ взглядъ на газетную страницу и все-таки успѣетъ схватить все содержаніе нумера...

Это особое умѣніе, совсѣмъ особый языкъ, которымъ пишутся такіе преднамеренные конспекты. Нужно сразу, однимъ словомъ, и при томъ непременно короткимъ, ударить по мозгу такъ, чтобы оно запечатлѣлось въ немъ. Прочтутъ эти жирныя слова и какъ бы прочтутъ весь нумеръ. Такъ некогда, такъ быстро

лётить жизнь, что нельзя и четверти часа потратить на газету!

Это лихорадочное *make it quick*, «скорѣе». «скорѣе», проникаетъ и къ намъ, и въ нашихъ газетахъ уже начинаютъ появляться преднамеренныя жирныя пятна или по крайней мѣрѣ перечни важнѣйшаго въ номерѣ. Нужно бросить только одинъ взглядъ на этотъ перечень, и уже знаешь, что важнѣйшаго случилось въ мирѣ.

Вмѣсто Карамзинскихъ периодовъ пишутъ фразамъ въ одно слово Пшибышевскаго. Длинные, спокойныя разсужденія «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой» нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ смѣнились коротенькими, скользкими статейками. Даже по серьезнымъ вопросамъ мы не хотимъ читать ничего длиннаго, только эссенцію мысли.

«Скорѣе!»

Въ кабинетъ къ дѣловому, заваленному работой человеку пришелъ посѣтитель и издалека, медлительно подходитъ къ дѣлу. Такъ и хочется сказать ему: «Ради Бога скорѣе... говорите въ двухъ словахъ, что вамъ нужно»... Точно такое же чувство переживаемъ всѣ.

Въ американскихъ и англійскихъ конторахъ висятъ объявленія:

«Излагайте скорѣй и короче ваше дѣло, и уходите.

Пишите возможно короче все, что хотите сказать, и давайте мѣсто другимъ. Бросьте два-три слова яркихъ, новыхъ, остроумныхъ, и дальше, дальше...

Къ сожалѣнію, такъ это трудно—«яркихъ, новыхъ, остроумныхъ»! Развѣ гдѣ-нибудь въ глушайшей провинціи, въ домикъ съ геранями, канарейками и вязаной скатертью на кругломъ столѣ, въ гостиной прочитываютъ съ любовью и вниманіемъ все, отъ «стороннихъ сообщений» до предсказаній метеорологической обсерваторіи, для нихъ уже на три дня назадъ.

Дальше, дальше, покороче!..

Редакторъ газеты, выпуская номеръ, чувствуетъ себя неловко, если на газетной полосѣ только два-три заглавія и мало абзацовъ и «красныхъ строкъ». Какъ можно короче! Бросьте нѣсколько штриховъ, нѣсколько бликовъ, но только не тушуйте. «Не конопатьте рисунка» — какъ говорилъ когда-то мой учитель рисованія.

Что имъ «некогда» увѣрены всѣ, такъ увѣрены, что, играя даже подрядъ шесть-семь часовъ въ винтъ, моментально набрасываются на Ивана Петровича, если тотъ вздумаетъ замѣшкаться съ разносомъ прикупки или «гвоздемъ»:

— Ну, что вы теряете время!..

Книгопродавцы жалуются, что книги идутъ худо; книгу «некогда читать». Коротенькій отзывъ о ней, статейку, маленькій фельетонъ, но книгу некогда..

Драмы стали короче, оперы и балеты тоже; лучше два-три въ одинъ вечеръ, но покороче: скорѣ новыхъ лицъ, новую фабулу.

Народился новый стиль: «Миниатюры», «Кривья зеркала», «Гюнволь»...

Еще короче—кинематографъ. Еще быстрее смѣна впечатлѣній. Все мигаетъ, бѣжитъ, все ускорено даже похоронная процессія движется здѣсь марш-маршемъ. Последнее слово кинематографа — «Патэ-журналъ». Многоточіе, три-четыре слова, отрывокъ картины, двѣ-три секунды, опять многоточіе, опять выхваченныя слова, кусочекъ картины совсѣмъ иного міра и т. д., и т. д.

«Скорѣе!»

Самые серьезные дѣльцы, англичане, любятъ больше всего театр-variety, attractions, гдѣ стоитъ на программѣ:

7 ч. 30 м.—Увертюра.

. 7 ч. 31 м.—Комическіе эксцентрики.

7 ч. 40 м.—Дрессированные бегемоты.

7 ч. 52 а.—Арія изъ Диноры.

7 ч. 57 м. Танецъ Хулиганов

8 ч. 01 м.—Драматическій этюдъ «На аэропланѣ».

8 ч. 28 м.—Комическая пантомима «На сѣверномъ полюсѣ»

Сзади ихъ, можетъ быть, и дѣйствительно усталой мысли и мы любимъ то же. Скорѣе, скорѣй!..

Повзда идутъ слишкомъ медленно, извозчики могутъ свести въ могилу, въ ресторанахъ подаютъ возмутительно медленно, антракты невозможно длинны,

статьи страшно растянуты.

Скорѣе, ради Бога скорѣй!..

Невъдомая страна.

«Кто о тебѣ скажетъ хорошее,
если ты самъ о себѣ ничего хо
рошаго не скажешь»...

(Изъ афоризмовъ Кузьмы Пруткова).

Все-таки уже прошло то время, когда иностранцы читали, какъ путешественникъ по Россіи «пилъ напитокъ въ родѣ англійскаго чаю, называемый «самоварь», «спалъ въ тѣни развѣсистой клюквы», носилъ «шапку изъ мѣха сибирской воблы» и «ѣздилъ въ особой телѣгѣ безъ колесъ (сани), называемой тройка». По улицамъ Петербурга не ходятъ больше медвѣди и жители нѣкоторыхъ городовъ не «уходятъ на зиму всѣ до одинаго на отхожіе промыслы, заколачивая дома», какъ это было съ Нижнимъ-Новгородомъ (ярмарочныя постройки зимою посвѣтилъ какой-то путешественникъ и рѣшилъ, что всѣ ушли въ отхожіе промыслы).

Но все-таки еще недалеко отъ этого.

Когда ставилось въ Лондонѣ «Воскресеніе» Л. Толстого (His Majesty Theater), въ гостиной тетушекъ Нехлюдова висѣли дуги и одѣяла изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ, служанку звали «Матрубла», а Маслова и въ обвинительномъ приговорѣ именовалась «Катюшей»

Сейчас все лето в Лондонѣ увлекаются русскимъ балетомъ и ставятся всюду пьески-пантомимы изъ русской жизни. Русское въ модѣ.

Пьески стоитъ посмотреть.

Дѣйствіе, напримѣръ, происходитъ на Красной площади въ Москвѣ, зимою. Туда на автомобиль прїѣзжаетъ великій князь съ приставомъ въ чемъ-то въ родѣ черкески, съ громаднымъ кинжаломъ. Встрѣчаетъ ихъ хороводъ дѣвушекъ въ боярскихъ костюмахъ съ иконами, и у каждой въ рукѣ дуга. Всѣ вмѣстѣ съ княземъ танцуютъ что-то въ родѣ тарантеллы. Потомъ является хозяинъ дѣвушекъ, «господинъ Заборъ», а «одноглазого Джека», зачѣмъ-то попавшаго сюда парижскаго апаша, забираетъ приставъ послѣ сраженія на кинжалахъ, но Джекъ оказывается другомъ знатнаго лица, и тотъ его освобождаетъ. При колокольномъ звонѣ занавѣсъ падаетъ...

Сами мы и виноваты за такія пантомимы!

Хотя бы это: сколько писали уже о томъ, что министерство путей сообщенія издало (издаетъ?) путеводители по Сибирской желѣзной дорогѣ на четырехъ языкахъ, что приняты мѣры сдѣлать Сибирскій путь вообще болѣе удобнымъ, облегчатъ паспортныя формальности специально для туристовъ, будутъ брать на станціяхъ иностранныя деньги, что Курская дорога печатаетъ уже «цѣлую серію» открытокъ съ видами Сибирскаго пути, что намѣчено все такъ широко, что государственный контроль даже запротестовалъ, и т. д., и т. д.

Это писалось.

А на дѣлѣ вотъ путеводитель, которымъ пользуются иностранцы въ сибирскія поѣздки. Изданіе общества спальныхъ вагоновъ, напечатанъ въ Парижѣ, по-английски. Въ немъ значитъ по порядку:

«Отъ Александрова дорога идетъ по берегу Вистулы»... минуя Варшаву, проходитъ важнѣйшія мѣста «Врестъ-Литовскъ и Ворисоръ (?)», дальше идетъ Moscow, которая замѣчательна тѣмъ, что расположена на обоихъ берегахъ рѣкъ «Moskva и Яузы» и «своими историческими обществами, мечетями, куполами и колоколами»... Потомъ Пенза съ «громаднымъ производствомъ издѣлій изъ верблюжьей шерсти», Самара, около которой видны Уральскія горы (Жигули?), и дальше «больше. города» Кинель и Абдулино и т. д.

О каждомъ городѣ по три строчки, но крайне мѣтко, неправда ли?

Если прибавить къ тому же, что англійскія газеты не стѣсняются писать о Россіи всяческія чудеса, то понятно отчасти, почему англичане часто больше осведомлены о Шпицбергенѣ, Камерунѣ или островѣ Тристанъ-д'Акунья, чѣмъ о Россіи.

Зато другіе не дремятъ.

Вотъ, положимъ, книжка «Финляндія, страна тысячи озеръ», изданіе общества туристовъ въ Гельсингфорсѣ. Издана на четырехъ языкахъ, 32 страницы прекрасной печати, хорошія иллюстраціи, мѣловая бумага. Раздается всюду даромъ.

Вот иллюстрированный «Интернациональный Журнал Путешествий» Издается в Вѣнѣ. Также раздается вездѣ бесплатно Въ результатѣ какой-то Гмунденъ, даже безъ прямого железнодорожнаго сообщения, наполняется приѣзжими

Такихъ изданій тысячи Въ Швейцаріи, въ Тиролѣ, а особенно въ Америкѣ, прямо заваливаютъ всякими книжками Все въ краскахъ, прекрасно иллюстрировано, тщательно издано *Изданіе такое ни-жеке ничего не стоитъ*, кстати сказать, такъ какъ все оплачивается рекламами, которыя въ нихъ помѣщаются.

Есть много готовыхъ маршрутовъ кругосвѣтныхъ путешествій На пароходѣ въ 3—4 мѣсяца и чуть не въ 40 дней по желѣзной дорогѣ «Восемьдесятъ дней вокругъ свѣта» Жюль Верна уже анахронизмъ

Но какой бы маршрутъ ни взять, Россіи нѣтъ нигдѣ. Какъ только путь доходитъ до Россіи, онъ сворачиваетъ въ Индійскій океанъ, или къ Австраліи, или кругомъ Африки. Россіи нѣтъ. Есть Китай, Японія, острова Кука, Новая Гвинея, но не Россія. Такъ согласованы всѣ маршруты, что завѣхать въ Россію неудобно.

Вдумайте поширить отъ нечего дѣлать въ лобомъ русскомъ стальномъ вагонѣ. Найдете заманчивыя описанія *по-русски* Тироля, норвежскихъ фьордовъ, Тихо-Океанской Канадской дороги, но ни слова о Кавказѣ, Крымѣ, Великомъ Сибирскомъ пути.

«Тамъ» каждый холмикъ окутали поэтической легендой, забросали десятками прелестей, а про насъ не знаютъ даже, «А есть ли тамъ желѣзная дорога?» Кто за границей знаетъ наше Закавказье, нашъ Нарзанъ, наше *удивительно комфортабельное* и дешевое путешествие по Волгѣ?

Августъ 1910 г.

Берегись...

...«Винивата администрація,
которая всегда тормозитъ
частную инициативу».

(Изъ русскихъ газетъ)

Постарайтесь, будучи въ Лондонѣ, услышать, чтобы кучеръ кричалъ кому нибудь «берегись»...

Не услышите ни разу. А развѣ можно сравнить

движеніе лондонскихъ улицъ съ нашимъ, хотя бы даже петербургскимъ?

Стоить на перекресткѣ «боби», стоять спокойно, молчать или разговариваетъ, не глядя на того, съ кѣмъ говорить, и только показываетъ рукой, даже не палочкой, какъ было раньше.

Этой улицѣ стоять, этой ѣхать.

И эта стоитъ, всё какъ одинъ Тяжеловатые кэбы, хэндсеми съ кучерами наверху, стоять пять неповоротливѣйшихъ на видѣ автобусовъ, стоять авто-

мобили, которых трясет как в лихорадке от нетерпѣня, стоять не шелохнутся... Велосипедист оперся на ломового, не слѣзая съ велосипеда, торговка съ тельжкой зелени.

А та ѣдетъ цѣлой стѣной, непрерывно. Знакъ—и эта вся поѣхала тоже стѣной, и ни одного окрика, ни одного «берегись»

На свободной улицѣ ѣдутъ быстро, но когда гигантъ-автобусъ догоняетъ шушлякаго велосипедиста, онъ не кричитъ ему «берегись», не трубитъ, а сама *сворачиваетъ* вправо, а велосипедистъ спокойно ѣдетъ по лѣвой сторонѣ

Кстати—вы замѣтили, что на нѣкоторыхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ поѣзда идутъ по лѣвой сторонѣ, а на нѣкоторыхъ по правой? Это въ зависимости отъ того, какие иностранцы строили дорогу и по какой сторонѣ насъ *пустили ѣздить*. Если англичане, то по лѣвой, если французы, то по правой...

Нагоняетъ кого-либо автомобиль, «ставить на малую скорость», шоферъ считаетъ оскорбленіемъ своего достоинства проронить хотя бы слово, ждать, пока будетъ можно, и тогда сама *сворачиваетъ*.

Всѣ *сворачиваютъ сами*, а не другому кричать «берегись». Это вотъ и важно, что сами сворачиваютъ. Это не мелочь, это черта націи, штрихъ культуры, пожалуй, цѣлая философія.

На заграничныхъ автомобиляхъ есть рожки на каждомъ, но ими пользуются почти исключительно на поворотахъ, когда не видно дороги, чтобы дать

знать вступному, предупредить. Въ звукъ рожка тамъ слышно — «поѣздай спокойно своей стороной», а у насъ—«прочь съ дороги, не то раздавлос»... Право, если прислушаетесь, то такъ и слышно!

Специально для Россіи дѣлають рожки оглушительные, чуть не морскія сирены. Наши автомобилисты полагають, что главная задача какъ можно громче и несильканно - дико трубить, а остальное второстепенно. Такого же мѣтнія держатся кучера въ хорошихъ домахъ. Я знаю одного спортсмена, который платитъ своему шоферу по 5 руб. за каждую раздавленную на дорогѣ курицу! Для этого требуется дѣйствительно нѣкоторая ловкость, такъ какъ чаще курица успѣваетъ убѣжать съ дороги, даже когда автомобиль идетъ черезъ деревню на «большой скорости». Деревенскія лошади при этомъ норовятъ обыкновенно вмѣстѣ съ телѣгой проѣхать въ окно избы или подъ мостомъ. Во Франци, наоборотъ, я наблюдаю, какъ шоферы съ полнаго хода успѣвають осаживать автомобиль передъ заѣзжавшимся утенкомъ.

Замѣчательно еще, что если приѣдете и за границей въ мѣтѣ культурныя страны, полскимъ, въ Италию, въ Неаполь, опять услышите: «берегись» и брань кучеровъ... И, бранясь, задѣнуть непременно колесомъ за оглоблю.

Во Франци и Англи есть специальный святой, покровитель автомобилистовъ, св. Христофоръ, и его изображенія прибиты во многихъ частныхъ автомобиляхъ. Кромѣ того, часто прикрѣпляютъ къ авто-

мобилно маленькую статуэтку «бога счастья» Вилликена — это, какется, мексиканский божок, специально завёзшаящий счастье-емь богатымь. Сейчас этот бог в большой модё даже и не у богатымь, но желающих быть богатыми Его продають и в наших русских магазинах автомобильных принадлежностей. Но все-таки, вёроятно, причина не в нихь?..

Одинь очень опытный шофер, но видимо склонный к парадоксальному образу мыслей, говорил мнё даже, что «если бы не было рожков, случалось бы гораздо меньше несчастий с автомобилями». Это уже слишком, но что количество словь «берегись» может служить мёриломь культурности, это мнё кажется.

Не я, а ты сверни, и если я тебя раздавлю, потому что ты не свернула, ты будешь виноват, а не я. Здёсь широкое поле для разсуждений...

Скучно.

Умные люди никогда не слушают, а глупые молчат».

О. Уальдъ.

Скучно!.. Среди примитивных, неправильно построенных фразь, среди тонкой, отлитой в полированные формы рёчи, среди отрывочных словь лёнящихся и говорить даже, не обиженных судьбою эшкурейцев — всюду слышится это «скучно»

«Скучно», как говорили в древней Руси, или как учили говорить одно время артистов Императорских театров. Всем скучно. И хотя поэты и восклицают изрѣдка: «Как хороша жизнь!»—все находят, что жизнь скучна.

Народ от этой скуки выпивает на сотни миллионов алкоголя, выпивает не для вкусового ощущения, а чтобы забыться,—«высшие индивиды» пьют шампанское, кутят в шантанах, швыряют чужьи деньги на женщин полусвѣта.

«Скучно!»—лейт-мотив нашего времени. Настолько это лейт-мотив, что принято уже быть скучным, в этом как будто приличье, высший тон, тонкость вкуса, дандизм. Когда задние ряды неистово аплодируют и кричат бис, передние хранят молчание.

Признано, что высоко-культурные люди должны быть самые молчаливые, а если говорить, то едва внятно, полупамятками. Громкая рѣчь—удѣлъ плебса. Английский high life, тот вовсе почти не разговаривает! И все-таки они, англичане, веселье нас! Эти сыны тумана, не видящие мѣсяцами солнца, веселье нас, веселье потому, что культурнѣе. Молча

веселятся...

Чѣм умственно сильнѣе человекъ, тѣм больше жизни свѣтъ онъ вокругъ себя. Чѣм сильнѣе мозгъ, тѣм больше излучаетъ онъ какихъ-то фосфорно-радийныхъ лучей, и въ нихъ именно жизнь. А жизнь—это веселье, печаль—это смерть.

Южанамъ, итальянцамъ, испанцамъ, дано быть веселѣе отъ солнца, отъ яркости, отъ теплаго морского дыханія; зато англичане, голландцы веселы, можетъ быть, отъ разума.

Да, они веселы, эти чопорные англичане, веселы въ сравненіи съ нами! Веселы тогда, когда играютъ обязательно два часа въ день въ футболъ; веселы, когда сидятъ спокойно, какъ только они умѣютъ сидѣть, поставивши ноги около привѣтливаго камина. Они веселы, когда для пріятнаго вкуса и теплоты, такъ особенно нужной и пріятной въ лондонскомъ климатѣ, пьютъ сода-виски; веселы, даже когда дерутся въ боксъ; веселы, когда ѣдутъ на Цейлонъ или Яву добывать каучукъ или въ Австралію разводить овецъ.. Въ другой міръ, въ другую часть свѣта — развѣ это не весело?¹

Они носятъ въ себѣ какое-то особое веселье, которое дано не южнымъ солнцемъ, не яркой природой, а сознаниемъ, что *веселье умѣе лечитъ*.

Кажется мелочь. У насъ въ газетахъ пишутъ объявленіе о смерти, печали, о прошедшемъ. У насъ не объявляютъ о радости рожденія новаго челоуѣка, о радости брачнаго союза, любви. А у англичанъ страницы заполнены «birth» и «marriage», «рожденія» и «браки».

Какъ-то шутя мнѣ говорили, что странно, почему въ газетахъ печатають только хронику «несчастныхъ случаевъ», а не счастливыхъ также. Это шутка, парадоксъ, но онъ заставляетъ думать. Если поддер-

живать искусственно известное настроение, оно усиливается. Экспериментальная психология нашла даже способы искусственно вызывать настроения...

Сейчас в Лондонѣ, Парижѣ и другихъ большихъ городахъ въ «Луна-Паркахъ», въ садахъ, гдѣ дѣйствующія лица сами посѣтители, ввели новую забаву—чёртова колесо*). Садитесь на покатую круглую площадку, крѣпко держась другъ за друга, а площадка начинаетъ быстро вертѣться. Чѣмъ быстрее вертится, тѣмъ больше проявляется центробѣжная сила и, наконецъ, куча сидящихъ со смѣхомъ и гамомъ разсыпается по окружности колеса, сваливаясь на мягкія подстилки. Стараясь преодолѣть физическій законъ, одинъ тянетъ другого за руку, за ногу, за кончикъ пиджака, за юбку... То отрываются по одному, то съвдуть всей грудой. Пищать, визжать, смѣшно, глупо... Я долго сидѣлъ на террасѣ около такого колеса и не могъ уловить своего отношенія къ этому зрѣлищу—глупо или не глупо? Кругомъ смѣются зрители всѣхъ порядковъ—и высшаго, и средняго, и того, который самъ сейчасъ поѣдетъ. Когда валятся съ площадки,—все кувьркается, больше, чѣмъ въ американскомъ тоббоганѣ, въ французскомъ *tire-bouchon*'ѣ или въ англійскомъ *wigle-wogle*.

«Они» умѣютъ жить дома. Мы лучшую комнату отводимъ подѣ «заль», гдѣ никто никогда изъ членовъ семьи не бываетъ, а живемъ въ меньшихъ,

*) Есть и у насъ уже!

заднихъ. Печи строимъ такъ, чтобы огня не видѣть, камины гдѣ и есть, только для декорации, непременно дѣлать. А что даетъ больше уюта, чѣмъ каминъ? Печаты и очагъ были всегда нераздѣльны. Мы не-премѣнно дѣлаемъ въ комнатѣ четыре маленькія окна, вмѣсто одного большого, дающаго такую «красивость», удобство, совершенно особую прелесть...

Бѣгать за мячомъ футбола какому-нибудь директору банка по-нашему неприлично, путешествіе безъ цѣли леченія почекъ или подагры, такъ себя, находимъ лишнимъ; гимнастику и танцы считаемъ достояніемъ низшихъ умовъ... Такъ ли? Все, что движеть кровь, даетъ жизнь клѣткамъ, шевелить ихъ протоплазму,—высоко умно уже потому, что приносить съ собою хорошее настроеніе.

Вспомнимъ вѣка прошедшіе, классическіе, тѣхъ людей, творенія которыхъ и по сейчасъ для насъ предметъ восторга—даже въ священныхъ культахъ было прежде всего веселье...

Милліардъ и милліонъ.

Милліардеръ Рокфеллеръ въ своихъ довольно нескладныхъ мемуарахъ—«Какъ я нажилъ 500.000.000 долларовъ»—рассказываетъ, какъ онъ началъ и создалъ свою карьеру. Свое первое коммерческое дѣло онъ сдѣлалъ, когда ему было восемь лѣтъ. На экономію

отъ сладостей онъ купилъ индюшекъ, кормилъ ихъ отбросами домашняго хозяйства и продалъ откормленныя съ хорошимъ барышомъ. Потомъ Рокфеллеръ былъ маленькимъ служащимъ и компаньономъ транспортно-комиссионной конторы, потомъ покупалъ нефтяные участки и торговалъ керосиномъ, выдавалъ ссуды подъ хлѣбъ и другіе товары, имѣлъ свои пароходы, потомъ желѣзные рудники, сталелитейные заводы, гвоздильныя фабрики, бумажныя фабрики, лѣсные склады, плавильни, желѣзныя дороги и т. д. Самъ онъ говоритъ: «всего не припомню»...

Рокфеллеръ подчеркиваетъ, что онъ знаетъ всякое дѣло, ничто не считалъ своей исключительной специальностью и брался за все, что давалось въ руки или было выгодно на основани логическихъ выводовъ «самаго широкаго знакомства съ фактами». Коммерческій человекъ долженъ знать все—это звучитъ у Рокфеллера всоуду.

Когда ему понадобился какъ-то управляющій большимъ пароходнымъ дѣломъ, онъ пригласилъ на этотъ постъ человека, который никогда даже не плавалъ на пароходѣ иначе какъ пассажиромъ I класса. Пригласилъ его потому, что у того были «хорошіе мозги». И Рокфеллеръ не ошибся. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ хорошіе мозги дали себя знать прекраснымъ ходомъ дѣла, а черезъ два-три года этотъ никогда не плававшій человекъ внесъ уже усовершенствованія въ техническую область пароходнаго дѣла.

«У него мозги на должномъ мѣстѣ»—любимая

фраза Рокфеллера, и сь этой точки зрѣнія онь смотритъ на всѣхъ людей. Никакой протекции, никакихъ связей, только «мозги». Какъ можно больше дароватьсь сотрудникамъ — толькоб. въ этомъ успѣхъ дѣла. Нѣтъ для сотрудника дорогой платы, если у него «хорошіе мозги» онь заработаетъ для дѣла все-таки много больше, чѣмъ ему будетъ заплачено. И Рокфеллеру приходится вѣрить со своими правилами онь нажилъ въ 45 лѣтъ больше миллиарда, а теперь прибыль растетъ прогрессивно, какъ комъ снѣга съ горы.

Интересно отмѣтить тоже руководящую идею Рокфеллера: имѣть всегда дѣло непосредственно съ потребителемъ, какая бы громадная организация для этого ни требовалась.

Еще интересно его указаніе, что «въ дѣлѣ открытія путей къ закоулкамъ мѣра очень много помогли намъ наши посланники и консулы»... Вотъ мы этимъ, кажется, не болыны, особенно насчетъ консуловъ. Но это между прочимъ.

То, что характерно въ дѣлѣ Рокфеллера, присуще вообще и американскимъ дѣламъ. Именно—и бумажныя фабрики, и желѣзныя дороги, и продажа керосина по фунтамъ потребителю (какъ дѣлалъ Рокфеллеръ въ Китаѣ), и свои пароходы и даже своя газета! Тамъ не останавливаются много своихъ табачныхъ магазиновъ, много идетъ въ нихъ бумага для заворачиванія пакетовъ—строй бумажную фабрику, если бумага отъ этого обойдется хотя немного де-

шевле, есть много страховокохъ предприятия—открывай свое страховое общество, есть водопадъ—ставь турбину, сила непременно куда нибудь понадобится, куда—видно будеть... Это они называютъ «широкимъ знаніемъ фактовохъ», и не мудрено поэтому, что американскіе коммерсанты часто наиболѣе образованные люди, не говоря уже о «мозгахъ на должномъ мѣстѣ». Специальность—удѣлъ ученаго, коммерсантъ знаетъ все.

Мнѣ вспомнились эти мемуары Рокфеллера именно сегодня, потому что я только что бесѣдовалъ съ однимъ изъ нашихъ русскихъ «коммерсантовъ».

Можно ли называть такого человека комерсантомъ, не знаю, но фактъ въ томъ, что онъ изъ ничего сдѣлалъ въ 36 лѣтъ миллионъ, и подобнохъ ему я знаю нѣсколько. Онъ началъ съ ларя продавать картузы, потомъ открылъ маленькую мастерскую, продолжая сидѣть у ларя. Потомъ ларь замѣнили лавочкой, мастерская увеличилась, стала фабрикой. Явилась фабричная инспекція и забастовка. Тогда онъ мастерскую закрыть и ввелъ такъ называемую англичанами «потогонную систему», т. е. сталъ давать мастерамъ на домъ матеріалъ и платить за работу поштучно, смотря по качеству работы.

Сейчасъ у него отъ картузовъ настоящій миллионъ, а можетъ быть и больше.

Что касается «логическихъ выводовъ изъ широкаго знанія фактовохъ», то вотъ они. Человекъ эле-

еле подписывает свою фамилию, говорить «хотить» и «хочемъ» вмѣсто «хочеть» и «хотимъ», употребляетъ цѣлый лексиконъ выражений совершенно особенныхъ, въ родѣ: «чортъ ону знаетъ», «я одинъ за двоихъ», «тутотка», «стамотка», «лисанеть», полагаетъ, что мышьякъ—это мышинный пометъ, думаетъ, что въ Бразилію нужно ѣхать черезъ Желтое море и вообще никакихъ другихъ морей, кромѣ Желтого, не признаетъ, увѣренъ, что всѣ жулики, воруютъ всѣ безъ исключенія, дѣло можно вести только такое, сколько самъ досмотрѣть можешь: такъ онъ и дѣлаетъ, и съ утра въ магазинъ, опускаетъ и принимаетъ, вечеромъ замыкаетъ и ключъ носить въ карманѣ, а на ночь кладезь подъ подушку.

Я невольно задумался. Какъ такой человекъ могъ нажить миллионы? Неужели у насъ такъ много валится денегъ, что только немного экономии и крѣпкой лобъ—и готовы миллионы? Какъ такой комерсантъ могъ выдержать борьбу за существованіе и преуспѣть при развитіи какого-то ацтека или жителя Куковскихъ острововъ? Или то, что онъ знаетъ, и есть истинное знаніе, съ каимъ можно преуспѣть въ жизни?

Профессиональная тайна.

Мы сидели втроемъ въ ярко-освѣщенномъ залѣ ресторана.

— Именно музыка ресторана, хорошая музыка хорошаго ресторана, она совсѣмъ иная, чѣмъ въ концертѣ или въ оперѣ. Звуки заглушены и заглажены ковромъ и портьерами, оживлены обрывками живыхъ фразъ, звономъ бокаловъ...

— И окутаны мистическими клубами дыма хаванны*) этого дыма богатыхъ, въ которомъ вы можете отличать не по цвѣту, а по оттѣнку только бразильскій дымъ отъ настоящаго «хаванна»,— докончилъ я его фразу, стараясь подражать его манерѣ говорить.

Это былъ молодой человекъ, директоръ акціонернаго общества, но мечтавшій всегда о томъ, чтобы стать журналистомъ. Чуть не ежедневно онъ писалъ то въ газету, то въ толстый журналъ, то въ юмористическій, и рѣдко-рѣдко видѣлъ что-нибудь напечатаннымъ. Какъ-то случилось, что для толстаго журнала было мало, для газеты велико, а для юмористическаго слишкомъ серьезно, но онъ объяснялъ это только поверхностностью редакторовъ и секре-

*) Такъ произносятъ испанцы, португальцы,

коренные жители Кубы

тарей, которые смотреть на имя, а читать имя некогда.

Второй собеседник, уже пожилой, ироничный, с начинающимся склерозом, известный журналист, почти каждый день печатавшийся.

Разговор все время вертелся на писательствѣ, и какъ только изъ него хотѣла увильнуть наша «извѣстность», мы немедленно усаживали ее обратно.

— А вы научите! Какъ это каждый день новая тема, новые мысли, непротоптанныя дорожки. Гдѣ ихъ найти? Нѣтъ, нѣтъ... Научить можно! Вы поставьте намъ декорацию кулисами къ публикѣ, — знаете, какъ дѣлаютъ трансформаторы въ последнее представление, уѣзжая изъ города, — «Разоблаченіе тайнъ трансформации»!..

Старый журналист отряхнулъ пепель сигары въ свой бокалъ *Romanée Conti*, чтобы не было соблазна пить еще, и поморщился.

— Вы не читали курсъ науки ораторскаго искусства? Нѣтъ? Прочтите, совѣтую, полезно. Тамъ на 500 страницъ указаны способы быть хорошимъ ораторомъ, а въ концѣ говорится: «Все это, впрочемъ, неважно! Чтобы говорить интересно, захватить слушателей, увлечь, нужно хорошо, детально, глубоко знать то, о чемъ говорите» И только!

Я вымѣшался.

— Очень остроумно, но все-таки расскажите, какъ и гдѣ вы ищете темы? Мы уже знаемъ обыкновенные рекомендованные способы, знаемъ изъ

ваших же фельетонов. Прогулка, крепкая сигара в тиши кабинета, футбол, интересная книга (около книги я ставлю нотабене — кто найдеть?), музыка, крепкий кофе... Но чаще это всё не помогает?

— Да, это не помогает... Нужны люди. Я постоянно ищу людей. Людей, которые излучают больше мыслей. И так трудно их находить. Точно проходишь среди множества батарей, назначенных излучать тепло, а они холодныя. Идешь и ирисушиваешься, не пахнёт ли теплою. И так это рѣдко! Рѣже, чѣмъ боровики в дачномъ лѣсу. Лучи мозга еще не изучены, это та наука, что остается человечеству на конецъ. Но они есть, эти лучи, это я знаю навѣрно, чувствую... Какъ только подойдешь къ нимъ, такъ сразу начинается что-то колебаться в мозгу, неясно, в туманѣ что-то рисуется. А потомъ черезъ часъ, день, недѣлю выплываетъ вдругъ изъ тумана яркая, отчетливая, новая мысль.

Онъ затянулся сигарой.

— Но гдѣ ихъ искать?! Судя теоретически, в толпѣ этихъ мозговыхъ лучей наибольшее количество, но тутъ они видимо нейтрализуютъ другъ друга, компенсируются, и получается большая, дикая сила, но малое напряжение, мысли ничтожныя.

— Прощу простить! Маленькая теорема. При одинаковой силѣ мозгового излучения женщина на мужчину или обратно дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ особи равнополюя. Вы согласны?

Есть засмѣялись

— Нѣтъ, это не такъ. Теорема не допускаетъ исключеній, а здѣсь они есть... возьмите Уйальда... Можетъ быть это и теорема, но изъ области математики высшихъ измѣреній, и даже не четвертаго, а можетъ быть шестого, седьмого... Но мы васъ прервали.

— Такъ и быть, открою вамъ профессиональную тайну! Если вы будете журналистомъ и вамъ во что бы то ни стало нужны будутъ новыя темы, всѣ способы испробованы тщетно, остается еще одинъ, безусловно вѣрный. Складывайте вашъ чемоданъ, берите билетъ по прямому направленію и поѣзжайте, хотя бы безъ всякой цѣли, понятно далеко Мысли будутъ, явятся новыя темы, совсѣмъ неожиданныя и непредвидѣнныя, найдутся мѣста для новыхъ непрогнанныхъ дорожекъ и новыя, мудренныя завитки для мыслей...—передразнилъ онъ директора.

— Читали, помните Беннета, издателя «New-York Herald», газетнаго короля двухъ полушарій. Когда у него кто-либо изъ видныхъ сотрудниковъ начиналъ три раза въ недѣлю накидываться на чужія мысли изъ другихъ газетъ, онъ посылалъ его на Огненную Землю, или въ Новую Гвинею, или, по крайней мѣрѣ, въ Россію! Помните, какъ Стэнли, его корреспондентъ, пріѣхалъ къ Беннету ночью, по срочной телеграммѣ, въ номеръ Грандъ-Отеля въ Парижѣ. Никогда раньше они другъ друга не видали. Стэнли постучалъ въ дверь. Беннетъ былъ уже въ постели.

— Войдите! Вы Стэнли?

«— Да, сэръ.

«— Какъ вы думаете, сэръ, Ливингстонъ живъ?

«— Не знаю, сэръ.

«— Я думаю, что онъ живъ и прошу васъ найти его. Вы отправитесь въ Африку, проникнете въ центръ ея и найдете Ливингстона.

«— Вы подумали, сэръ, о громадныхъ расходахъ, связанныхъ съ такой Экспедицией?

«— А сколько это можетъ стоить?

«— Подобная экспедиція Буртона стоила 5.000 фунтовъ!

«— Ну, такъ вы возьмете тысячу фунтовъ теперь, когда ее издержите, возьмете новую тысячу, потомъ еще новую и будете дѣлать такъ до тѣхъ поръ, пока найдете Ливингстона.

«— All right, сэръ.

«— Да, подождите. Заѣзжайте въ Верхній Египетъ, опишите, что тамъ дѣлаетъ экспедиція Беккера... Заверните въ Иерусалимъ и Константинополь, узнайте, что тамъ вышло у хедива съ султаномъ, потомъ поѣзжайте въ Россію, въ Крымъ, осмотрите тамъ поля битвъ... Оттуда вы можете проѣхать въ Хиву, тамъ какая-то экспедиція, а потомъ черезъ Персію и Багдадъ вы проѣдете въ Индію, кстати узнайте тамъ о Багдадской дорогѣ. Изъ Индіи вы отправитесь за Ливингстономъ.

«— Покойной ночи, сэръ.

«— Покойной ночи, сэръ».

— Совсѣмъ какъ въ сказкѣ, а между тѣмъ Стэнли съ абсолютной точностью выполнили маршрутъ Беннета и нашли Ливингстона... И темы у него навѣрно были!

Оркестръ игралъ вальсъ изъ «Принцессы долларова», потомъ «Послѣдній нынѣшній денечекъ».

— Ну, сегодня у меня есть тема, — сказала я прощаясь.

Изъ записной книжки.

Когда ѣдешь двѣ-три недѣли на пароходѣ, не приставая въ порта, не види ничего кромѣ волнь, освѣщенньхъ то солнцемъ, то луною, то фосфоресцирующихъ, то окутанньхъ туманомъ, начинаешь интересоваться тѣмъ, чѣмъ въ обыкновенное время не стать бы.

Всѣ читають внимательно списки пассажировъ, плывущихъ сейчасъ тоже по океану на другихъ пароходахъ. Списки передаются отъ нечего дѣлать безпроводнымъ телеграфомъ съ парохода на пароходъ или съ центральныхъ станцій на островахъ океана. Мимо одной такой мы только что прошли Островъ Фернандо Норонья, у самого экватора.

Островъ удивительный. Прямо декорация изъ сказочнаго балета. Нагроможденныя вулканическия скалы, отвѣсныя стѣны въ море, игра прибоя съ пѣной и фонтанами брызгъ, острый пикъ на одной сторонѣ и

отверстіе въ скалѣ, черезъ которое видны облака, все покрыто пальмами и окутано дальше туманомъ Фернандо Норонья—это коротенькая фантазмагорія въ стильномъ утомительномъ однообразіи. Надоѣло пассажирамъ все, даже остроуміе пароходнаго капитана—нѣмца вродѣ

— «Сегодня, въ 4 часа пополудни съ капитанскаго мостика будетъ показываться экваторъ. Входъ бесплатный, военныя и дѣти платятъ половину!»

Сколько я ни читалъ пароходныхъ списковъ на океанахъ, ни разу не встрѣтилъ русской фамилии. Взять, вѣроятно, когда-нибудь и русскіе, но встрѣтить также трудно, какъ выиграть 200.000. Взять, вѣроятно, когда нужно удирать въ Америку...

Намъ не нужно уѣзжать работать въ чужія страны; это нѣмцамъ не хватаетъ у себя мѣста, нѣтъ колоній, и они мечутся по разнымъ угламъ земнаго шара. У насъ есть колоніи, вся наша необъятная Русь—сплошная колонія. Работы своей столько, что голова кружится. Но ѣздить къ другимъ тѣмъ болѣе надо. Я готовъ въ десятый, сотый разъ писать объ этомъ. Отнюдь не потерянное время повѣдка въ чужія страны—это интенсивнѣйшая работа и духа, и тѣла.

Врачи до сихъ поръ мало лечатъ путешествіями, особенно у насъ. А это при многихъ болѣзняхъ нашего нервнаго вѣка удивительнѣйшее лекарство. Когда не дѣйствуютъ бромъ, водолечение, электричество, гипнотизмъ, тогда часто поможетъ океанскій пароходъ. Если наступаетъ длительное состояніе, въ

которомъ хочется бросить тарелкой въ своихъ домашнихъ—поможетъ океанъ! Это не шутка.

Не знаю, что собственно такъ сильно дѣйствуетъ? Впечатлѣнія, другая температура, влажность, давление атмосферы, одиночество, иная пища, можетъ быть радиактивность океана и земли, можетъ быть волны именьчъ человеческихъ мыслей, лучеспусканія мозга, звѣзды другого полушарія, можетъ быть еще неизвѣстныя наукѣ причины, но дѣйствіе громадное, несомнѣнное. Это не только мой личный опытъ, это рассказы сотенъ людей—и ни одного исключенія.

У насъ прирожденно домохозяйдѣ, удивительно намъ трудно тронуться съ мѣста. У насъ нѣтъ другихъ интересовъ въ путешествіи, только одинъ—болѣзнь. Только когда пригичить болѣзнь, рѣшимся еще. А когда нѣтъ уже этихъ интересовъ, потому что они отброшены на всю жизнь философіей усталости и неудачами, или ушли съ быстро изжитой жизнью, когда это результатъ притупленности организма,—все равно вдругъ, невѣдомо откуда, явится что-то новое, новые интересы, которые казались невозможными, прошедшими, непонятными, которыхъ не хотѣлось... А тутъ вдругъ на океанъ захочется...

Святки подъ тропиками.

Чуть-чуть покачиваясь то на лѣвый, то на правый бортъ, пароходъ шель на югъ и югъ. Уже четвертый день мы въ тропикахъ, и чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ океанъ спокойнѣе. На волнахъ нѣтъ давно бѣлыхъ гребней, только вѣчная мертвая зыбь немного покачивается.

Вчера была елка, такая экзотическая здѣсь въ поясѣ пальмъ, всѣмъ роздали подарки, были устроены игры, много танцевали.

Бразильцы и аргентинцы начинаютъ уже чувствовать себя дома, такъ какъ съ завтрашняго дня будетъ установлено прямое сообщеніе съ берегомъ Южной Америки черезъ сильную станцію беспроволочнаго телеграфа на островѣ «Фернандо Норонья».

Сегодня за столомъ бразилецъ рассказывалъ намъ чудеса о своей странѣ, уже смотря сверху внизъ на «бѣдную» Европу. Онъ говорилъ о своихъ дѣвственныхыхъ лѣсахъ, гдѣ растутъ орѣхи, которые можно собирать только подъ крѣпкимъ зонтикомъ, такъ какъ каждый изъ нихъ вѣситъ нѣсколько фунтовъ и, падая съ деревьевъ громадной высоты, убиваетъ на смерть. Потомъ смѣялся надъ европейской любовью къ ананасамъ.

— У насъ ѣдятъ ихъ только бѣдняки!

И наконецъ сталъ увѣрять, что лучше портные въ мірѣ—въ Рю-Жанейро. Въ этомъ ему уже не повѣрили.

Аргентинец—тоже нашего стола—не упускавший случая послать по адресу бразильца—«смакака» (пошито, в его отсутствии) рассказывать чудеса объ Аргентинѣ. О движущейся скальѣ въ провинці Санта-Фэ, о камняхъ, наполненныхъ внутри водою, около Паратива, о совахъ пампы, которыя вѣчно сидятъ на телеграфныхъ столбахъ и неподвижно издали фиксируютъ глазами проѣзжихъ. Глаза совы все время слѣдуютъ за ѣдущимъ. На этихъ совѣхъ будто бы охотятся совсѣмъ по особенному садятся на лошадь и ѣздить галопомъ вокругъ телеграфнаго столба. Сова ни на минуту не сводитъ глазъ до тѣхъ поръ, пока не откручиваетъ сама себѣ голову и не сваливается мертвой...

Мы смѣялись, плохо вѣря, а аргентинецъ сердился.

Завтра экваторъ.

Во время обѣда, въ 7 часовъ, послѣ марша, раздакъ пушечный выстрѣлъ. Непосвященные были встревожены, но, видя веселыя лица кругомъ, успокоились.

Подъ звуки фанфары въ столовую вошелъ Нептунъ въ сопровожденіи двухъ шудмановъ (пароходъ былъ нѣмецкій) и заявилъ въ витіеватой рѣчи по-нѣмецки, что онъ, влатель морей, требуетъ списокъ неопитовъ, впервые переѣзжающихъ изъ одного полушарія въ другое. Завтра будетъ ихъ посвященіе, «экваторіальное крещеніе»...

Списокъ быстро былъ составленъ капитаномъ при

общемъ весельи. Каждого утаивавшаго, что онъ новичокъ, тотчасъ выдавали сосѣди. Неофитовъ оказалось человѣкъ 30.

Обѣдъ прошелъ веселѣе, чѣмъ обыкновенно, на столахъ появилось шампанское, потомъ долго танцовали на палубѣ, уже подъ созвѣздіемъ Южнаго Креста и другихъ той половины земного шара. Въ южномъ полушаріи больше яркихъ звѣздъ. Луна въ самомъ куполѣ неба. Тишина въ воздухѣ полная. Совсѣмъ тепло. Мимо парохода беззвучно бѣжить и бѣжить все съ одинаковой скоростью безконечный океанъ. Изрѣдка какая-нибудь волна чуть-чуть зашумитъ у борта...

На завтра въ 7 часовъ утра фанфара—не на одной трубѣ, какъ каждое утро, а цѣлаго оркестра—разбудила всѣхъ.

На кормѣ изъ большого брезента устроены бассейнъ, куда накачена морская вода.

Цѣлая процессія изъ жителей экваториальнѣе странъ, шутмановъ и самого капитана шествовала впереди неофитовъ. Они торжественно, подъ общий смѣхъ и возгласы, съ мужской обошли весь пароходъ, потомъ на нихъ надѣли купальныя костюмы и понесли въ бассейнъ. Дамъ пощадилъ, ихъ потомъ только обрызгали, а мужчинъ купали по настоящему, съ головой... Подъ тропиками, когда солнце грѣетъ перпендикулярно—это одно удовольствіе...

При крещеніи капитанъ давалъ каждому новое «морское» имя: Атлантикусъ, Океаника, Нептуніана, Экваторіусъ, Гидрозусъ

Вечеромъ обѣдь была еще болѣе торжественнѣе, съ шествіемъ и тостами. Все украсилось флагами всѣхъ націй и только со мною вышла заминка: русскаго флага не нашлось, пришлось шить. И я былъ гордъ, что его сшили!

Еще черезъ два дня мы были уже у береговъ Южной Америки.

На снѣмъ горизонтѣ появились точки бѣлыхъ парусовъ—«жангады». Жангада—маленькій плотъ изъ шести бревешекъ, на немъ парусъ и руль. На этомъ несложномъ аппаратѣ бразильскіе негры рискуютъ выѣзжать верстъ за 100 въ океанъ. Плотъ часто перевертывается мачтой внизъ—тогда мачту подрубають, она всплываетъ, и ее ставятъ на другую сторону плота.. Своего рода «Ванька-встанька». Надо впрочемъ сказать, что все это прекрасные пловцы

Святки прошли, мы въ другомъ мѣрѣ.

Что создаетъ успѣхъ въ жизни?

«

«Природа говоритъ:

Пускай ты царь творенья,

Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ въ безумномъ ослѣпленнѣ,

Что я раба твоя, а ты властитель мой?

Частицу тайнъ моихъ тебѣ постынь дала я,

А ты возмечь гыгмей, что всю меня познал

.....Я знаю лишь числа

Безжалостный законъ. Ни мукъ

ни наслажденій,

Ни блага, ни добра нѣтъ для меня,

ни зла

.....
Живи жъ, какъ все живетъ.

Минутную волной плесни
и пропади въ пучинахъ вековых

И не дерзай

Вставай на буй-

ный споръ со мною».

На дняхъ одинъ французскій журналъ сдѣлалъ интересную анкету: «Что создаетъ жизненный успѣхъ—воля или случай?»

Отвѣтовъ получилось много. Одни все отдають случаю, другіе—волѣ, третьи удѣляютъ мѣсто и тому и другому. Отвѣчали ученые, художники, артисты,

писатели, аббаты, мужчины или женщины. Нельзя подсчитать кто больше верить в случай—мужчины или женщины. Есть и тѣ, и другія.

Вѣроятно истина посрединѣ, такъ по крайней мѣрѣ говорить логическое рассужденіе.

Проф. парижской медицинской академіи Шарль Рише далъ цѣлый математическій анализъ.

Игра въ шахматы—это 100% умѣнья, воли, тутъ нѣтъ мѣста случаю.

Рулетка—100% случайности, нѣтъ таланта, воли.

Вистъ—20% воли, 80% случая,—въ вистъ еще больше первое число и еще меньше второе..

А жизнь?! Жизнь—комплексъ, сложное составное изъ рулетки, шахматъ и всего промежуточнаго между ними, въ самыхъ сложнѣйшихъ комбинаціяхъ. Удача солдата, не задѣята пулями—рулетка, умѣлое лечение больного, удачная операція при правильномъ диагнозѣ—почти шахматы.

Это я вывожу резюме анкеты Шарль Рише даетъ для успѣха въ жизни цифры

Интеллигентность (разумъ и образованіе) 60%

Работа, трудъ 10%

Случай..... 30%

Эти цифры, понятно, только красивая математическая игра, ихъ можно комбинировать всяко и всякую комбинацію доказывать. Но дѣло не въ абсолютной величинѣ ихъ, а въ самой идеѣ математическихъ рассужденій въ такой области. Отъ игривой анкеты

здѣсь шагъ до глубоко-философскаго трактата, чисто-научнаго и глубоко научнаго метода.

Математика завоевываетъ все большія и большія области. Она уже и въ химіи, и въ психологіи, и въ наукахъ социальныхъ. Это, впрочемъ, уже давно, изъ древности, изъ отдаленныхъ вѣковъ,—вспомнимъ хотя бы школу пифагорейцевъ и ихъ религію чиселъ. Въ комбинаціяхъ чиселъ они находили призывъ къ чистотѣ, къ возвышенному, неземному...

Методъ математическаго анализа проникъ давно въ общественныя науки, онъ отодвинулъ назадъ, оттолкнулъ человѣческую волю, цѣнность отдельныхъ яркихъ великихъ личностей въ исторіи человѣчества и свелъ все къ фатальной причинности. Историческій ходъ событій внѣ человѣческаго разума, внѣ отдельныхъ воле, эволюція совершается по какому-то волнообразнымъ кривымъ, пути ея начертаны въ тайникахъ природы изъ вѣка, и ничто ихъ не измѣнить. Когда ученые и мыслители узнаютъ эти сложныя кривыя, они будутъ предсказывать все. Не только затмѣнія и погоду, но и исторію народовъ и смерть или жизнь организмовъ, поступки воли. Такъ думали недавно многіе величайшіе умы человѣчества.

Но «я знаю, что я ничего не знаю», — сказала тоже великій философъ. Развитие математики привело къ неожиданнымъ выводамъ и разумъ и воля чело-вѣка освободились.

Анализъ—это только первый шагъ въ область математики, этой громадной великой науки. Съ помощью

его из разрозненного и бессистемного образовались стройные человеческие науки, куда вносился математический анализ, там наука становилась научной, не было места сомнительным.

Но то, что считали законченной наукой, оказалось ее маленькой частицей.

Математический анализ, или иначе теория непрерывных функций, давая стройность наукам, замкнула их в узкие рамки, в которых нет места человеческой воле. И с этим примирились, так как это говорила математика. Но явились новые части математики—теория вероятностей, теория прерывных функций, трифмология. Невозможно ознакомиться в двух словах с этими новыми завоеваниями человеческого разума, но важно то, что они перевернули прежние выводы, казалось, законченные, несомненные аксиомы. Как в физике радий, гелий, невѣдомые раньше лучи. Истины остались истинами, но к ним добавились новые. Думали, что на каждый вопрос может быть только один ответ, а их оказалось много... И будет ли выбран тот или другой, это в нашей воле, в нас, в нашем развитии, в нашей порочности или чистоте.

Какой громадный открылся вдруг горизонт! Есть всегда несколько решений в задачах прерывных функций, мы освобождены от неизбежного, нет фатальной необходимости, наша воля может направить наши пути так или иначе... И это уже не только не опровергается непреложной математикой, матерью наук, а она сама говорит это

«... Кто бь зтитъ пыль священнѣй
 Мнѣ въ душу ни вдѣхнулъ, карая иль любя,
 Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сѣкровенный,—
 Вновь погасить его нить власти у тебя
 Мертва ты и слѣга въ своей красѣ суровой,
 А я сжрѣть огнемъ безсмертнаго ума.
 И будешь ты сама служить моей святѣнѣ,
 Иль я съ лица земли исчезну навсегда *)
 Это конецъ того стихотворенія, котораго начало
 въ эпитафѣ.

Июнь 1911 года

„Птички, которыя поють“ . . .

Мнѣ случилось ѣхать съ нею на автомобиль.
 Она французенка, только что, мѣсяца два, прѣехала
 въ Россію, никогда ее не видавши и имѣя о ней
 представленіе, какъ о странѣ сказочной.. Вѣчный
 снѣгъ и морозъ, страшные казаки въ большихъ мѣ-
 ховыхъ шапкахъ съ длинными пиками, волки бро-
 дять около городовъ и чуть-чуть не ходять по улице
 было непріятно разочарованіе. Какъ разбитая
 сказка.

«— Нѣтъ страшныхъ казаковъ... Совсѣмъ какъ
 во Франціи»...

*) Стихотвореніе заимствовано изъ лекціи проф. Бугаева,
 читанной въ Московскомъ Психологическомъ обществѣ
 несколько лѣтъ назад

Служа гувернанткой, она какъ-то умудрялась находить свое маленькое счастье повсюду, и я ей невольно удивлялся.

Подпрыгивая вмѣстѣ съ «ауто» по кощобинамъ русской дороги, она не переставая говорила:

— Ахъ, какъ я люблю ауто!.. Какъ хорошо! Эта бездушная машина, подчиняясь рукѣ и волѣ, становится живымъ существомъ.. Она дрожитъ всѣмъ тѣломъ, какъ пугливая лошадь, когда нажимають рычагъ газа.. Она то мягко и безшумно катится, то бросается безумно впередъ, потому что я такъ хочу вдругъ... Она, какъ женщина, гибка, капризна и взыблительна, еѣ нужно управлять, какъ и женщиной, жельзной рукой въ бархатной перчаткѣ..

И такъ она говорить всю дорогу, на каждомъ шагу находя причину восторга. Только изрѣдка нужно дать маленькій толчокъ еѣ мыслямъ, и онѣ опять полны новаго восхищенія. Когда ей не съ кѣмъ говорить, она пишетъ. Пишетъ двиннѣйшія письма безмянному другу или возлюбленному. Одинъ разъ этотъ бѣдный поэтъ или художникъ, другой—министръ или миллионеръ. Эти письма никому не посылаются: они такъ и остаются лежать на столѣ, пока ихъ не выброситъ горничная, или крадутся кладутся кому нибудь на столъ, и если заговорить о нихъ, то она дѣлаетъ видъ, что смущена, нечаянно забыла, просить сжечь..

— Вы, русскіе, не умѣете пользоваться жизнью, все что-то ищете и не бережете, что подъ руками. Прежде всего нужно любить!..

И она долго-долго говорить на эту тему, разбирая всё виды любви, страсти, обожания, дружбы

— Миръ полонъ людьми, которые ходять съ открытыми глазами и ничего не видять. Особенно много такихъ среди васъ, русскихъ. Счастье именно въ томъ, чтобы умѣть видѣть, слышать, понимать, чувствовать, только въ этомъ! Вы всегда хотите того, чего нѣтъ. Если нѣтъ золота, богатства, живите богатствомъ чувства и мыслей. Ахъ, вы не знаете, какъ приятно жить со своими мыслями, если ихъ умѣешь выбрать! Нужно уйти отъ людей, которымъ завидуешь, къ природѣ, которая одинакова для всѣхъ. Если вамъ нельзя слушать и понимать шумъ волнъ океана, слушайте журчанье ручейка. Если нельзя собирать эдельвейсы на горахъ, собирайте простыя незабудки внизу... Если невозможно летать на аэропланѣ, поднимитесь въ мысляхъ выше людей... Если не можете слушать знаменитую оперную пѣвицу, слушайте птичекъ, которыя поють. Пѣніе поэза души...

И такъ она говорить безъ конца. И когда я пробую возражать ей, что французы легкомысленны, что немцы быстро перегоняють ихъ, что Франція уже не первая нація въ мирѣ, она смѣется и дѣлаетъ лицо, которымъ хочетъ сказать:

— Ахъ, какъ мало понимаете вы, русскіе, въ жизни.

Ее дразнятъ «les oiseaux qui chantentъ», «птичками, которыя поють», а она спокойно улыбается и

пишет на завтра длиннѣйшее изложеніе своихъ мыслей тому, кто смѣялся.

Я тоже уже не разъ слышалъ отъ нея объ этихъ птичкахъ, которыя поютъ, и о «цвѣтахъ, которые цвѣтутъ», и о «ручейкѣ, который журчитъ»... и смѣялся про себя, а между тѣмъ въ семьѣ, гдѣ она живетъ, несмотря на полный достатокъ и даже роскошь, какая доступна хозяевамъ, кажется, самый счастливый человекъ—она...

Ночь передъ Рождествомъ.

«Экъ, какую кучу снѣга напустилъ въ очи сатана».

Гоголь.

Не бывавши никогда раньше въ Малороссіи, я представилъ ее себѣ по Гоголю.

Малороссійскую зиму я рисовалъ по любимому разсказу Гоголя «Ночь передъ Рождествомъ». Такъ я хотѣлъ увидать ее. Вьюга крутитъ и наметаетъ сугробы, снѣгъ скрипитъ подъ ногами; то ни зги не видать, то мѣсяцъ, вырвавшись изъ кармана у чорта, высоко вылетитъ на небо. Дивчата и парубки бѣгутъ веселой, шумной толпой по деревнѣ, пѣніе, шутки, смѣхъ, хохотъ. Весело справляютъ малороссійскія колядки...

И вотъ я назову въ Малороссіи, и вотъ ночь передъ Рождествомъ!

Лучше бы не видѣть ея, и такъ не видѣвши и прожить съ тѣми опослѣдованными образами и картинами, что остались отъ дѣтства. А-то будто что-то потерялъ, чего-то не стало!

Снѣга ни чуточки, земля голая, бѣлесовато-сѣрая, а то и совсѣмъ черная, замерзла глыбами, ни на телѣгѣ, ни въ саняхъ не проѣхать

Мы ѣдемъ по шоссе въ автомобиль искать въ Малороссіи ночь передъ Рождествомъ, ѣдемъ искать образовъ дѣтства. Ихъ нѣтъ. Восемь часовъ, а деревни спать, и огня нигдѣ не видать. Автомобиль неистово прыгаетъ по кочкамъ шоссе и ухааетъ внизъ, какъ салазки съ горы, на мостахъ. Не удивляйтесь, это такіе мосты, совершенно особенные. Шоссе идетъ въ низинкѣ, въ дождь низинка заливается, нуженъ стокъ, а мостъ стоитъ дорого или невдомекъ, ну вотъ просто и дѣлаютъ канавку поперекъ шоссе, — края покатые, все-таки проѣхать можно, особенно съ осторожностью. Нашъ шоферъ (въ деревнѣ его звали «шаферъ») видимо на одномъ изъ такихъ мостовъ прикусилъ себѣ языкъ и потому дальше стали нырять на «мостахъ» плавноѣ.

Тихо, деревни спать, изрѣдка собаки залаютъ, да пьяные решутъ что-то дикое, бредя по дорогѣ. Гдѣ же выюга, гдѣ снѣгъ? Гдѣ дивчата и парубки? Чубъ, Вакула, Оксана, гдѣ колядки? Нѣтъ ихъ...

.. Чубъ по протекціи устроился сидѣльцемъ въ «монополюсу», Вакула борется въ циркѣ въ матчѣ французской борьбы, а Оксана танцуетъ гопака въ шантанѣ, въ малорусской капеллѣ ..

Нѣтъ икъ! Такъ искренно грустно, чуть не готовы навернутся слезы Неужели этого никогда больше не будетъ? Неужели и природа сама заодно?.. Какія-жь колядки безъ снѣга, безъ вьюги, безъ салазокъ? И нашу русскую родную тройку выпѣснить интернаціональный автомобиль.

Въ послѣднемъ номерѣ «Bulletin de la Société astronomique» Фламмаріонъ приводитъ точныя, строго научныя цифры увеличенія дождей въ Парижѣ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, систематически правильно. На глазахъ одного поколѣнія мѣняются климатическія условія. То, что раньше дѣлалось вѣками, сотнями вѣковъ, теперь все ускоряется, ускоряется точно въ кинематографѣ. И природа сама начала жить ускореннымъ темпомъ. Не много ли слишкомъ мы беремъ на себя, думая, что это мы такъ хотимъ, что это наша человѣческая культура все движеть быстрѣе?

Уже два раза чуть не сбили пьяныхъ на шоссе.

И глядя изъ автомобиля на черную землю полей и на заснувшія безъ колядокъ деревни, и на пьяныхъ, дико горлающихъ на дорогѣ близъ города, чувствуешь какую-то боль въ сердцѣ.

Безъ снѣга какія-жь колядки. Ранше такихъ ночей подъ Рождество не запомнятъ, всегда и снѣгъ бывалъ, и вьюга.

Значить такъ нужно...

Малпроссія, 1911 г.

А Вы знаете, как по-португальски?..

Когда мнѣ плохо спится, нездоровится, лѣзетъ какой-то кошмаръ, всегда этимъ кошмаромъ бывають отголоски давно прошедшаго — экзамены въ реальномъ училищѣ. Сильны были впечатлѣнія, если остались на всю жизнь. какъ ночной кошмаръ, какъ самое страшное...

Вспоминаю эти годы.

Единственный предметъ, который мы учили съ удовольствіемъ, была естественная исторія. Ея уроки были занимательны, интересовали всѣхъ. Преподавать ее нашъ директоръ, видимо и самъ любившій свой предметъ. Всякія чучела и заспиртованныя лягушки заботливо хранились, а при директорской квартирѣ былъ садикъ съ цвѣтами, содержаншійся въ порядкѣ, насколько это могло позволить присутствіе 300 мальчугановъ.

По математикѣ я имѣлъ до III класса пятерки, а потомъ вдругъ начались двойки, и такъ до VII, въ аттестатѣ еле-еле тройка. А математику я зналъ. Нѣмецкому языку меня учили въ реальномъ училищѣ семь лѣтъ, а теперь я знаю другіе языки, но только не нѣмецкой...

Очень любилъ книги, даже въ ущербъ другимъ занятіямъ, а по русскому въ аттестатѣ тройка. Больше всего я любилъ физику и химию. Отъ физико-хими-

часских «спытовъ» у меня дома всѣ столы и диваны были сожжены кислотами, а одинъ разъ устроилъ такой взрывъ гремучаго газа, что полопались стекла въ окнахъ. Въ аттестатѣ по физикѣ тоже тройка. Пятерки по исторіи, которой настойчиво не училъ, и по чистописанію, хотя грязнѣ меня едва ли возможно писать, не говоря уже о почеркѣ.

Экзамены были дѣйствительно кошмаромъ. Какъ-то особенно умѣлъ вести преподавание, что кромѣ нудности и страха ничего не внушалось. Преподаватели были хорошіе, порядочные люди, но выходило какъ-то плохо. Почему? Почему мы любили уроки естественной исторіи? Ее любила преподаватель. А еще на эти уроки намъ приносили много рисунковъ, живыя растенія, чучела, банки, жуковъ, кости животныкъ. И вотъ эти растенія, кости, жуки давали жизнь урокамъ, мы все запоминали безъ заучиванія дома и жили интересомъ, что покажутъ на слѣдующемъ урокѣ.

Потомъ, не скоро, когда я сталъ перечитывать изъ того, чему учили меня, помню, особенно поразила географія. Точно столкнулся съ чѣмъ-то совсѣмъ новымъ. Тогда, раньше, было такъ скучно и трудно находить верховья рѣкъ по нѣмкамъ картамъ и вся суть была въ этихъ верховьяхъ: чтобы имѣть пять, нужно было умѣть указывать рѣки именно отъ верховья къ устью, а не наоборотъ, «такъ течетъ рѣка»...

Верховья были тѣмъ проклятымъ мѣстомъ, на которомъ всѣ мы погибли.

А сколько интереса для мальчугана в географии, если облечь ее в иную форму, если прибавить к ней попутно немного Майнъ-Рида, Феннмора Купера, Густава Эмара или еще лучше — живой мысли А история, физика, космография?!

Из истории сразу, твердо и навсегда запомнились рассказы о конѣ Одиссея, о дарѣ, выскшемъ море, о премудрой Дидонѣ, охватившей бычьей шкурой землю для цѣлаго города, Гордиевомъ узлѣ, звѣщемъ Олегѣ, дубинкѣ Петра Великаго

Это не забывалось, а вь связи съ нимъ и самая история. Побольше сказокъ, побольше невеликихъ дѣлъ великихъ людей! Именно этого намъ и не давали, только «отъ сихъ поръ до сихъ».

Непремѣнно всѣ знали изъ геометрии число Пи, вь сухомъ, учебникѣ вдругъ цѣлая история объ этомъ числѣ, и всѣмъ, отвѣчая урокъ, хотѣлось прежде всего рассказать эту историю, хотѣлось, чтобы сегодня «вызвали», а учитель прерывалъ:

— Вы мнѣ сказокъ не рассказывайте...

Эти сказки готовы были примирить насъ съ «доказательствами отъ противнаго», мы ждали бы нѣсколько скучныхъ уроковъ еще до сказки, а ее вычеркивали...

Съ жуками и сказками такъ легко и навсегда залегаетъ все вь дѣтскій мозгъ.

«Санъ-Доминго» — сколько разъ мы забывали это. Санъ-Доминго ничто, а если бы сказать, что по-португальски «санъ» — святое, а «доминго» — воскресенье, потому такъ, что прибыли къ этому острову вь вос-

кресенье послѣ страшной бури — это уже навсегда. Да одно то, что это по-португальски, вѣроятно, прожужжало бы уши домашнимъ:

— А вы знаете, какъ по-португальски воскресенье?

«Ріо-Жанейро» просто — ничего, а рю-жапейро «рѣка января», и почему именно рѣка января — это не забылось бы. Не только не забылось бы, а захотѣлось бы прочесть, какъ это все было.

«Америка», почему Америка, а не Колумбия? «Буэнос-Айресъ» — хороший воздухъ но-испански. А почему тамъ по-португальски, а здѣсь по-испански? И говорить ли домашніе по-испански? «Аргентина» — серебряная страна, почему серебряная Аргентина, а не Перу, гдѣ серебра гораздо больше? А почему «Сальвадоръ» — спаситель?.. И такъ далѣе, безъ конца.

Я все это передумывала, вѣдучи по этимъ странамъ, и хотя теперь понимаю, наконецъ, почему, но какъ было жалко, что раньше не сказали!

Ничего этого не было, и были тройки и двойки, и осталось не радостное воспоминаніе дѣтства, а кошмаръ, иногда повышенная температура...

Какъ обижаетъ дѣтей, не рассказывая сказокъ, сколько радостей жизни крадутъ у нихъ, сколько отбираютъ знаній! А такіе почти всѣ теперь.

Ходящій парадоксъ.

Вчера я получилъ письмо:

«Мчусь на экспрессъ и читаю Килланда, почему-то попалъ мнѣ въ руки этотъ шведъ, съ такимъ не шведскимъ мировоззрѣніемъ... Онъ пишетъ, не угодно ли:

«Жизнь уходитъ и не приходитъ назадъ. Прошлое тоже живетъ, но лучше настоящее. А будущее — мера»...

«Странный шведъ, совсѣмъ какъ я. Роскошное, мягкое купе. Мимо бѣгутъ станціи, люди, селенія. Свѣтло, ярко, тепло... (А у васъ въ Петербургѣ по-прежнему всё кашляють!). Мягкій шумъ пульмановскаго вагона баюкаетъ. Бѣлоснѣжной скатертью накрытъ столикъ. Чашка ароматнаго, горячаго, чернаго кофе и знакомый, немножко жгучій вкусъ бенедиктина. Хороша жизнь, но она проходитъ. Послѣ первой чашки кофе и рюмки бенедиктина можетъ быть вторая, третья; онѣ не такъ пріятны, какъ первая, но все-таки много лучше двѣ, чѣмъ одна.. Спѣши жить, а то второй не успѣешь выпить»...

Это пишетъ мой вѣчно веселый пріятель, почему-то изъ Голландіи,—легкомысленный, но веселый.

Сегодня я показаль письмо своему другому пріятелю. —Это докторъ, даже больше, чѣмъ докторъ, такъ какъ кончилъ два факультета—естественный и медицинскій, и блестяще защитилъ нѣсколько лѣтъ на-

заль диссертацию «О пневмонии у дождевых червей» или что-то въ родѣ этого. Теперь онъ никого не лечить и собираетъ коллекцію табакерокъ. Въ карманѣ у него вѣчно какой-нибудь антикъ. Если кто-либо изъ знакомыхъ обращается къ нему за совѣтомъ о болѣзни, докторъ безжалостно обрушивается на медицину и говоритъ съ такой иронией, что убѣждаетъ иногда бросить прописанное другимъ лекарство. Самъ онъ изрѣдка совѣтуетъ только какое-нибудь гомеопатическое средство, въ родѣ «Бриони три съ крестомъ» или «Анемону безъ креста», нюхать или принимать разъ въ день по капль. Я какъ-то перепуталъ «внутреннее» съ «нюхательнымъ», принялъ внутрь нѣсколько капель наружнаго, но все-таки помогло.

«Мой докторъ» склоненъ вообще къ парадоксамъ, его и прозвали даже «ходячей парадоксъ». Прочтя письмо, онъ замѣтилъ:

— Такъ жить нельзя, хватить ненадолго.

- Почему, докторъ? Вы вѣдь сами всегда утверждаете, что организмъ не машина и не снашивается отъ работы..

— Да, отъ работы, но не отъ наслажденія: нельзя все время только наслаждаться, какъ нельзя питаться однимъ сладкимъ. Единственное удовольствіе, которое разрѣшено природой организму въ какомъ угодно количествѣ, это *удовольствіе отъ работы*... Долговѣчны только тѣ, кто умѣетъ находить наслажденіе въ трудѣ. Люди, которые смотрятъ на свою работу, какъ на

неприятную обязанность, и ищуте утѣху только вънѣ, этимъ жить недолго».

Докторъ показалъ мнѣ какую-то коробочку «рѣдкой работы» изъ перламутра съ рисункомъ яркими красками и замѣтилъ, что «секретъ этихъ красокъ утраченъ еще въ XVI вѣкѣ», потомъ добавилъ

— Онъ изъ Голландіи пишетъ? Хорошая страна, чистая, улыбающаяся... Вѣдь нашъ Петербургъ построенъ по образцу Амстердама, а какая разница. Неужели мы долго еще будемъ такими грязными?! Этакая глупость, собираютъ всевозможныя цвѣтками на борьбу съ чахоткой, съ дѣтской смертностью, и никакъ не догадываются собрать на очистку города—мостовыякъ, дворовыя, канавы, квартиру трамваевъ. Хотятъ лечить все равно умирающія сотни и не обращаютъ вниманія на заражающія сотни тысячъ.....

Докторъ помолчалъ и совершенно неожиданно добавилъ:

— А вы знаете одну изъ причинъ чахотки, малокровія и вообще дряблости нашего организма? Оспопрививаніе! Прививка оспы — это величайшее заблужденіе науки. Замѣьте, что человѣческій организмъ сталъ слабѣть именно съ того времени, когда начали прививать оспу... Раньше всего это стали дѣлать въ Англіи и тамъ прежде всего развился рахитизмъ, дотолѣ неизвѣстный, его и зовутъ иначе «английскаго болѣзныю»...

— Ну, что вы, докторъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ не смѣйтесь, это совсѣмъ не такъ глупо, какъ кажется... А вотъ скажите, какой шумъ подняли бы парижане, если бы въ одинъ прекрасный день уничтожить на тротуарахъ Париза тѣ павильоны, о которыхъ мы по ложному стыду считаемъ даже неприличнымъ говорить... Это было бы скандалъ, въ этомъ увидѣли бы посягательство на здоровье гражданъ, а мы точно другіе люди. Это страшно вредно...

И докторъ перешелъ на другія, еще болѣе странныя темы, но не совсѣмъ приличныя

**Мартъ 1912 г.
Петербургъ.**

Соловей-разбойникъ.

Въ вагонъ I класса прямого сообщенія Севастополь—Рига оказалось три купѣ «служебныхъ».

Одно изъ нихъ я отвоевалъ съ помощью начальника станицы. Въ купѣ остался только какой-то специфическій запахъ, который, какъ оказалось, происходилъ изъ смѣшенія собственного запаха кондукторской бригады, которая занимала купѣ, и запаха поѣздной аптеки, которую обязательно имѣть теперь въ поѣздѣ, но мѣста ей не указано. Разъ не указано, значитъ—въ I классъ...

Но все-таки поѣхали.

Идетъ не то дождь, не то снѣгъ, и на всемъ.

что видишь в окно, лежить одинь отпечаток— грязь, грязь и грязь. На станціяхъ люди въ сапогахъ только что тонувшихъ въ грязи, и грязь хлопаетъ по станціоннымъ помѣщеніямъ, равно какъ III класса, такъ и I, и II. Нельзя ее вынести отдѣльно отъ поѣздителей. И не метуть...

Около станціи и по дорогамъ телѣги по ступицу въ грязи, а лошаденки залѣзли въ нее но брюхо. Даже станціонная кошка умудрилась, какинъ-то образомъ, совсѣмъ кошкѣ не свойственнымъ, по-пасть тоже въ грязь...

Лейтъ-мотивъ—грязь.

Дороги «непрокожія и непроѣзжія», только не отъ Соловья-разбойника или Змѣя-Горыныча, заѣвшихъ на нихъ, какъ то было во времена сказочно-былинныя, а отъ нашей русской неподражаемой, несравненной грязи. Нѣтъ ей равной!

Мнѣ приходитъ даже въ мысль, что можетъ быть и былинный Соловей-разбойникъ только олицетвореніе грязи «непрокожей и непроѣзжей», можетъ быть мы не такъ поняли?

Поѣзжайте въ вагонѣ по всему міру. Вездѣ будутъ такіе же рельсы, такіа же шпалы и телеграфныя столбы, такіе же дома съ дверями и окнами, но нигдѣ не будетъ такихъ дорогъ, какъ у насъ. Французъ, англичанинъ—они не сумѣютъ представить себѣ, не видѣвши, что такое русская «грунтовая» дорога. Они никакъ не сумѣютъ вообразить эту толкую трясину шириной сажень въ пятьдесятъ, кото-

рую нужно обѣзжать цѣлиной, чтобы все-таки какъ-нибудь проѣхать.

Не знаю, чей это рассказъ, какъ ѣхалъ баринъ по мосту и провалился, а мимо шель мужикъ, увидѣлъ, покачалъ головой и говоритъ:

«Э-эхъ! Видишь мость, а ѣдешь... а еще баринъ»

Вѣдь трудно повѣрить, подумайте—на всемъ югѣ России, южнѣе Харькова, нѣтъ ни *однаго шоссе*. Шоссе, крайне плохое уже между Орломъ и Харьковомъ, въ Харьковѣ оканчивается, и дальше на востокъ, на югъ и на сѣверъ идутъ проселочныя дороги! Даже по поверхности миллиардовъ угля, желѣза и соли Донецкаго бассейна не проложили шоссе и буквально тонемъ на дорогахъ «Тонемъ»—это не гипербола, это сама жизнь... Можно ли повѣрить тому, что такой поселокъ, какъ Юзовка, съ 50.000 жителей, весной и осенью часто имѣетъ сообщеніе со станціями желѣзныхъ дорогъ *только верхомъ*...

Даже коммивояжеры, для которыхъ, какъ извѣстно нѣтъ мѣстъ недоступныхъ, здѣсь -останавливаются, какъ передъ непреодолимымъ препятствіемъ, и только смѣлѣйшіе изъ нихъ, въ дождевомъ плащѣ поверхъ теплаго пальто, въ глубокихъ калошахъ и съ чемоданомъ, садятся верхомъ и шагомъ ѣдутъ со станціи Юзово или Мушкетово въ Юзовку. Отъ Мушкетова ближе, но большинство ѣдетъ изъ Юзова, такъ какъ Мушкетово уже въ области войска Донскаго, внѣ черты осѣдлости.

Это не только смешно, это грустно.

На-днякъ я ѡхаль изъ Константиновки въ Бахмутъ 22 версты «грунтовой» дорогой. Это должно бы быть самое удобное сообщеніе Бахмута, такъ какъ черезъ Константиновку идутъ скорые ростовскіе поѣзда. Нашлись предприимчивые, маленькіе небогатые люди и затратили всѣ свои средства на очень хорошее по мысли дѣло—автомобильное сообщеніе Бахмута съ Константиновкой—и все потеряли. Застряли въ грязи. Послѣ нѣсколькихъ рейсовъ автомобили поломаны, шины порваны, деньги пропали, и опять пойдутъ дилжансы по 4 версты въ часъ, а въ грязь поѣдутъ верхомъ...

Верхомъ съ чемоданомъ, въ центрѣ русской промышленности!.. Повѣрить трудно

Недѣлю дождь или снѣгъ—грязь непроѣзжая, потомъ недѣлю подсыкаетъ, потомъ недѣлю навѣзываютъ дорогу по засохшимъ буграмъ и колдобинамъ до слѣдующаго дня, а тамъ придетъ зима съ сугробами, съ нею выбоины и раскаты, нырки и ухабы. Я хорошо помню, какъ проѣзжалъ изъ имѣнія зимой по такой дорогѣ, несмотря на привычку, весь въ сиякахъ и съ головой, совершенно обалдѣлой отъ этихъ нырковъ и раскатовъ. Овесь, сѣно, яцца—все это въ раскатахъ раструсивается и на базарь мужикъ привозитъ чуть не половину или искалѣченное, а самъ до того измучится, что только и впору напиться до потери сознанія.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я повезъ съ собою изъ Ниццы въ имѣніе родственниковъ лакея-француза. Онъ только что кончилъ военную службу и съ удовольствіемъ согласился ѣхать въ Россію.

— Имѣйте въ виду, что у насъ суровый климатъ,—предупреждать я его.

— О, ничего! я норманецъ, я холода не боюсь—и онъ съ гордостью показывалъ теплое кашнэ, которое связала ему старушка мать. До Москвы все шло благополучно. Въ Москвѣ я его почти силой одѣлъ въ доху, а валенки все-таки онъ надѣть такъ и не согласился. Когда прѣехали въ Оренбургъ, французъ помирился и съ валенками, а послѣ 240 верстъ еще, на лошаדתъ, по этимъ вотъ ныркамъ и раскатамъ, въ 25 градусной морозъ, бывшій солдатъ заплакалъ, какъ малый ребенокъ... Послѣ двухъ-трехъ недѣль въ Башкирской глуши онъ, несмотря на годовое условіе, сталъ проситься домой. Пришлось отпустить, дѣлать что-либо онъ все равно былъ неспособенъ.

Уѣзжая, онъ сказалъ мнѣ:

«Теперь я понимаю, monsieur, почему нашъ великій Наполеонъ бѣжалъ изъ Россіи!..»

Проѣхали Орель, гдѣ стояли больше часа, потомъ стояли по часу въ Брянскѣ, въ Рославлѣ, въ Смоленскѣ, въ Витебскѣ, въ Двинскѣ...

Въ вагонѣ я спросилъ инженера, видимо начальника участка:

— Отчего мы стоим вездѣ по часу? Вѣдь вы говорили, кажется, что это ускоренный поѣздъ?!

— Да, но зато на нѣкоторыхъ станціяхъ онъ совсѣмъ не останавливается... потому и ускоренный...

Ноябрь, 1910 г.

Съ юга на сѣверъ.

Съ юга на сѣверъ въ «кисловодскомъ» поѣздѣ. Средняя скорость 49 верстъ въ часъ. Для насъ этого пока довольно, а то какъ бы не стали летать подь откосъ.

Радостнѣй ѣхать, когда поѣздъ идетъ и съ такой скоростью, кромѣ того, что «время—деньги». На станціяхъ оберъ-кондуктору уже нельзя выпить традиционную рюмку водки, начальникъ станціи какъ-то помолодѣлъ, носильщики съ багажной тележкой проснулись, смазчикъ бѣжитъ въ припрыжку. Точно переѣхали границу. Даже какой-то охотничій «Раскатай» или «Загуляй», съ розовой радостной мордой, сразу понимаетъ, зачѣмъ его высадили на минуту изъ собачьяго купѣ, и быстро садится обратно. На него вляетъ человѣческое настроеніе.

Въ Харьковѣ трое пассажировъ «остались», пошли по старой привычкѣ закусить въ буфетъ, хотя въ поѣздѣ хороший вагонъ-ресторанъ. Въ Бѣлгородѣ уже была телеграмма оставить вещи и ихъ успѣли оставить,

но только, къ сожалѣнiю, также и вещи одного изъ пассажировъ, сидѣвшихъ въ вагонѣ-ресторанѣ...

Около Таганрога кто-то разбилъ камнемъ окно въ вагонѣ I класса, около Курска—въ вагонѣ-ресторанѣ. На этотъ разъ было установлено, что это «балуются» мальчишки изъ сосѣдней деревни. Это наше доморощенное. Въ центральной Африкѣ или на Куковьихъ островахъ оконъ не бьютъ—самое большее осушаютъ изрѣдка одного миссионера или просто путешественника.

Но, кромѣ шутокъ, эти ускоренные поѣзда имѣютъ огромное культурное значенiе, особенно кофоткiя остановки. Пусть останется отъ поѣзда не трое, а тридцать—это приучаетъ шевелить быстрее мозгами и потому не будемъ уѣзжать изъ Кѣнии во Франкфуртъ вмѣсто Парижа, а багажъ въ Берлинъ обратно. Я знаю такой случай.

Въ Петербургѣ кислое выраженiе у всѣхъ.

— И чего вамъ здѣсь нужно?.. Зачѣмъ вы сюда прѣехали?..

Въ половинѣ перваго пошелъ въ присутственное мѣсто высшей инстанцiи. Никого еще. Швейцарь и курьеръ даже обидѣлись.

— У насъ не почтово-телеграфная контора, а министерство-съ... Это только на почтѣ работаютъ какъ лошади...

Собираются въ третьемъ, уходятъ въ четвере.

— Одинъ Иванъ Петровичъ приходитъ всегда рано, въ половинѣ второго!

Видно, мало работы в России или работают очень уж быстро, много быстрее американцев. Месяца полтора назад я был в аргентинских министерствах, в Южной Америке в 9 часов все Ивановы Петровичи были уже на местах.

Вечером поехали куда-то на острова. В половине двенадцатого ночи глаза слипаются, «еще не начиналось». В 3 часа (ночи)ехали обратно, хотели захватить в какой-то баръ, но петербуржец-шардееръ сказалъ, что еще рано, «никого еще нѣтъ»...

Бывшій съ нами парижанинъ выгарашилъ глаза

— Рано?.. Когда же у васъ ложатся спать? Что у васъ все редакторы утреннихъ газетъ, что ли?

Въ Парижѣ есть сезонъ—зима, когда веселящаяся публика тоже ложится поздно. Но зато лѣтомъ каждый считаетъ долгомъ такъ или иначе дать отдыхъ нервамъ. Мы крутлѣй годъ находимъ время для бессонной ночи: не хватаетъ его на что-нибудь другое; только не на винтъ или «баръ».

«Городъ задерживающихъ центровъ»,—подумалъ я и успокоился.

Июль 1911 г.

Секретъ точности.

Въ витринахъ американскихъ и нѣмецкихъ магазиновъ въ большихъ городахъ никогда не увидите цѣны «5 долларовъ» или «10 марокъ», непременно «4 дол. 95 цент.» или «9 мар. 90 пфен.», даже «9 мар. 98 пфен.». При цѣнѣ 10 рублей можно торговаться, а когда такъ точно—9 руб. 96 коп. или 4 руб. 98 к., какъ-то не повернется языкъ... «Разсчитано точно до копѣйки», думаетъ покупатель.

Эта манера кое-гдѣ проникаетъ уже и въ Россію, и я видѣлъ такія цѣны въ окнахъ въ Кіевѣ, Харьковѣ, Варшавѣ.

Въ англійскихъ music-hall'яхъ и театрахъ-варьете никогда не начинаютъ въ 8 или 9 час., непременно пишутъ такъ:

Входъ открытъ съ 7 час.

Собственный «избранный» оркестръ исполнить «Маршь дiаволовъ», .

8 » 2 мин.

Балетъ въ одномъ актѣ—«Ли-керъ, въ которомъ растворена женщина» 8 » 6 »

и т. д.

Публика сразу вѣритъ, что «8 час. 6 мин.» — это именно 8 час. 6 мин.' и что, значить, если придешь въ 8 съ четвертью по лондонскому времени,

то опоздаешь и не увидишь «квинт-эссенцию женщины»... и приходять без двух минут 8, кто желает видѣть. «8 ч. 6 м.» это обязывает и администрацію театра, и нельзя начать «около восьми съ четвертью», если написано «8—6». Но можно окончить спектакль около половинны перваго, если на афишѣ сказано:—«Окончаніе около 11 час. вечера», какъ это бываетъ у насъ.

Можетъ быть, тутъ кроется тайна точности? Можетъ быть, 4 руб. 98 к. вмѣсто 5 руб. есть шагъ къ акуратности и порядку?!

Мнѣ пришла мысль объ этомъ при чтеніи объ ежедневныхъ опозданіяхъ на Николаевской желѣзной дорогѣ...

Я хотѣлъ сказать: «мнѣ пришла мысль, читая»... и остановился, за такой оборотъ ставили мнѣ двойку: а Левъ Толстой въ «Хаджи-Муратѣ» пишетъ: «Накурившись, между солдатами завязался разговоръ...» (стр. 13). Сохрани меня Богъ исправлять Толстого, лучше забуду двойку, а только вдругъ это не Толстой, а Черковъ?!

Такъ объ опозданіяхъ Николаевской желѣзной дороги. Онѣ ежедневны, регулярны, можно отлить стереотипъ и только вставлять часы и минуты. Года три-четыре назадъ, и больше, такъ не было, тогда, наоборотъ, говорили:

— «Ну, это не примѣръ... Это вѣдь Николаевская дорога...»

Можетъ быть, секретъ въ расписаніи и нельзя назначать приходъ поѣздовъ въ 8 ч. или 9 час. 15 мин. утра, а нужно—

7 час. 58 мин.

9 час. 11 мин.

и тогда все будетъ точно?

Или секретъ въ чемъ-нибудь другомъ?

Февраль, 1912 г.

Гибель „Титаника“.

Телеграммы сообщаютъ сейчасъ, что погибъ «Титаникъ», величайшій пароходъ міра, краса англійскаго трансатлантическаго флота.

Пароходъ шель первымъ рейсомъ въ Америку и потонулъ въ полчаса, столкнувшись съ ледяной горой...

Ужась обнимаешь, когда вдумаясь въ подробности гибели этого гиганта, съ 3500 пассажировъ... Я не ѣздилъ ни на «Титаникъ», ни на одинаковомъ съ нимъ «Олимпикъ», спущенномъ немного ранѣе, въ прошломъ году. До нихъ самыми большими пароходами въ мірѣ были «Мавританія» и «Лузитанія»— по 32.500 тоннъ («Титаникъ» и «Олимпикъ»—45.000 тоннъ), эти я знаю, это плавучіе громадныя отели, высотой въ 5—6 высотехъ этажей. Тамъ столовыя на 1.000 человекъ, гостиныя, обставленныя съ утонченной роскошью, купальни, бани, «вѣнское кафе»,

маркониграммы, издается газета, устраиваются балы. Кухни съ тонкими блюдами и провизіей, какой нѣтъ ни въ одномъ ресторанѣ міра, потому что тутъ сами берутъ «по дорогѣ» и съ другихъ своихъ пароходовъ, южно-африканскіе мандарины, баранину съ Фолклендскихъ острововъ, бразильскіе манго, аргентинскихъ «рекегеі» (царь-рыба) «гар-фрут» изъ Флориды (большіе лимоны, душистые и сладкіе), омаровъ, лангустовъ, краббовъ, устриць—гдѣ они лучше... Все это хранится въ огромныхъ холодильникахъ, куда поступаетъ сразу, не портясь дорогой. Мясо нарочно везутъ однимъ рейсъ не трогая, въ температурѣ 2—3 градуса ниже нуля и берутъ на кухню только на слѣдующій рейсъ, когда оно отъ равномерной низкой температуры становится нѣжнѣе, особенно вкусно. Туалеты—послѣднее слово искусства портныхъ, рѣдко гдѣ такъ изысканно одѣваются всѣ, какъ на громадныхъ океанскихъ пароходахъ.

И вдругъ, ледяная гора, торжество мертвой, грубой силы надъ геніемъ человѣка. Все гибнетъ въ полчаса.

Не разъ ѣдучи по океану и лежа въ закупоренной каютѣ, я представлялъ себѣ ужасъ гибели такого парохода за 2.000 верстъ отъ берега. Ужасъ опуститься на 2—3 версты глубины, въ вѣчную темь, подъ давленіе въ сотни атмосферъ, вмѣстѣ съ этой коробкой. Какъ сейчасъ помню первую бурю въ Бискайскомъ заливѣ, первый ужасъ сильной качки съ непривычки, когда все скрипитъ и движется вокругъ и, что плав-

ное, давить сознание, что нет спасения, если что случится.

Пишу это, и мурашки бѣгаютъ даже теперь по слѣ десятка лѣтъ, когда ко всему создалась привычка.

Богатые американцы ѣздятъ исключительно на лучшихъ, самыхъ большихъ пароходахъ (такъ было и здѣсь). Нормальная плата въ I классѣ въ Америку—300 рублей, но на лучшихъ пароходахъ есть каюты на два пассажира въ 2.500—2.800 рублей, и эти каюты заняты всегда раньше всѣхъ задолго. Для милліардера не расчетъ 300 или 2.800, когда онъ въ день имѣетъ 10.000 дохода.

И вотъ, все это погибло.

Можетъ быть, это смѣшно, но мнѣ кажется, что природа, надъ которой все больше и больше властвуетъ человекъ, иногда протестуетъ. Ледяная гора,—но вѣдь ея приближеніе легко узнать по измѣненію температуры, по теченію; она движется не сравнимо медленнѣе, чѣмъ такой гигантъ, какъ «Титаникъ» со своими турбинами въ 90.000 лошадиныхъ силъ. Въ салонѣ-читальнѣ каждого океанскаго парохода лежатъ сотни брошюръ съ описаніями предохранительныхъ и спасательныхъ средствъ: «пароходъ такой конструкціи не можетъ погибнуть»...

Погибъ въ полчаса. А «Олимпикъ», вспомните, тоже столкнулся съ другимъ пароходомъ на второмъ своемъ рейсѣ и едва не пошелъ ко дну...

Развѣ это не величайшее торжество человеческого мозга предсказать задолго, что сегодня луна закроетъ

на столько-то секунд солнце, вѣдь это чудо... А вот льдина, и гибнет тотъ мозгъ, который творитъ чудеса. Развѣ это не иронія — предсказали за сотни лѣтъ сегодняшнее затменіе и не сумѣли предвидѣть за день, за полчаса, за минуту даже вчерашней гибели?!..

3 апрѣля 1912 года.

„Le roi est mort, vive le roi“...

Нервиѣ всего биржа. Она ловитъ слухи, намеки, предположенія, тотчасъ ихъ раздуваетъ, иногда пугается своей же фантазіи. Биржевики (а они теперь всюду) живутъ нервиѣ всѣхъ. Настроеніе мѣняется по нѣскольку разъ въ день, часто въ нѣсколько минутъ. Деньги висятъ въ воздухѣ и все время движутся отъ одного къ другому.

Утромъ въ 10 часовъ уже звонятъ телефоны

— Какъ предбиржевое настроеніе?

Въ 12, въ часъ, «официальная биржа» — летятъ тысячи телеграммъ, сотни срочныхъ, звонятъ телефоны.

Во второмъ: «А какъ на перонѣ??» — опять телефоны.

Въ 4, въ 5 на «вечерней биржѣ», въ тѣсныхъ, душныхъ, биткомъ набитыхъ комнатахъ банкирскаго дома какое-то столпотвореніе. Первые телеграммы изъ Парижа и изъ Берлина, въ 6-мъ — «второй Парижъ», въ половинѣ девятого — «третій Парижъ».

Опять телефоны, опять телеграммы.

Поздно вечеромь опять создается «настроение» (на скэттингъ)!

Въ праздники отдыха нѣтъ, тоже дѣлаются цѣны,, «беру», «даю» по телефону.

Танова биржа, она на все реагируетъ голыми нервами, ся «обреченные» кажется тратять въ десять разъ больше нервной энергін, чѣмъ остальные смертные, и между тѣмъ статистина вовсе не говоритъ, чтобы биржевые дѣльцы жили меньше другихъ или больше болѣли...

А вотъ другой полюсь.

Мнѣ попало случайно письмо нзь какой-то Бу-гульмы или Бирзулы. Вотъ кусочекъ.

...— «Можеть быть вы не получили моего письма, что не отвѣчаете, — такъ повторяю все, что писалъ. Новостей нѣтъ, живемъ скучно до одурѣнія. Варя служить на рудникѣ, гдѣ и раньше, въ колбасномъ заведеніи, Маня дома по-прежнему, можеть быть скоро выйдеть замужъ за телеграфнаго чиновника. Тогда уѣдеть на станцію версть за 100, будетъ еще скучнѣе. Я по старому пью, играю въ карты, въ преферансь по сотой, гуляю съ дѣвцами на нашемъ «бульварѣ» (помните его?). Кланяются вамъ»...

Казалось бы въ такой глуши, въ такой неподвижности и тѣла и мысли сохраняются здоровые нервы, люди долговѣчны въ своей растительной жизни, нервное вещество не тратится.. Такъ нѣтъ, и тамъ болѣютъ нервами и тамъ переутомляются. А нные

въ самой гущѣ кипятъ всю жизнь и въ 60 лѣтъ смѣются надъ «переутомленіемъ». Человѣчскій организмъ не машина, вѣроятно, въ немъ нѣтъ определенныхъ запасовъ, которые могутъ истощаться, машина работаетъ не стирая подшипниковъ, вопреки всѣмъ законамъ механики...

Погибъ «Titanic», до сихъ поръ неотдѣлаться отъ ужаса. Но строятся новые гиганты, еще большіе и болѣе быстрые, чѣмъ «Титаникъ»:

	Тоннъ.	Футовъ.	
		длины.	ширины.
«Gigantic» . . .	50.000	1.000	112
«Aquitania» . . .	50.000	910	100
«Imperator» . . .	50.000	900	96

«Титаникъ» былъ только въ 46.328 тоннъ, 883 фута длины и 92,6 фут. ширины.

Когда «Титаникъ» среди ужаса опускался на дно океана, когда гибло это удивительное созданіе человѣческаго разума, молотки мѣрно стучали по заклепкамъ «Гигантика», и черезъ годъ-два на немъ будутъ создавать новый рекордъ...

Энергіи человѣка нѣтъ предѣла, завоеванія природы человѣчествомъ не остановить ничто... Капитанъ Смитъ, «выбивая рекордъ», погибъ самъ и погубилъ полторы тысячи человѣческихъ жизней. Это неосторожно, безразсудно, глупо. Но сколько милліоновъ губять себя иначе:—«Пью и играю въ преферансъ по сотой»... И этихъ больше жалко. Несравнимо больше гибнетъ отъ бездѣйствія, бездѣлья, без-

воля, чѣмъ отъ переутомленія и риска. Переутомленія и нѣтъ можетъ быть вовсе, если не вѣрнуть въ него?

Апрѣль 1912 г.

„Португальцы“ и ленскія акціи.

Къ острову св. Винцента, гдѣ забирается уголь, подошли въ 11 час. ночи, послѣ пяти дней хода отъ Лисабона. Въ бухтѣ нѣсколько грузовыхъ судовъ, направо маякъ, какъ разъ на верхушкѣ горы, точно въ большую кучу щебня воткнули свѣчку...

Луна въ зенитѣ, какъ разъ надъ головой. Порядочный бризъ, но совсѣмъ теплый.

Машина жизни англійскаго парохода идетъ своимъ чередомъ—отъ 9.30 до 11 назначены танцы, и на второй палубѣ лэди и джентльмены еще танцуютъ. Лэди, въ бѣлыхъ перчаткахъ, декольтѣ, джентльмены въ смокингахъ, какъ и каждый вечеръ.

Съ капитанскаго мостика пускаютъ ракету, что-то сигнализируютъ электрическимъ фонаремъ, и черезъ нѣсколько минутъ отъ берега быстро плывутъ, качаясь, десятки лодченокъ. Это постоянные посѣтители всѣхъ пароходовъ, мѣстные негры. Для чего они ѣдутъ къ намъ? почему такъ спѣшать? Богъ вѣсть. Пассажировъ на С.-Винцентъ у насъ нѣтъ, съ С.-Винцента—тоже. Вся эта орава кружить около паро-

хода и горланить что-то не то по-английски, не то по-португальски...

Остров, как и всё острова Зеленаго Мыса — португальскій. Сэнь-Винцентъ важень, какъ кабельная станція. Здѣсь сходятся подводные кабели европейскіе, южно-американскіе и африканскіе. Африка рукой подать.

Отъ насъ берутъ почту. Почтовая станція, понятно, португальская и здѣсь есть свои португальскія марки съ надписью «Republica», но мы клеимъ на письма англійскія... Такъ гласитъ объявленіе около почтового ящика на пароходѣ. Перевозка- почты въ рукахъ англичанъ; каждый пароходъ есть почтовое отдѣленіе, и письмо считается какъ бы посланнымъ изъ Англии, а что оно идетъ черезъ португальское отдѣленіе на островѣ—это не важно... «Hoppy soit qui mal у pense!» Это убыточно португальцамъ, но право сильнаго...

Нѣсколькимъ болѣе удачливымъ неграмы удается взобраться на палубу и продать дюжины двѣ-три открытокъ съ видами острова. Одинъ продавалъ сумочки мѣстной работы, связанныя, какъ изъ бисера, изъ твердыхъ, мелкихъ черныхъ сѣмянъ какого-то растенія; вмѣсто украшенія на нихъ нашиты тоже сѣмена другого растенія—ярко красныя ягодки, твердыя, какъ кость. Сразу цѣна сумочекъ была довольно высокая, по нѣсколько шиллинговъ, но по мѣрѣ приближенія матроса, гонявшаго негровъ, быстро падала, и въ тотъ моментъ, когда матросъ бралъ негра за шиворотъ, становилась уже только 9 пенсовъ...

А счет все-таки на шиллинги, а не на рейсы, какь подобало бы в португальской провинции... Право сильного.

Мы грузим уголь, негры кое-где еще бѣгают по палубѣ, ихъ не успеваютъ прогнать. Хотя дверь съ палубы открыта вь ярко освѣщенную гостиную, войти туда они не рѣшаются и жмутся у дверей. Оборванные, черные и еще испачканные вь угля, они особенно хороши среди джентльменовъ вь бѣлоснѣжныхъ сорочкахъ и смокингахъ и люди декольте: социальное равенство удивительно иллюстрируется...

Музыка кончилась. Отходимъ завтра вь 4 утра... Негровъ погнали. Одинъ разсыпал свои *carte-postal*'и и не дали подобрать...

Выписалъ это изъ записной книжки сегодня, узнавши о томъ, что вообще «везеть» англичанамъ. Не только вь маркахъ, и не только у португальцевъ. И у насъ тоже.

Ленская трагедия уронила страшно ленския акции. Почти на 30 проц. Кто знаетъ биржевыя операции, условия счета *on call*, тому ясно, что это разорение для всѣхъ «держателей» акций. Онкольный счетъ рѣдко обезпеченъ 30 проц., часто 10—15 проц., и если бумага падаетъ на 30 проц., нужно неминуемо вносить дополнительныя деньги (ихъ нѣтъ!), пополнять счетъ иначе бумаги принудительно продаются, вась «эксекутируютъ», какъ говорятъ на биржѣ «Эксекутирование»—самое страшное биржевое слово.

Но эксекутируютъ только за бумагами «португаль-

скія» (и русскія!), а ленскія акци и «шеры»—бу-мага англійская, этакъ не трогаютъ Русскіе банки и банкирскіе дома точно по рыбьему слову рѣшили ничьихъ ленскихъ акцій не продавать, хотя бы па-деніе курса и превысило обезпеченія, и «экзекуцій» не производится. «Насколько бы «Лена» ни упала, никого не «экзекутируютъ» — такъ говорить на биржѣ. Еще бы экзекутировать, когда большинство акцій у англичанъ и бароновъ Гинцбурголь.

Страшно не то, что банки и банкирскіе дома сей-часъ не разоряютъ своихъ кліентовъ, это очень хо-рошо, но страшно то, что *будь* это какая-либо иная просто русская бумага, давно бы потребовали доплатъ или «экзекутировали» бы..

Если печать «седьмая великая держава», то биржа, несомнѣнно, «восьмая», и въ этой державѣ законы свои... основной изъ нихъ— «право сильнѣйшаго».

«Nonny soit qui mal y pense».

Апрѣль, 1912 г.

У обреченныхъ.

Я быть какъ-то на елѣ у сумасшедшихъ. Шель и представлялъ себѣ совсѣмъ не такъ: оказалось, тихо, спокойно, чинно. Тяжелое впечатлѣніе отъ отдѣльныхъ лицъ, но не отъ общей картины.

А вотъ надняхъ я быть истинно у сумасшед-шихъ, какъ я рисовалъ ихъ себѣ раньше. Только это

была не елка и не шабашь (вѣдьма), а «маклерская» банкирской конторы, гдѣ происходитъ ежедневно такъ называемая «американская биржа»...

Простымъ смертнымъ входъ только въ первая комнаты банкирскаго дома, а въ маклерскую запретъ. Я на минуту вошелъ туда и тотчасъ выскочилъ обратно...

Въ небольшой комнатѣ сотня человекъ толкаются, кричатъ, бѣгаютъ отъ одного къ другому, машутъ руками, что-то показываютъ знаками, записываютъ въ книжки или просто на лоскутокъ. Тамъ неистовый. Крича надъ ухомъ у другого нисколько не обратишь вниманія! Больше угадываютъ по движению губъ, чѣмъ слышать...

То одинъ, то другой высказываетъ изъ святилица къ толпѣ, потный, усталый, кричить—«Лену даю... Къштымъ беру Тридцать патроновъ на ультимо...» и убѣгаетъ.

Я никогда не видалъ хлыстовскаго радѣнія, но, вѣроятно, это очень похоже, какъ въ маклерской.

Ежедневно здѣсь оборачиваются миллионы. Кто-то стрижетъ, кого-то стригутъ ежедневно. Чаше, почти всегда стригома мелочь, еще чаще провинція: она всегда знаетъ всякіе секреты, которыхъ никогда не было, или о которыхъ здѣсь успѣли хорошо забыть.

«Война въ Триполіи»—бумаги сохраняютъ свою расцѣнку.

«Бомбардировка Дарданелль»—бирка «не реагируетъ».

«Урская» — слабое повышение.

«Неурская» — слабое понижение.

«Вчера у Кюба Обдиранусь говорил, что будет понижать...» — и биржа летит вниз.

«Безштаны покупаешь» (сказал по телефону) — и биржа подымается.

А милая провинция проверяет в это время колебания курсов за 5 лет, и учитывает мировую политику (известно, что чем глуше провинция, тем лучше осведомлены там в мировой политике), — и выводит наоборот.

Если закрыть «вечернюю биржу», тысячи обреченных стали бы, вероятно, пьянствовать, развратничать, играть в карты. Иные бы сразу постарели, осунулись. Другие утратили бы остаток надежды разбогатеть, и потеряли бы смысл жизни. Это наше маленькое Монте-Карло и, может быть, оно и необходимо во всяком культурном государстве, но только я не пойму, почему не разрешают рулетки и trente-et-quarante. Это большая ошибка. Можно бы ведь даже «с фактическим контролем» правительства и благотворительными марками. А то одни ежедневно пляшут дикой танец, а другим запрещается даже невинный семейный кадрил..

„Общество искусственных смерчей“ и другія.

На Стрѣлкѣ или «на крышѣ» въ «Европейской» нѣтъ-нѣтъ да и встрѣтишь лицо, которому совсѣмъ не мѣсто сейчасъ въ Петербургѣ. Давно бы пора куда-нибудь на воды.

— Моисей Львовичъ! Какими судьбами вы здѣсь?

— А, знаете, въ этомъ году совсѣмъ особенная биржа.. Еще самая игра. Нельзя уѣхать..

Биржевики еще сидятъ въ Петербургѣ. Ваканалія около 502.000.000 втянула въ пляску многихъ, кто раньше и понятія не имѣлъ о биржѣ. Заиграли, говорятъ, многіе депутаты, даже журналисты.

Лѣтъ шесть назадъ въ Россіи 11-лѣтній Коля спрашивалъ 12-лѣтняго Ваню:

— Какая ваша платформа?

Скоро тотъ же Ваня будетъ спрашивать Колю:

— Вы Къштьмъ не купили? А я «Дюмо» продать, покупаю «Вагонъ»...

Во всякомъ случаѣ горничная одной моей знакомой уже играетъ на биржѣ. Посмотрите, какая «смѣшанная» публика приходитъ смотрѣть «вечернюю биржу» на уголъ Садовой и Невскаго, гдѣ она вывѣшивается въ шестомъ часу.

Вѣкъ биржи.

Можно создать самое невѣроятное предпріятіе: «Общество для выкорчевыванія дѣвственныхъ лѣсовъ Новой Гвиней помощью искусственныхъ смерчей», «Общество для эксплуатаціи изверженія вулкановъ

для освѣщенія океана», «Общество искусственнаго разведенія львовъ въ Сахарѣ съ дѣлю пользования ихъ гривами»... Газеты пишутъ же, что въ Вѣнѣ уже возникаетъ, кажется, общество для «человѣководства»?!

Рѣшительно все равно какое общество, лишь бы акціи котировались на биржѣ. Разъ акціи котировуются, на нихъ можно заработать.

Вчера я получилъ изъ Нью-Йорка предложеніе вступить въ новое дѣло—оно называется «Какъ нужно говорить?» Въ проспектъ разъясняется, что секретъ жизненнаго успѣха въ умѣныи говорить. Что сказать? Какъ сказать и когда?—это самое важное.

Если вы постигнете это искусство, вы преуспѣете въ жизни. Если вы адвокатъ, вы станете знаменитымъ адвокатомъ. Если вы купецъ—будете миллионеромъ, по крайней мѣрѣ (а можете быть и миллиардеромъ). Даже если вы шоферъ, то вы станете чемпиономъ міра...

Курсъ всего искусства стоитъ 24 доллара. Проспектъ предлагаетъ акціи общества, учредившаго эти курсы, по 20 долларомъ штука, причемъ *гарантированно* дивидендъ 180 проц. и при подпискѣ нужно внести *только 2 доллара* на акцію, а 18 могутъ быть оплачены изъ дивиденда...

Одинъ мой знакомый отослалъ свои деньги тетушкѣ въ Москву, боятся, какъ бы его не уговорили кунить какія-нибудь акціи.

Ну, а тетушку уже не уговорять...

Іюнь 1912 года.

Петербургъ.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Монте-Карло.

	СТРАН.
Въ царствѣ азурта	3
Еще о Монте-Карло	32

О литературѣ, порнографіи и прочемъ.

Какъ меня прогналъ Л. Н. Толстой	39
Водна порнографія	42
На выставкѣ печати	45
Курьезы «новой» литературы	49
Архивахальство и архивауность	51

Изъ поѣздки въ Южную Америку.

Къ чужинцъ	57
Въ Nord-Express'ѣ	60
Въ Sud-Express'ѣ	62
Въ Португаліи	66
Въ столицѣ новой республики	71
Въ океанѣ	75
Спортъ и религія	81
На акваторіи	87
У береговъ Бразиліи	90
Въ Рио-Жанейро	94
«Русское» въ Рио-Жанейро	100
Черное золото	105
Въ кофейномъ царствѣ	110
Резервъ человечества	114
Негры, кашаса и зеленые попугаи	119
Въ «странѣ буффонады»	123
У антиподовъ	131
Въ «городѣ риска»	137
Тоска по родинѣ	144
Наша у попугаевъ	147
Хохлы на олимпийскихъ играхъ въ Патагоніи	150
Овереточныя страны	153

О модахъ, балетѣ, гастрономіи и прочемъ. (СРАВ.)

Ка величество-мода	159
Праздника мысли на дорогѣ зѣломъ	167
Еще о модѣ	173
Снова о модѣ	176
Федьетонъ	179
Марабу, шеншила и женщины	182
О посткойѣ, лучахъ мозга и прочемъ	184
О соусѣ кумберландъ и прочемъ	187
О балетѣ	189
Нѣчто гастрономическое	191

Изъ поѣздокъ въ Сѣверную Америку и по Зап. Европѣ.

Въ Сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ	197
Путешествіе и споръ	208
Парижъ зѣломъ	214
Парижъ. <i>Kat Mori</i>	217
Пустычки	221
Марабу, покрытые пѣсьенъ	225
Объ автомобиляхъ, русской горгоной падитѣ и прочемъ	228
По Швейцаріи	232
Въ Венеціи	235

Разное.

Кинематографъ мысли.

Свое	243
Замедленная дѣловитость или ускоренное бедѣлае?	246
Невѣдомая страна	250
Берегивъ	254
Скучно	257
Миллиардъ и миллионъ	261
Профессиональная тайна	266
Изъ запасной книжки	271
Спитки подъ трюфиками	274
Что создастъ усміхъ въ жизни?	278
«Пустычки, которые поютъ»	282
Ночь передъ Рождествомъ	285
А вы знаете, какъ по-португальски?	288
Ходящій парадоксъ	292
Солдаты-разбойники	295
Съ юга на сѣверъ	300
Секретъ точности	303
Гибель «Титаника»	305
«Le roi est mort, vive le roi»	308
«Португальцы» и левскія акціи	311
У обреченныхъ	314
«Общество искусственныхъ смертей» и другія	317